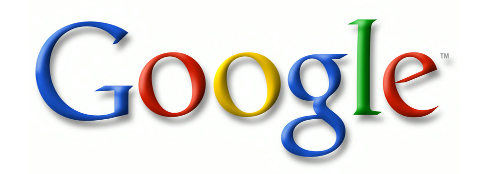
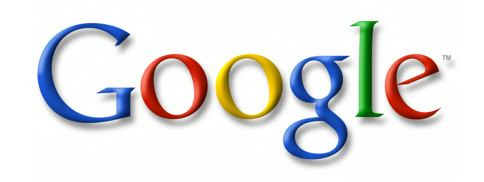

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. ГЕРШУНИНА и К°.
Спб. Николаевская 8.

ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ 60-хъ гг.
въ ихъ прошломъ и настоящемъ
Подъ редакціей І. В. Гессена и Пр. Доц. А. И. Каминка.

А. А. КОРНИЛОВЪ.

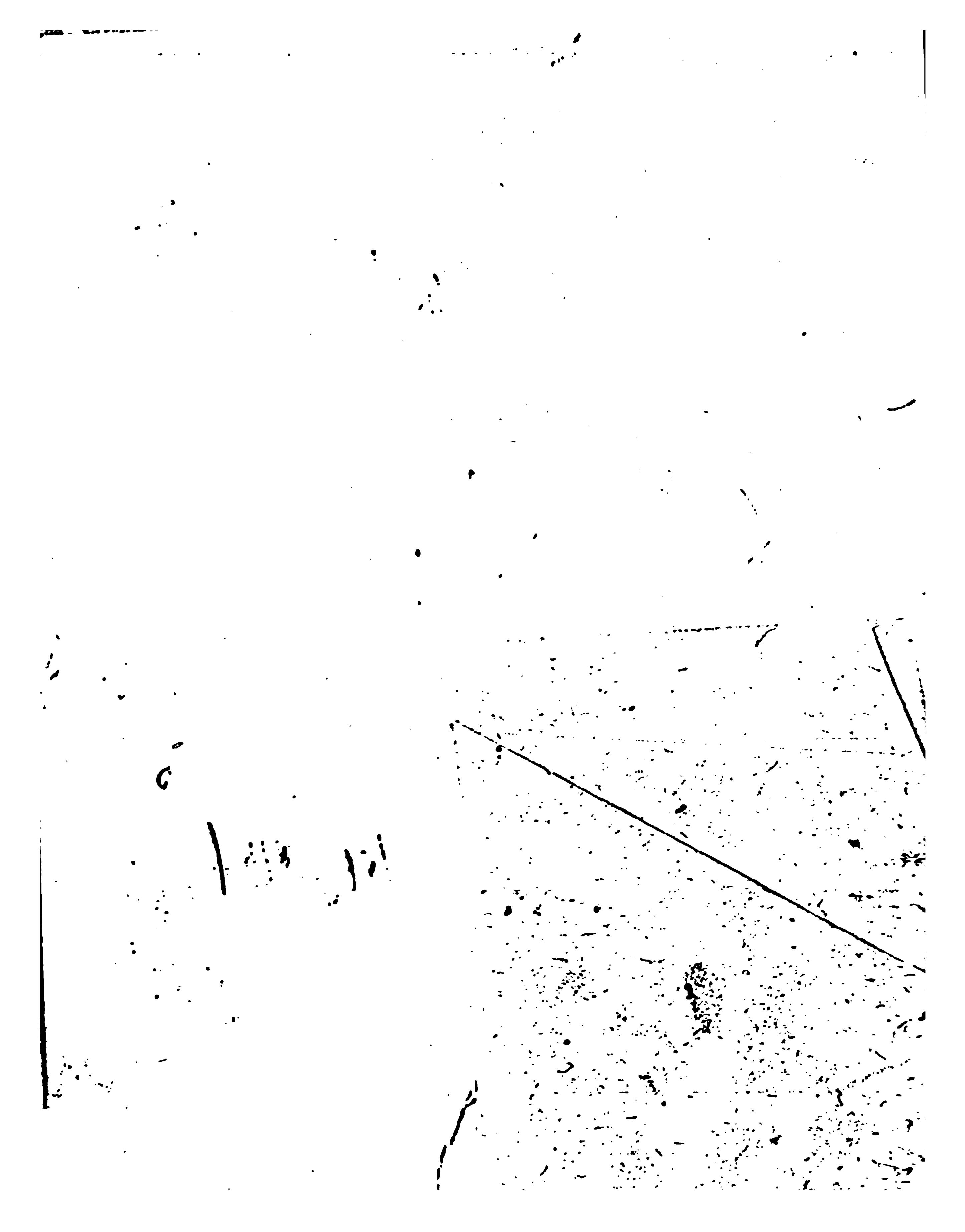
Крестьянская Реформа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.
1905.

014597 - 406

Предисловіе.

Въ первыхъ главахъ этой книги мнѣ пришлось въ значительной мѣрѣ повторить то, что уже было изложено въ статьяхъ моихъ „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г.г.“ [1]) и „Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.“ [2]). Но при этомъ я считалъ необходимымъ остановиться гораздо подробнѣе на выясненіи участія литературы и журналистики въ крестьянской реформѣ. Вся остальная часть настоящей работы, выясняющая судьбу крестьянскаго дѣла въ Россіи съ 1861 года и до нашихъ дней, изложена мною впервые съ принятіемъ во вниманіе какъ матеріаловъ, изданныхъ частными лицами до самаго послѣдняго времени, такъ и тѣхъ офиціальныхъ источниковъ, которые были мнѣ доступны. При этомъ я старался, насколько допускалъ напередъ опредѣленный размѣръ книги, излагать ходъ и развитіе крестьянскаго дѣла въ связи съ общей исторіей нашей государственной и общественной жизни послѣднихъ десятилѣтій.

Изучая и наблюдая событія этой жизни, можно, мнѣ кажется, и не будучи пророкомъ, предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ новую коренную реформу въ положеніи крестьянства и въ аграрномъ, и въ административномъ, и въ правовомъ отношеніяхъ.

Нельзя поэтому не пожелать, чтобы эта реформа совершена была съ большею подготовкою, съ большею плано-

---

1) „Русское Богатство“ за 1904 г. №№ 1—5.

2) Сборникъ „Крестьянскій Строй“. Спб. 1905 г.

мѣрностью и послѣдовательностью и безъ тѣхъ урѣзокъ и компромиссовъ, которые исказили великій освободительный актъ 1861 года.

А чтобы это было достигнуто, надо, какъ мнѣ кажется, стать на ту единственно вѣрную точку зрѣнія, которая была выражена тверскимъ дворянскимъ собраніемъ 1862 года, заявившимъ, что только свободно выбранные представители самого народа могутъ разрѣшить раціонально эту великую задачу.

Авторъ.

Петербургъ.
20 апрѣля 1905 года.

ГЛАВА I.

Установленіе крѣпостного права въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ и развитіе его въ послѣдующее время.—Начало критическаго отношенія къ крѣпостному праву съ точки зрѣнія гуманитарныхъ идей XVIII вѣка.—Либеральныя стремленія Александра I.—Николай I.—Матеріальные факторы, подготовившіе паденіе крѣпостного права.—Реакція, наступившая послѣ 1848 года.

Крѣпостного права въ древней Россіи, какъ извѣстно, не существовало. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ состоялось въ эпоху государственныхъ и общественныхъ смутъ, происходившихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій. Крѣпостной строй и основанный на немъ типъ народнаго и государственнаго хозяйства окрѣпъ и сложился окончательно въ періодъ XVII и XVIII вѣковъ, получивъ свое завершеніе и значительное территоріальное распространеніе въ царствованіе Екатерины *).

---

*) Библіографическія указанія по исторіи крѣпостного права можно найти у *В. И. Семевскаго* „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II" т. I, изд. 2-ое (1903 г.). Мы съ своей стороны укажемъ здѣсь читателю на слѣд. труды: *И. Энгельмана* „Исторія крѣпостного права въ Россіи" (русск. перев. В. Щербы, подъ редакц. Кизеветтера); *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи" въ сборникѣ „Крестьянскій строй"; *П. Н. Милюкова* ст. „Крестьяне" въ энцикл. словарѣ Брокгауза и Эфрона; *И. Забѣлина* „Большой бояринъ" и проч. въ Вѣст. Евр. за 1871 г. №№ 1 и 2; *В. О. Ключевскаго* „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи" Русск. Мысль за 1885 г. №№ 8—10; *М. А. Дьяконова* „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ". Спб. 1898 г.

„Московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду,—какъ справедливо отмѣчаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій,—главнымъ образомъ, не сословныя тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ былъ служить государству" *). Сами помѣщики, какъ извѣстно, несли тягло: имъ раздавались помѣстья и у нихъ оставлялись ихъ вотчины не во имя ихъ частныхъ правъ, не ради ихъ выгодъ, а единственно для того, чтобы они, эксплоатируя данныя имъ земли при помощи труда поселенныхъ на нихъ крестьянъ, несли государеву службу и доставляли государству необходимые ему доходы. Однако, при слабости центральной государственной власти, власть помѣщиковъ быстро развивалась и крѣпла и къ началу XVIII вѣка каждый помѣщикъ сдѣлался мало-помалу своего рода государемъ въ своемъ помѣстьѣ, если и не имѣвшимъ права жизни и смерти надъ своими подданными, то фактически имѣвшимъ полную возможность располагать по своему произволу трудомъ, имуществомъ и въ значительной мѣрѣ личностью своихъ крѣпостныхъ. Онъ могъ наказывать ихъ всякими исправительными наказаніями, сѣчь, бить, даже ссылать въ Сибирь, отдавать въ рекруты, продавать, и если въ законѣ въ защиту крестьянъ и были установлены кое-какія ограниченія помѣщичьяго произвола, то и эти ограниченія могли имѣть лишь очень шаткое примѣненіе, такъ какъ крѣпостнымъ *по закону же* было запрещено приносить на своихъ помѣщиковъ жалобы. Въ такомъ видѣ крѣпостное право дожило до середины XIX вѣка. Въ экономическомъ отношеніи оно не только обезпечивало безотносительно хорошій доходъ помѣщикамъ съ ихъ имѣній и вотчинъ, но, сдѣлавшись привилегіей одного лишь дворянскаго сословія.

*) „Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи" въ сборникѣ „*Крестьянскій строй*" стр. 65.

оно послужило главнымъ матеріальнымъ основаніемъ для экономическаго возвышенія и преобладанія дворянства надъ всѣми остальными сословіями. Будучи сильнѣйшими людьми при дворѣ и въ провинціи, помѣщики привыкли мало-помалу къ большому произволу и самоуправству, тѣмъ болѣе, что государственная власть не располагала достаточно сильными средствами въ мѣстномъ управленіи. „Помѣщичье село" представлялось, по выраженію Побѣдоносцева, какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большого" *).

Мѣстное значеніе помѣщиковъ еще больше усилилось съ тѣхъ поръ, какъ они, освободившись въ 1762 г. отъ обязательной службы, стали проводить больше времени въ своихъ помѣстьяхъ.

Неудивительно, что при такомъ значеніи крѣпостного права, при той силѣ, которую оно давало дворянскому сословію, помѣщики привыкли смотрѣть на него, какъ на своего рода палладіумъ, какъ на нѣчто священное и неприкосновенное, и, смѣшивая свои сословныя и личныя выгоды съ государственной пользой, стали мало-по-малу считать крѣпостное право, наравнѣ съ самодержавіемъ, православіемъ и народностью, однимъ изъ устоевъ русскаго государства" **).

Само правительство раздѣляло этотъ взглядъ въ значительной мѣрѣ. Извѣстна фраза императора Павла о ста тысячахъ даровыхъ полицеймейстеровъ. Значеніе этихъ полицеймейстеровъ для правительства заключалось не въ томъ только, что они удерживали народъ въ повиновеніи; они дѣлали больше: черезъ нихъ правительство собирало свои доходы и они же ставили ему рекрутъ. Крѣпостное право являлось для правительства наиболѣе удобною по тому времени формою эксплоатаціи народнаго труда. Даже такой величайшій преобразователь своего времени, какъ Петръ Великій, уна-

*) „Историческія изслѣдованія", стр. 160. Спб. 1876 г.

**) Срав. статью мою „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г. г." въ „Русск. Богатствѣ" за 1904 г. № 1, стр. 114—116.

слѣдовавъ крѣпостное право отъ Московскаго государства, не только не подумалъ его отмѣнить или смягчить, но постарался его урегулировать, и извлечь изъ него всѣ тѣ матеріальныя средства, какія ему были нужны для его широкихъ преобразованій и изнурительныхъ войнъ, которыя онъ велъ съ сосѣдями. Когда онъ рѣшилъ создать въ Россіи заводскую и фабричную промышленность, то единственная форма, какую онъ могъ для нея придумать, оказалась тоже крѣпостное право: онъ приказалъ прикрѣпить людей къ устроеннымъ по его волѣ заводамъ и фабрикамъ. Приписывались люди въ вѣчную крѣпость и къ небольшимъ заведеніямъ и мастерскимъ, къ типографіямъ, лабораторіямъ, чертежнымъ, а также къ корабельнымъ лѣсамъ, къ благотворительнымъ заведеніямъ, къ почтовому вѣдомству (ямщики для отправленія почтовой гоньбы), къ государевымъ конюшнямъ и проч.

Рекрутскій уставъ тоже покоился на крѣпостномъ правѣ: сдать въ солдаты значило въ сущности перечислить человѣка изъ крѣпостной зависимости отъ помѣщика въ крѣпостную зависимость отъ воинскаго начальства, въ большинствѣ случаевъ еще болѣе тяжкую уже потому, что здѣсь человѣкъ отрывался на всю жизнь отъ своего семейнаго очага. „Трудно представить себѣ,—писалъ въ 1855 г. К. Д. Кавелинъ,—что-либо несправедливѣе, тягостнѣе для народа, разорительнѣе для государства и противнѣе здравому смыслу — нашего устава о рекрутской повинности. Срокъ службы полагается 25-ти лѣтній. Такая долгая служба перестаетъ уже быть повинностью, а становится просто обращеніемъ въ крѣпостное состояніе государству, тѣмъ болѣе, что дѣти, внуки, правнуки и отдаленнѣйшее потомство сданныхъ въ рекруты тоже обязаны служить государству“ *).

Казенные крестьяне были также прикрѣплены къ землѣ или къ фабрикамъ и заводамъ и взамѣнъ помѣщичьяго произвола надъ ними тяготѣлъ произволъ полицейскихъ чиновни-

*) *Кавелинъ*. Сочиненія, т. II, стр. 9.

ковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., мастеровые на горныхъ заводахъ, подчинены были военной дисциплинѣ и военному суду.

Но подобная организація народнаго труда и хозяйства могла существовать лишь въ дикой, малонаселенной странѣ при системѣ экстензивной обработки полей; при ней не было возможности добиться ни раціональнаго веденія сельскаго хозяйства, ни удовлетворительной постановки заводской и фабричной промышленности. Производительность подневольнаго труда была минимальна и не могла выдержать никакой конкурренціи вольнонаемнаго труда, производительность котораго была, по крайней мѣрѣ, вдвое выше. На фабрикахъ же постоянное количество приписанныхъ къ нимъ рабочихъ отнимало у фабрикантовъ возможность произвольно регулировать ихъ число сообразно съ состояніемъ рынка и съ примѣненіемъ къ дѣлу машинъ и другихъ техническихъ улучшеній. Поэтому, какъ помѣщичьи фабрики и заводы, такъ и поссессіонныя съ приписанными къ нимъ рабочими, стали быстро падать, и уже при Александрѣ I число вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ превысило число приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ, и вскорѣ само правительство признало необходимымъ разрѣшить владѣльцамъ поссессіонныхъ заводовъ и фабрикъ освобождать приписанныхъ къ нимъ рабочихъ, что и было, наконецъ, дозволено закономъ 1840 г. Но и такъ называемые вольнонаемные рабочіе на фабрикахъ и заводахъ при крѣпостномъ правѣ рекрутировались большею частью изъ числа крѣпостныхъ же крестьянъ, нанимаемыхъ по условіямъ съ ихъ господами, а не съ ними самими, а потому и трудъ ихъ былъ въ сущности подневольный. Для фабриканта преимущество такихъ рабочихъ предъ приписанными къ фабрикѣ заключалось лишь въ томъ, что онъ могъ во всякое время прогнать ихъ съ фабрики *).

*) Срав. у *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, стр. 178 и слѣд. и *М. И. Туганъ-Барановскаго* „Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ“ passim.

Подобныя условія труда коренным образомъ препятствовали развитію и процвѣтанію промышленности; частныя фабрики падали и закрывались, казенныя приносили убытокъ и производили издѣлія совершенно не годныя. Бюрократическій порядокъ веденія ихъ и плутни управлявшихъ ими чиновниковъ не давали только до времени ясно разглядѣть плачевные результаты подобнаго хозяйничанья; но результаты эти сказались самымъ жестокимъ образомъ при первомъ столкновеніи съ западноевропейскими культурными націями.

Съ конца XVIII вѣка, послѣ великой революціи, и въ особенности въ началѣ XIX-го, послѣ наполеоновскихъ войнъ, встряхнувшихъ всѣ европейскія страны, Европа стала быстро перестраиваться и обновляться, отряхая съ себя послѣдніе остатки феодальнаго строя. Промышленная дѣятельность развивалась во всѣхъ европейскихъ странахъ гигантскими шагами, и люди проницательные предсказывали уже въ сороковыхъ годахъ, что, если Россія не выйдетъ изъ того состоянія застоя и неподвижности, которое обусловливалось прежде всего крѣпостнымъ строемъ, то при первомъ же столкновеніи съ Западомъ все ея видимое военное могущество окажется показнымъ и мишурнымъ и не выдержитъ серьезнаго испытанія *). Но крѣпостное право не только парализовало развитіе сельско-хозяйственной и фабричной промышленности; оно оказывало въ высшей степени растлѣвающее вліяніе на всѣ классы общества. Поощряя тунеядство и косность помѣщичьяго класса, оно обусловливало приниженность купечества и промышленнаго класса и, комбинируясь съ существовавшею бюрократическою системою, обусловливавшею процвѣтаніе административнаго произвола и злоупотребленій подъ покровомъ безгласности, создавало ту гнетущую атмосферу лжи и застоя, въ которой задушалась всякая независимая и свѣжая мысль...

---

*) Срав. N. *Tourguneff* „La Russie et les Russes", т. III, стр. 13 (изд. 1847 г.).

„Крѣпостное право,— пишетъ г-жа Игнатовичъ, — развращало чиновничество, пропитывало насквозь весь государственный организмъ. Чиновники, привыкнувъ брать взятки съ помѣщиковъ, существовать на ихъ счетъ, переносили свои привычки на все. Взяточничество, презрѣніе къ человѣческой личности, произволъ старшихъ надъ младшими существовали всюду, въ арміи, флотѣ, въ канцеляріяхъ, въ высшихъ инстанціяхъ и въ низшихъ. Никакія распоряженія, угрозы высшаго правительства не могли искоренить взяточничества чиновниковъ, когда чуть не половина населенія находилась въ рукахъ помѣщиковъ, распоряжавшихся личностью своихъ крѣпостныхъ, какъ имъ заблагоразсудится“ *)...

Одинокіе протесты, если не противъ самого крѣпостного права, то противъ наиболѣе рѣзкихъ и безнравственныхъ его проявленій, случались еще и въ Московскомъ государствѣ; но вопросъ о полномъ его уничтоженіи не могъ серьезно возникнуть, пока крѣпостное право разсматривалось, какъ учрежденіе государственное. При тогдашнихъ условіяхъ помѣщикъ даже *не имѣлъ права* отпустить своихъ крѣпостныхъ на волю, еслибы и хотѣлъ. Мысль объ эмансипаціи крѣпостныхъ, какъ это справедливо указалъ еще г. Романовичъ-Словатинскій,—могла впервые возникнуть лишь тогда, когда изъ русскаго государственнаго строя стала мало-по-малу исчезать идея государственнаго тягла. Первымъ толчкомъ къ возникновенію этой мысли могъ послужить указъ Петра III-го объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. Но къ тому времени идея крѣпостного права настолько уже окрѣпла въ русскомъ обществѣ, дворянство наше такъ съ нею сроднилось, что мысль объ упраздненіи крѣпостного права однимъ казалась безуміемъ, другимъ посягательствомъ на исконныя права благороднаго сословія и всѣхъ почти приводила въ ужасъ и негодованіе. Образчики отношенія дво-

*) *Н. П. Игнатовичъ*, назв. соч., стр. 197. Срав. Записки *кн. П. А. Кропоткина*, стр. 279.

рянства къ этой мысли, когда она впервые была выражена при Екатеринѣ II, мы видимъ въ преніяхъ созванной Екатериной законодательной комиссіи и еще ранѣе въ критикѣ на Наказъ, составленный императрицей, со стороны, напримѣръ, Сумарокова, являвшагося, безъ сомнѣнія, представителемъ господствовавшаго среди дворянъ взгляда на крѣпостное право.

Первые сознательные и убѣжденные противники крѣпостного права явились среди русскихъ дворянъ только тогда, когда нѣкоторые изъ нихъ серьезно и глубоко восприняли плоды западно-европейскаго просвѣщенія. Какъ только это случилось, такъ критика крѣпостного права, основанная на гуманитарныхъ идеяхъ XVIII вѣка, сразу достигла въ трудахъ Полѣнова и, особенно, Радищева достаточной глубины и силы*).

Императоръ Александръ I, также воспитанный на гуманитарныхъ и либеральныхъ идеяхъ конца XVIII столѣтія, въ началѣ своего царствованія самъ помышлялъ объ упраздненіи или, по крайней мѣрѣ, серіозномъ ограниченіи крѣпостного права въ Россіи**). На дѣлѣ онъ положилъ лишь предѣлъ дальнѣйшему распространенію его путемъ раздачи казенныхъ населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, широко практиковавшейся при его предшественникахъ, и облегчилъ способы увольненія крѣпостныхъ крестьянъ частными лицами въ свободные хлѣбопашцы***). Отъ болѣе послѣдовательнаго и рѣшительнаго проведенія въ жизнь своихъ либеральныхъ

*) *В. А. Мякотинъ.* „На зарѣ нашего общества“ въ сборникѣ „На славномъ посту“. Срав. *В. И. Семевскаго* „Крестьянскій вопросъ и проч. т. I, стр. 213.

**) Кромѣ извѣстныхъ сочиненій *Шильдера* и *Богдановича* срав. біографію гр. П. А. Строгонова, составленную *Вел. кн. Николаемъ Михаиловичемъ*, т. II. Спб. 1903 г. passim и статью *В. И. Семевскаго* „Крестьянскій вопросъ при Александрѣ I“ въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, стр. 169 и слѣд.

***) Указъ 1803 г. 21 февраля П. С. З. № 20625.

мечтаній онъ отказался подъ вліяніемъ напряженной борьбы, которую ему пришлось вести съ Наполеономъ. Увлекшись ролью главы легитимистской партіи въ Европѣ, онъ развилъ въ Россіи такой милитаризмъ, который никогда не существовалъ въ ней ранѣе, и въ результатѣ не только не освободилъ крѣпостныхъ крестьянъ, но еще создалъ новое крѣпостническое учрежденіе—мрачной памяти военныя поселенія, которыя наложили темное неизгладимое пятно на его царствованіе. Слова, сказанныя Александромъ генералу Савори въ 1807 г., что онъ цѣною собственной жизни освободилъ бы крестьянъ, *„если-бы образованность была на болѣе высокой степени“*, представляются намъ пустой отговоркой. Конечно, не отсутствіе образованности въ народѣ послужило ему въ этомъ случаѣ препятствіемъ, а необходимость напряженія до послѣдней крайности всѣхъ наличныхъ средствъ государства для поддержанія той блестящей по внѣшности роли покровителя легитимизма въ Европѣ, которую онъ себѣ создалъ въ ущербъ насущнѣйшимъ интересамъ родной страны *).

Но если самъ Александръ I далеко уклонился во 2-ую половину своего царствованія отъ либеральныхъ мечтаній и идей своей юности, за то въ обществѣ русскомъ идеи эти сдѣлали при немъ значительные успѣхи. И тѣ же самыя событія, которыя заставили Александра сбиться съ пути реформъ, намѣченнаго въ началѣ царствованія, послужили для значительной части его подданныхъ поводомъ къ близкому соприкосновенію съ европейской культурой и освободительными идеями, распространившимися въ Западной Европѣ въ началѣ XIX вѣка. Правительство, вступившее послѣ 1816 г. на путь реакціи, препятствовало, правда, свободному распространенію этихъ идей въ литературѣ, куда онѣ проникали лишь контрабандой или по недосмотру цензоровъ, но тѣмъ настойчивѣе распространялись эти идеи въ тайныхъ обще-

*) Срав. отзывы объ этомъ *Н. И. Тургенева* въ „La Russie et les Russes“, passim.

ствахъ, возникшихъ среди образованныхъ русскихъ людей въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра. Подробное изложеніе этихъ теченій, основанное на изслѣдованіи ненапечатанныхъ архивныхъ матеріаловъ, читатель найдетъ въ интересной статьѣ В. И. Семевскаго въ только что вышедшемъ сборникѣ „Крестьянскій строй"...

Въ царствованіе императора Николая къ тѣмъ идейнымъ аргументамъ противъ крѣпостного права, которые выставлялись „либералистами" конца XVIII и начала XIX вѣка, присоединились могущественные матеріальные факторы *). Самымъ элементарнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ сильнымъ факторомъ этого рода явился ростъ населенія. *Уплотненіе населенія* въ связи съ развившимися и усложнившимися, особенно подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ, потребностями государства и частныхъ лицъ, дѣлало необходимымъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, а между тѣмъ сдѣлать подневольный крѣпостной трудъ болѣе продуктивнымъ не было никакой возможности. Помѣщики давно уже убѣдились, что при какомъ угодно жестокомъ режимѣ подневольный трудъ все же никогда не можетъ сравняться въ производительности съ вольнонаемнымъ. Въ 40-хъ годахъ это убѣжденіе для думающихъ и читающихъ сельскихъ хозяевъ стало уже аксіомой. Многіе помѣщики ясно видѣли въ то же время, что введеніе улучшеннаго хозяйства съ машинами, съ травосѣяніемъ, съ болѣе сложнымъ сѣвооборотомъ требуетъ затраты значительнаго капитала, котораго не было.

---

*) Срав. *С. М. Середонинъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ" т. II, ч. I, стр. 204 и слѣд. Еще *А. П. Заблоцкій-Десятовскій* отмѣтилъ поворотъ во взглядахъ дворянства на крѣпостное право подъ вліяніемъ неурожаевъ сороковыхъ годовъ. („Гр. Киселевъ и его время", т. IV прилож., стр. 342).

Изложенный здѣсь очеркъ положенія крестьянскаго вопроса при Николаѣ заимствованъ изъ статей моихъ „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу" и проч. въ „Русск. Богат." за 1904 г. № 1, стр. 119 и слѣд.

При существовавшемъ же въ то время хозяйствѣ во многихъ имѣніяхъ некуда было дѣвать наличнаго крѣпостного труда, и крѣпостные перестали, такимъ образомъ, окупать стоимость своего содержанія. Сельскіе хозяева все болѣе и болѣе приходили къ сознанію *дороговизны и малой производительности* крѣпостного труда, кромѣ чисто промышленныхъ мѣстностей, гдѣ крѣпостные, отпускавшіеся на оброкъ, доставляли иногда значительные доходы своимъ господамъ. Особенно ярко чувствовали помѣщики невыгодность крѣпостного строя въ годы неурожаевъ, когда обязанность кормить крѣпостныхъ ложилась на ихъ разстроенныя хозяйства непосильнымъ бременемъ. Долги, обременявшіе помѣщичьи имѣнія, особенно послѣ войны 1812 г., все увеличивались, при чемъ большая часть займовъ сдѣлана была и продолжала дѣлаться непроизводительно: на роскошь, на поддержаніе дворянской суетности и спѣси, а не на улучшеніе хозяйства, и потому выпутаться изъ этихъ долговъ при прежнемъ ходѣ дѣлъ было невозможно. Многіе помѣщики попробовали усилить эксплоатацію крѣпостного труда, обращая имѣнія, ранѣе бывшія на оброкѣ, въ барщинныя и заводя вотчинныя фабрики. На нѣкоторыхъ такихъ фабрикахъ крестьянъ стали обращать въ „мѣсячниковъ", работавшихъ безъ всякой заработной платы и получавшихъ скудное пропитаніе отъ помѣщиковъ. Положеніе такихъ „фабричныхъ рабовъ" было ужасно; но и эта система оказалась для помѣщиковъ недостаточно выгодной, ибо при вялой работѣ такихъ крестьянъ даже и скудное ихъ пропитаніе оказывалось слишкомъ дорогимъ для помѣщиковъ *). Всѣ эти обстоятельства показывали неизбѣжность скорой ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.

Второй факторъ,— находившійся отчасти въ связи съ пер-

*) *М. И. Туганъ-Барановскій* „Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ" стр. 107—110. *И. И. Игнатовичъ*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія". Русск. Бог. № 10 за 1900 г., стр. 72 и слѣд.

вымъ—все обострявшееся настроеніе крѣпостныхъ по отношенію къ ихъ господамъ. Владѣть крѣпостными становилось *опасно*.

Прежнія патріархальныя отношенія, какъ ни мало привлекательны они были, замѣнились, подъ вліяніемъ вышеописаннаго угнетеннаго положенія хозяйства, еще худшими, нерѣдко для крестьянъ прямо невыносимыми. Злоупотребленія помѣщиковъ и разореніе крестьянъ, несмотря на строгое вмѣшательство правительственной власти, встрѣчались все чаще. Отношенія обострялись. Убійства помѣщиковъ и управляющихъ, поджоги и волненія крестьянъ повторялись все чаще и сильнѣе, нѐ смотря на жестокія усмиренія. Сильная правительственная власть еще удерживала внѣшній порядокъ, но людямъ проницательнымъ не трудно было уже чувствовать, насколько этотъ строй становился непроченъ и какимъ потрясеніемъ все это могло разрѣшиться. Кровавая рѣзня помѣщиковъ въ 1846 г. въ сосѣдней съ Россіей Галиціи многимъ показалась страшнымъ предостереженіемъ и для насъ. Особенно сильное впечатлѣніе эти событія произвели на помѣщиковъ западныхъ губерній, гдѣ замѣтно было и среди крестьянъ настроеніе, похожее на настроеніе ихъ галиційскихъ сосѣдей.

Правительство несомнѣнно также сознавало опасность такого положенія вещей... Императоръ Николай во все свое царствованіе не переставалъ напряженно искать выхода изъ этого положенія. Хотя онъ и считалъ себя, подобно Франциску I, первымъ дворяниномъ имперіи, хотя онъ и былъ окруженъ тайными и явными крѣпостниками (кромѣ одного Киселева, который тоже, впрочемъ, не слишкомъ благосклонно относился къ демократическимъ вѣяніямъ вѣка)—онъ понималъ, однако же, необходимость и неизбѣжность упраздненія крѣпостного права. Его никогда не оставляла мысль, высказанная впослѣдствіи въ критическій моментъ его сыномъ московскому дворянству,—мысль о томъ, что лучше, чтобы отмѣна крѣпостного права началась постепенно сверху, нежели снизу. Когда произошли кровавыя событія въ Галиціи,

онъ однимъ почеркомъ пера ввелъ рѣшительное преобразованіе въ отношенія между помѣщиками и крестьянами въ Царствѣ Польскомъ *) и, не задумываясь, приказалъ ввести утвержденные правительствомъ инвентари въ юго-западномъ краѣ **). Но въ русскихъ губерніяхъ ему мѣшалъ найти правильный путь къ намѣченной цѣли тотъ замкнутый, келейный способъ обсужденія и рѣшенія государственныхъ дѣлъ, который онъ принялъ за правило. Благодаря этому способу онъ при всемъ своемъ самовластіи, при всей силѣ своего характера, не могъ не быть въ извѣстной зависимости отъ окружавшихъ его плотною стѣною сановниковъ, меньше всего желавшихъ какихъ бы то ни было перемѣнъ. Съ другой стороны—и это, можетъ быть, было еще важнѣе—этотъ способъ управленія страной лишалъ его возможности безпристрастно изслѣдовать дѣло и узнать истинныя нужды даже тѣхъ самыхъ дворянъ, къ которымъ онъ причислялъ самого себя.

Въ поискахъ легчайшаго пути къ намѣченной цѣли Николай I руководствовался двумя соображеніями, изъ которыхъ одно было совершенно вѣрно, а другое совершенно ложно. По мнѣнію императора, было необходимо въ видахъ спокойствія государства не допустить, чтобы крестьяне превратились при освобожденіи въ бездомныхъ пролетаріевъ; съ другой стороны, онъ считалъ собственность на землю священнымъ и неприкосновеннымъ правомъ дворянства. Руководясь этими принципами и ведя дѣло бюрократически и келейно, правительство, послѣ цѣлаго ряда совѣщаній въ секретныхъ комитетахъ, составлявшихся изъ тѣснаго кружка лицъ, окружавшихъ государя, предложило дворянству, въ дополненіе къ существовавшему уже закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ, новый способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ видѣ указа 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ кре-

---

*) Указъ 26 мая 1846 г.

**) Выс. утв. „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“ 26 мая 1847 года.

стьянахъ. Въ сущности это были -по справедливому замѣчанію А. И. Кошелева -тѣ же инвентари: только введеніе ихъ зависѣло отъ *добровольныхъ* соглашеній помѣщиковъ съ ихъ крестьянами. Этотъ указъ предоставлялъ помѣщикамъ, *желавшимъ* устроить бытъ своихъ крестьянъ, заключать съ ними условія объ отводѣ имъ участковъ земли въ *пользованіе* за опредѣленныя повинности, при чемъ собственность на землю должна была оставаться за помѣщиками.

Указъ этотъ, обращенный къ филантропическимъ чувствамъ помѣщиковъ, а не основанный на изслѣдованіи ихъ хозяйственныхъ нуждъ, потерпѣлъ полное фіаско. Многіе помѣщики не поняли и не могли понять тонкаго юридическаго различія между правомъ постояннаго пользованія и правомъ собственности; огромное большинство изъ нихъ вовсе не привлекала идея учрежденія феодальныхъ имѣній. Но они очень хорошо поняли, что указъ этотъ отнюдь не развязываетъ ихъ съ крестьянами, а въ то же время, ослабляя ихъ власть, ничѣмъ не гарантируетъ, что крестьяне будутъ правильно соблюдать заключенныя ими условія. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ послѣ изданія этого указа имъ воспользовался одинъ графъ М. С. Воронцовъ, до конца же царствованія Николая только 5 помѣщиковъ рѣшились обратить своихъ крѣпостныхъ въ обязанныхъ крестьянъ.

Такая судьба этого закона была, впрочемъ, предсказана при самомъ его изданіи въ средѣ государственнаго совѣта кн. Д. Н. Голицынымъ, который сказалъ, что если договоры оставить на волю владѣльцевъ, то едва ли они будутъ кѣмъ либо заключены. Онъ совѣтовалъ поэтому лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями, взявъ въ основаніе законъ Павла I о трехдневной барщинѣ *). Многіе со-

*) В. И. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", II, 62. Характерно, что Николай Павловичъ отвѣчалъ на слова Голицына: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, чтобы приказывать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли, и только опытъ укажетъ, въ

ставляли проекты ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній съ отступленіемъ отъ правилъ этого указа; но правительство упорно не соглашалось отступить отъ положенныхъ въ основу этого закона принциповъ. Указъ этотъ послужилъ, однако же, предметомъ болѣе или менѣе основательной критики для многихъ. Толки по поводу этого указа долго не прекращались. Даже, когда послѣ революціи 1848 года наступилъ періодъ самой глухой реакціи, помѣщики продолжали нѣкоторое время въ частныхъ собраніяхъ и съѣздахъ потихоньку обсуждать вопросъ о необходимости измѣненія крѣпостныхъ отношеній. Большая часть мыслящихъ помѣщиковъ хорошо сознавала необходимость развязаться такъ или иначе съ своими крѣпостными. Обсуждая между собою этотъ вопросъ вовсе не съ филантропической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія своихъ помѣщичьихъ интересовъ, они старались устроить все дѣло такъ, чтобы, по возможности, сохранить всю или бóльшую часть земли въ своемъ распоряженіи, освободивъ ее въ то же время отъ обременявшихъ ее долговъ и получивъ капиталъ, необходимый для веденія улучшеннаго хозяйства, для устройства предпріятій, могущихъ на мѣстѣ перерабатывать часть земледѣльческихъ продуктовъ, и для найма рабочихъ. Чтобы освободить землю отъ долговъ и получить денежный капиталъ, помѣщики готовы были поступиться *нѣкоторой* частью своей земли. Относясь очень несочувственно къ предложеніямъ и планамъ правительства, большинство помѣщиковъ, даже наиболѣе ревниво оберегавшихъ интересы „благороднаго сословія", въ сущности ничего не имѣли бы противъ уничтоженія крѣпостного права, при условіи сохраненія въ полномъ распоряженіи дворянства большей части ихъ земли и полученія за личность крестьянъ или за прекращеніе права пользоваться безвозмездно и произвольно ихъ трудомъ—хорошаго выкупа.

какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному".

На мысль о необходимости ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній многихъ помѣщиковъ наталкивала также непомѣрная задолженность ихъ имѣній. Въ 1843 г. въ госуд. банкѣ и въ сохранныхъ казнахъ было заложено 5.575.515 душъ. Въ 1852 г. число заложенныхъ душъ возросло до 5.843.735, а къ 1 января 1856 г. до 6.028.794. Сверхъ того, въ приказахъ общественнаго призрѣнія было заложено на сумму 100.000.000 руб., по приблизительному расчету современниковъ, около 1.000.000 душъ *); между тѣмъ, какъ по 9-ой ревизіи всѣхъ крѣпостныхъ людей м. п. числилось 10.708.856. Въ заложенныхъ имѣніяхъ долгу приходилось на каждую душу по 69 рублей въ среднемъ. „Уплата процентовъ по этимъ долгамъ,— замѣчаетъ В. И. Семевскій,—лежала тяжелымъ бременемъ на помѣщичьихъ хозяйствахъ и наводила многихъ дворянъ на мысль, что было бы недурно раздѣлаться съ этими долгами, *хотя бы посредствомъ освобожденія крестьянъ*“ **).

Что это было именно такъ, видно изъ тѣхъ проектовъ освобожденія крестьянъ, которые представляли правительству дворяне разныхъ мѣстностей взамѣнъ невыгодныхъ для нихъ условій указа 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Кн. Черкасскій такъ формулировалъ проектъ, представленный девятью тульскими помѣщиками на выборахъ 1843—1844 г. г.: они предлагали „отпустить каждый въ имѣніи своемъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по 1 десятинѣ на ревизскую душу и освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ прежнихъ отношеній къ господамъ. За это они просили только перевода на вновь освобожденныхъ крестьянъ изъ долга опекунскаго совѣта 45 руб. серебромъ (на каждую душу)“ ***). Представляя этотъ проектъ губернатору, дворяне

*) Кошелевъ „Записки“, приложеніе V, стр. 136.

**) *В. И. Семевскій* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ т. II, стр. 617. *И. И. Игнатовичъ*. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“. „Русск. Богатство“ за 1900 г. № 12, стр. 82, 83.

***) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, изд. кн. Трубецкой, I, стр. 10 и приложен. I, стр. 3.

объясняли, что они „желали бы исполнить монаршую волю изъявленную въ указѣ объ обязанныхъ крестьянахъ"... но встрѣтили затрудненіе въ томъ, что имѣнія ихъ, состоя въ залогѣ въ кредитныхъ установленіяхъ отъ 60--80 руб. сер. на ревизскую душу, сверхъ того, по бѣдственному 1840 году, обременились значительными долгами частными *). Раскладывая по 45 руб. на душу на земли, уступаемыя ими крестьянамъ, эти помѣщики просили еще, чтобы уплата остальной причитающейся съ ихъ имѣній суммы платежей была имъ отсрочена на 10 лѣтъ и чтобы поземельная подать на ихъ имѣнія была наложена лишь послѣ того, какъ уплатятся эти долги и новыя отношенія „основательно утвердятся и примутъ должный ходъ" **).

Насколько была распространена идея упраздненія крѣпостныхъ отношеній при посредствѣ выкупа въ царствованіе императора Николая, видно изъ многихъ дворянскихъ проектовъ, приведенныхъ въ извѣстномъ трудѣ В. И. Семевскаго („Крестьянскій вопросъ въ Россіи"). Таковы проекты рязанскаго помѣщика князя Леонида Голицына, кн. Н. Б. Голицына и въ особенности проектъ А. Д. Желтухина, одного изъ наиболѣе компетентныхъ и умныхъ поборниковъ именно дворянскихъ сословныхъ и имущественныхъ интересовъ, принимавшаго впослѣдствіи непосредственное участіе въ работахъ редакціонныхъ комиссій, гдѣ онъ считался однимъ изъ столповъ дворянской партіи, и издававшаго въ 1858 — 1859 г. извѣстный „Журналъ для землевладѣльцевъ". Любопытно отмѣтить, что этотъ самый Желтухинъ еще въ февралѣ 1847 года считалъ крѣпостное право „*главнымъ, можетъ быть, единственнымъ препятствіемъ развитію Россіи*" и видѣлъ особенно пагубное вліяніе его въ упадкѣ сельскаго хозяйства ***).

Самый лучшій выкупной проектъ того времени составленъ

*) Семевскій, н. с. т. II, стр. 238.
**) Тамъ же, стр. 240.
***) Тамъ же стр. 454.

былъ смоленскимъ помѣщикомъ А. А. Вонлярлярскимъ. Этотъ проектъ, подробно изложенный у В. И. Семевскаго, являлся въ сущности прототипомъ проектовъ, составленныхъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ передовыми представителями дворянства. Въ немъ заключались уже тѣ начала, которыя легли въ основаніе извѣстнаго проекта А. М. Унковскаго. Довольно легко подмѣтить и прямую преемственность мысли въ этомъ случаѣ, если обратить вниманіе на живой обмѣнъ свѣдѣніями и взглядами, происходившій между тверскими и смоленскими дворянами въ 1847—1849 годахъ, въ періодъ негласнаго обсужденія ими крестьянскаго вопроса по вызову императора Николая *).

Даже и тѣ помѣщики, которые считали освобожденіе крестьянъ несвоевременнымъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, отчетливо представляли себѣ условія, при которыхъ ликвидація крѣпостныхъ отношеній была бы возможна съ точки зрѣнія охраны дворянскихъ интересовъ. Они уже въ то время болѣе всего боялись несвоевременнаго и, по ихъ мнѣнію, даже опаснаго вмѣшательства правительства, направленнаго къ регулированію крѣпостныхъ отношеній и къ улучшенію положенія крестьянъ безъ упраздненія тѣхъ quasi патріархальныхъ связей, которыя существовали между ними и между помѣщиками и о которыхъ Желтухинъ писалъ, что онѣ только развращаютъ и крестьянъ, и помѣщиковъ **). Такъ, одинъ изъ выдающихся защитниковъ дворянскихъ интересовъ, смоленскій губернскій предводитель кн. Друцкой-Соколинскій, приписывавшій себѣ главную „честь“ остановки освободительныхъ плановъ правительства послѣ 1848 г., писалъ въ своей запискѣ, представленной императору Николаю: „Чтобы выдти изъ нынѣшняго положенія, необходимо... чтобы какъ владѣльцы, такъ и крестьяне не зависѣли другъ отъ

*) Эти сношенія между дворянами обѣихъ губерній отмѣчены В. И. Семевскимъ, н. с., II, 254.

**) Семевскій, н. с. II, 455.

друга и, не будучи связаны, какъ теперь, нуждались, однако, другъ въ другѣ, каждый въ видахъ собственныхъ интересовъ: помѣщикъ въ работникѣ, крестьянинъ въ землѣ и работѣ. А этого результата можно достигнуть не прежде, какъ когда крестьяне *не будутъ крѣпки землѣ* и будутъ имѣть средства *пріобрѣсти недвижимую собственность*, безъ чего, конечно, нельзя измѣнить крѣпостного состоянія, ибо это несовмѣстно съ пользами государства“ *).

Такъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, чисто матеріальныхъ причинъ—каковы *уплотненіе населенія*, особенно замѣтное въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр., въ Тульской), *сильные неурожаи хлѣбовъ* (особенно въ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ), *повсемѣстная задолженность дворянскихъ имѣній* и *разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ* и, наконецъ, *опасеніе крестьянскихъ волненій* и даже народнаго возстанія,—въ дворянской средѣ къ концу сороковыхъ годовъ образовалось довольно сильное и у многихъ помѣщиковъ вполнѣ сознательное убѣжденіе, что крѣпостное право подлежитъ упраздненію въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ. Большинство дворянъ-аболиціонистовъ мечтало при этомъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ съ выкупомъ за упраздненіе личной крѣпостной зависимости; но многіе, при томъ наиболѣе сознательные, дворяне понимали уже, съ одной стороны, недопустимость съ правительственной точки зрѣнія вполнѣ безземельнаго освобожденія, съ другой стороны, предвидѣли, что можно устроить освобожденіе и съ нѣкоторымъ земельнымъ надѣломъ такъ, что оно будетъ не безвыгодно и для помѣщиковъ. Въ неплодородныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ нѣкоторые помѣщики понимали уже въ то время, что безземельное освобожденіе крестьянъ, при неограниченной свободѣ переселеній, можетъ отозваться очень неблагопріятно и на помѣщичьихъ интересахъ, и предпочитали надѣлить при освобожденіи крестьянъ землею и

*) Тамъ-же, II, 179.

усадьбами въ такомъ размѣрѣ, чтобы надѣлъ этотъ фактически прикрѣплялъ крестьянъ къ ихъ насиженнымъ мѣстамъ и въ то же время дѣлалъ для нихъ неизбѣжнымъ аренду помѣщичьей земли или наемъ къ помѣщикамъ на работу.

Послѣ 1848 г. всякая мысль объ улучшеніи положенія крестьянъ или объ ограниченіи крѣпостного права была оставлена въ высшихъ сферахъ. Февральская революція 1848 г. и революціонное движеніе въ Германіи и Австріи произвели на императора Николая неизгладимое впечатлѣніе. Открытіе существованія въ Россіи тайнаго общества петрашевцевъ, раздутаго провокаторами и сыщиками въ политическій заговоръ, еще болѣе убѣждало Николая и всѣхъ окружавшихъ его лицъ въ необходимости направить всю внутреннюю и внѣшнюю политику на борьбу съ революціонными теченіями. Наступила мрачная, ожесточенная реакція, наполнившая весь остальной семилѣтній періодъ Николаевскаго царствованія. Съ этихъ поръ всякая частная инициатива въ дѣлѣ отмѣны или ограниченія крѣпостного права признавалась не только уже не желательной, но даже почти крамольной, и слабыя попытки дворянской мысли, проявлявшіяся въ этомъ направленіи, были немедленно подавляемы, не говоря уже о полной невозможности высказывать что-либо по этому предмету въ печати. Письмо В. Д. Олсуфьева (гофмаршала наслѣдника) къ смоленскому помѣщику А. А. Оливье *) съ категорическимъ заявленіемъ, что правительство не имѣетъ въ виду измѣнять настоящихъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, приказаніе тульскимъ дворянамъ прекратить всякія совѣщанія объ эмансипаціи **), благопріятный пріемъ

*) В. И. Семевскій, н. с. II, 168. Д. И. Хрущовъ, въ изданныхъ имъ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія" (I, 78) ошибочно называетъ этого помѣщика Огильви. Сравн. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", изд. кн. Трубецкой, I, стр. 30. (Здѣсь приведено и самое письмо).

**) Семевскій, II, 254. „Воспоминанія Е. И. Раевской". Р. Архивъ 96 г. № 2, стр. 237.

императоромъ Николаемъ крѣпостническихъ записокъ кн. Друцкаго-Соколинскаго *) и отклоненіе болѣе чѣмъ скромныхъ предложеній нѣкоторыхъ дворянъ Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ **), показали дворянству, что всякая мысль объ эмансипаціи и даже урегулированіи положенія крѣпостныхъ крестьянъ признавалась несвоевременной: дѣло помѣщика Селиванова, поплатившагося за свои либеральныя мысли ссылкой въ Вятку, показало, что заниматься вопросомъ объ улучшеніи участи крѣпостныхъ даже и небезопасно ***). Поэтому движеніе, возбужденное среди дворянъ послѣ изданія указа объ обязанныхъ крестьянахъ и подъ вліяніемъ неурожая 1840 г., къ концу царствованія Николая замерло и заглохло.

Но съ началомъ Крымской кампаніи крѣпостной вопросъ вновь принялъ тревожный характеръ подъ вліяніемъ сильныхъ волненій крестьянъ, вспыхнувшихъ во многихъ губерніяхъ по поводу слуховъ объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно поступятъ въ ополченіе. Для усмиренія этихъ волненій, послѣдовавшихъ за объявленіемъ указа о морскомъ ополченіи 3 апрѣля 1854 г. и манифеста о народномъ ополченіи 29 января 1855 г., правительству пришлось употребить въ дѣло значительныя военныя команды и отряды кавалеріи. На помѣщиковъ эти волненія нагнали большой страхъ ****) и заставили ихъ вновь серьезно призадуматься надъ крестьянскимъ вопросомъ.

---

*) Семевскій, II, 179.

**) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія". I, 78.

***) Семевскій, II, 473.

****) „Матеріалы", изд. Д. П. Хрущовымъ, I, стр. 79—97. Сравн. свидѣтельство А. И. Кошелева въ его „Запискахъ", издан. въ 1884 г. въ Берлинѣ, приложеніе. V, стр. 78.

ГЛАВА II.

Обстоятельства, среди которыхъ началось царствованіе Александра II.—Отношеніе Александра къ министрамъ его отца.—Ростовцевъ.—В. кн. Елена Павловна.—Настроеніе общества.—Проекты и планы преобразованій.—Либеральныя вѣянія.—Новые журналы.—Ихъ единодушіе по важнѣйшимъ вопросамъ дня.—Отставка Бибикова и назначеніе Ланского.—Манифестъ о мирѣ.—Рѣчь Государя въ Москвѣ.—Агитація эмансипаціонныхъ идей въ обществѣ.—Различіе интересовъ и настроеній дворянъ разныхъ губерній.—Записки и проекты, ходившіе по рукамъ въ 1855—1857 г.г.—Переговоры съ дворянами во время коронаціи.—Миссія Назимова въ Литвѣ.—Образованіе негласнаго комитета.—Занятія комитета.—Назначеніе в. кн. Константина.—Журналъ 18 августа 1857 г.—Пріѣздъ Назимова.—Рескриптъ 20 ноября 1857 г. и его опубликованіе.

Императоръ Николай умеръ въ самый разгаръ несчастной войны, обнаружившей всѣ язвы нашего общественнаго строя и доказавшей полную несостоятельность той государственной системы, подъ владычествомъ которой такъ долго изнывало и задыхалось наше отечество.—На смертномъ одрѣ самъ Николай Павловичъ призналъ съ горечью, что ему приходится сдавать „свою команду“ не въ добромъ порядкѣ и молодой императоръ не счелъ нужнымъ скрывать эти знаменательныя слова своего отца отъ своихъ подданныхъ*).

*) Срав. рѣчь императора Александра II членамъ Государственнаго Совѣта 20 февраля 1855 г. у *Татищева* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, т. I, стр. 140.

Новое царствованіе началось въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ критическихъ моментовъ русской исторіи. Необходимость коренныхъ преобразованій въ системѣ управленія и въ самомъ общественномъ строѣ страны сознавалась всѣми. Сознавалъ ее и самъ Александръ II. Но, во-первыхъ, прежде чѣмъ начинать реформы, предстояло кончить какъ можно скорѣе несчастную изнурительную войну, поглощавшую всѣ силы государства; во-вторыхъ, для проведенія преобразованій необходимо было имѣть опредѣленный планъ, а его не было. У императора Александра не только не было готоваго плана реформъ, но и около него не было тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые могли бы ему подсказать этотъ планъ.

Самъ Императоръ Александръ II въ характерѣ своемъ не имѣлъ свойствъ великаго преобразователя. Еще менѣе могъ подготовить его къ выпавшей ему на долю великой исторической роли суровый и мрачный режимъ Николаевскаго царствованія. Извѣстно, что онъ получилъ недурное образованіе; воспитатель его, В. А. Жуковскій, съ дѣтства старался внушить ему гуманные принципы и возвышенный взглядъ на его будущія обязанности; но постоянное обращеніе въ тѣсной атмосферѣ придворно-военнаго быта и настойчивое стремленіе отца привить ему съ дѣтства же плацъ—парадные интересы и вкусы не могли не отразиться и въ дѣйствительности отразились на его характерѣ очень замѣтно *).

Послѣ 1848 года цесаревичъ Александръ пережилъ мрачное реакціонное настроеніе, охватившее его вмѣстѣ со всѣми близкими ему людьми. Это настроеніе ярко выразилось въ перепискѣ, которую онъ велъ со старымъ своимъ воспитателемъ Жуковскимъ, жившимъ тогда за границей **). Какъ разъ въ это время отецъ пріобщилъ его къ дѣламъ верховнаго управленія страной, и Александръ Николаевичъ получилъ воз-

---

*) *Татищевъ* н. соч. т. I. стр. 17, 41 и слѣд. Срав. мою статью о Татищевѣ „Русск. Бог." за 1903 г. № 6.

**) *„Русскій Архивъ"* за 1885 г. №№ 1, 2, 4 и 7.

можность довольно близко познакомиться съ тогдашней правительственной рутиной. Но это знакомство съ рутиной ни мало не послужило ему къ уразумѣнію истиннаго положенія дѣлъ въ Россіи и не пробудило въ немъ никакой попытки отнестись критически къ установленному государственному порядку. Всѣ слѣды его собственной дѣятельности за это время не даютъ ни малѣйшей возможности предвидѣть въ немъ будущаго преобразователя государственнаго и общественнаго строя Россіи. Только неудачи крымской войны и обнаружившіяся при этомъ вопіющія злоупотребленія открыли ему, какъ и многимъ, глаза на негодность существовавшаго общественнаго и государственнаго строя.

Непослѣднюю роль сыграли при этомъ тѣ записки и рукописные памфлеты, которые во множествѣ ходили въ это время по рукамъ и замѣняли отчасти повременную печать, сведенную послѣ 1848 г. къ полному ничтожеству. Для людей просвѣщенныхъ и сколько нибудь проницательныхъ неизбѣжность и неотложность коренной перемѣны режима стала довольно ясна еще при Николаѣ*). Погодинъ съ непривычною въ то время смѣлостью высказалъ это въ своихъ „политическихъ письмахъ", изъ коихъ нѣкоторыя были доставлены самому императору Николаю**). Хомяковъ выразилъ тоже настроеніе съ большой силой и рѣзкостью въ извѣстномъ стихотвореніи къ Россіи, которое во множествѣ списковъ ходило тогда по рукамъ***). Ю. Ѳ. Самаринъ, Черкасскій, Аксаковы, Кошелевъ, И. С. Тургеневъ были проникнуты такимъ же настроеніемъ****).

---

*) Записки *А. И. Кошелева*, стр. 81 и слѣд.

**) *Барсуковъ* „Жизнь и Труды М. П. Погодина", т. XIII, стр. 117.

***) Стихотворенія *Хомякова*, изд. 1868 г., стр. 123.

****) Срав. сочиненія *Ю. Самарина*: т. II, „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I, ч. I; „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ", т. III; Записки *А. И. Кошелева*, гл. IX; „Первое изданіе писемъ И. С. Тургенева"; *А. Н. Пыпина* „Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ", „Вѣст. Евр." за 1903 г. № 11.

Александръ Николаевичъ не только читалъ „политическія письма" Погодина, но дважды бесѣдовалъ съ ихъ авторомъ и самъ высказалъ ему еще въ 1854 г. убѣжденіе свое въ необходимости коренного измѣненія во внутренней и внѣшней политикѣ государства *).

Но окружавшіе государя высшіе сановники и дворъ были глубоко проникнуты консервативнымъ духомъ. Эти люди большею частью руководились мелочными эгоистическими соображеніями и даже тѣ изъ нихъ, которые понимали затруднительность положенія, не могли или не рѣшались указать надежные пути для выхода изъ этого положенія **). Современники возлагали надежды на отжившихъ свой вѣкъ стариковъ гр. Киселева и гр. Блудова, и съ ужасомъ думали, что же будетъ, когда и они умрутъ ***). Режимъ обскурантизма и гнета не могъ приготовить свободныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей съ широкими идеями и свѣтлымъ взглядомъ. И самъ Александръ Николаевичъ въ первые годы своего царствованія крѣпко держался за старыхъ совѣтниковъ своего отца, относясь съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ ко всякому новому лицу, выдвигавшемуся своими дарованіями изъ рядовъ столичной бюрократіи или провинціальнаго дворянства. Не говоря о такихъ приближенныхъ къ императору Николаю лицахъ, какъ кн. Орловъ, гр. Адлербергъ или кн. Паскевичъ, къ которымъ молодой императоръ относился особенно бережно, какъ къ личнымъ друзьямъ своего отца, онъ не рѣшался въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ отставить даже бездарнаго Брока, министра финансовъ, который уволенъ былъ только въ 1858 г., когда обнаружилось, что въ своихъ отчетахъ невыполненные расходы Брокъ выдавалъ за сбереженія; а между тѣмъ финансы послѣ Крымской войны

*) *Барсуковъ,* н. с. т. XIII, стр. 172 и слѣд.

**) *Барсуковъ* н. соч. т. XIV, стр. 121.

***) *Барсуковъ* н. соч. т. XIV, стр. 211. Письмо К. Д. Кавелина къ М. П. Погодину отъ 17 марта 1856 г.

были, какъ извѣстно, въ отчаянномъ положеніи и для управленія ими требовались особыя дарованія и основательная подготовка *).

По крестьянскому вопросу большая часть приближенныхъ къ императору лицъ руководились самыми крѣпостническими убѣжденіями и относились безусловно враждебно ко всякой мысли о радикальномъ измѣненіи существующаго порядка вещей. Только гр. Киселевъ, котораго Николай называлъ въ шутку своимъ начальникомъ штаба по крестьянскому дѣлу, да министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ, могли считаться искренними защитниками крестьянскихъ интересовъ. Но перваго изъ нихъ самъ императоръ Александръ уговорилъ принять должность посла при Наполеонѣ, а второй былъ самодуръ и деспотъ, котораго Александръ не могъ выносить и съ которымъ у него были личныя непріятности еще при Николаѣ.

Изъ членовъ царской фамиліи только два лица были сознательными и дѣятельными поборниками преобразованій вообще и крестьянской реформы въ частности. Это были: тетка императора великая княгиня Елена Павловна, и его братъ Константинъ Николаевичъ, сыгравшіе немаловажную роль въ эпоху великихъ реформъ. Елена Павловна, имѣвшая большое и всегда благотворное вліяніе на Александра, старалась дѣйствовать въ томъ же направленіи и на императрицу **). Иногда это ей удавалось, но въ общемъ императрица Марія Александровна не имѣла замѣтнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Остальные члены императорской семьи относились къ крестьянской реформѣ или враждебно, или безсознательно и равнодушно.

Единственный новый человѣкъ, котораго Александръ II при самомъ вступленіи своемъ на престолъ пріобщилъ къ

*) Срав. „Записки" *А. И. Кошелева*, стр. 83 и приложенія къ нимъ, стр. 33, а также *Татищева*, н. соч. т. II, стр. 164.

**) Срав. ст. *А. Ф. Кони* въ „Галлереѣ русскихъ дѣятелей" при „Библіотекѣ Самообразованія" за 1904 г.

дѣламъ высшаго управленія, и въ которомъ завистливые царедворцы тотчасъ же усмотрѣли будущаго временщика — былъ генералъ-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Такъ какъ Я. И. Ростовцеву суждено было сыграть выдающуюся роль именно въ крестьянской реформѣ, то мы остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ этого сподвижника императора Александра II*).

Ростовцевъ былъ близокъ къ императору Александру по своей службѣ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, которыми Александръ Николаевичъ завѣдывалъ, будучи наслѣдникомъ. Въ обществѣ Ростовцевъ не пользовался симпатіями: на немъ лежало пятно, такъ какъ его считали однимъ изъ доносчиковъ на декабристовъ. Поэтому даже благотворное участіе Ростовцева въ крестьянскомъ дѣлѣ разсматривалось, какъ результатъ какого-то чудеснаго перерожденія его личности, и объяснялось легендами въ родѣ сказанія о какой-то клятвѣ, данной имъ умиравшему сыну**). Но ходячее представленіе о Ростовцевѣ, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, едва ли справедливо. Лучшими защитниками его въ нашихъ глазахъ являются его друзья декабристы (К. Ф. Рылѣевъ и кн. Евг. Петр. Оболенскій), отнюдь не считавшіе его предателемъ и послѣ того, какъ онъ предупредилъ Николая Павловича о грозившей ему опасности (не назвавъ при этомъ ни одного изъ заговорщиковъ и предваривъ ихъ лично о своемъ поступкѣ). Все это разъясняется перепиской Ростовцева съ Евгеніемъ Петровичемъ Оболенскимъ, напечатанною въ „Русскомъ Архивѣ" за 1873 г.***). Въ пятидесятыхъ же годахъ всѣ эти факты дохо-

*) Біографія Я. И. Ростовцева до сихъ поръ остается совершенно неразработанной. Матеріалы для его біографіи между прочимъ заключаются: въ „Матеріалахъ для ист. упразд. крѣп. права въ Россіи", изд. въ Берлинѣ, въ 1860—1861 гг. (особенно т. II), у *Семенова* „Освобож. крест. въ Россіи" т. I и II и въ „Русск. архивѣ" за 1873 г. № 1.

**) „Матеріалы для ист. упразд. крѣп. состоянія" т. II, стр. 15 и слѣд., а также у *Джаншіева* „Эпоха великихъ реформъ", изд. 7-ое, стр. 33.

***) „Русск. Арх." за 1873 г. № 1, стр. 510.

дили до публики въ искаженномъ видѣ и естественно создавали Ростовцеву весьма незавидную репутацію въ передовыхъ кругахъ общества. На самомъ дѣлѣ Ростовцевъ былъ честный, доброжелательный и дѣйствительно преданный Александру Николаевичу человѣкъ. Но безъ сомнѣнія онъ никогда не готовилъ себя къ той государственной роли, которую ему пришлось сыграть и которую онъ выполнилъ съ честью. Александръ Николаевичъ имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, онъ ввелъ Ростовцева въ государственный совѣтъ и въ комитетъ министровъ и еще до начала крестьянской реформы назначалъ его неоднократно въ такіе комитеты, къ участію въ которыхъ Ростовцевъ былъ еще менѣе подготовленъ, нежели къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ*).

Не имѣя, благодаря своей репутаціи, никакихъ связей въ передовыхъ кругахъ общества, Ростовцевъ не могъ помочь императору въ одномъ отношеніи: онъ не могъ указать ему подходящихъ дѣятелей для предположенныхъ преобразованій. Въ этомъ отношеніи онъ самъ впадалъ иногда въ довольно грубыя ошибки, полагаясь на такихъ темныхъ дѣятелей, которые могли внести, а иногда и вносили въ дѣло не мало затрудненій и даже интригъ, какъ напр., Позенъ, о которомъ намъ придется упоминать впослѣдствіи.

Рекомендовать подходящихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ замышлявшихся преобразованій Государю могла бы скорѣе всего великая княгиня Елена Павловна. Она постоянно стремилась разыскать и привлечь къ себѣ всѣ таланты и дарованія, появлявшіеся въ средѣ писателей, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Она выхлопотала въ свое время командировку Пирогова въ Севастополь, она старалась по-

*) Таково напр. участіе Ростовцева въ комитетѣ, учрежденномъ въ 1856 г. для разсмотрѣнія Кокоревскихъ проектовъ о золотопромышленности (срав. *Барсукова* т. XIV, стр. 465). Немаловажную роль игралъ Ростовцевъ и въ дѣлахъ мин. народ. просвѣщ. (срав. Дневникъ Никитенка, I изд. т. II, стр. 38 и др.).

знакомиться и завязать дружественныя сношенія съ Грановскимъ и съ другими московскими профессорами, она всячески выдвигала и поддерживала въ ихъ общественной дѣятельности братьевъ Дмитрія и Николая Милютиныхъ, К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго, И. С. Аксакова, В. А. Арцимовича и др.*). Но императоръ Александръ, не смотря на все свое преклоненіе передъ возвышеннымъ умомъ и характеромъ великой княгини, все же не всегда полагался на ея отзывы и не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ нашептываній и инсинуацій на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ ему рекомендовала Елена Павловна, но которыхъ вовсе не одобряла окружавшая его придворная среда. Въ 1857 г. такая исторія случилась съ Николаемъ Милютинымъ, которому чуть-чуть не пришлось тогда выйти въ отставку изъ-за нелѣпыхъ обвиненій его въ какихъ-то демократическихъ замыслахъ и симпатіяхъ, будто бы выразившихся въ составленіи въ 1846 г. новаго городового положенія для Петербурга—положенія, утвержденнаго самимъ императоромъ Николаемъ**).

Въ первые мѣсяцы своего царствованія, не имѣя опредѣленнаго плана реформъ, императоръ Александръ не спѣшилъ дѣйствовать. Къ тому же и онъ самъ, да и большая часть общества были въ это время всецѣло поглощены ходомъ несчастной войны и перипетіями Севастопольской обороны. Всѣ однако же дышали гораздо легче, нежели при Николаѣ, и не сомнѣвались, что режимъ обскурантизма и гнета уже не вернется. Общество пробуждалось понемногу отъ долговременнаго сна. „Здѣсь въ Петербургѣ,—писалъ въ это время К. Д. Кавелинъ,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ

---

*) Срав. указ. статью А. *Ф. Кони* въ „Галлереѣ русскихъ общ. дѣятелей".

**) *Anatole Leroy-Beaulieu* „Un homme d'etat russe (Nicolas Milutine)" p. 22 et s.

вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится" *)...

Въ тогдашнихъ письмахъ И. С. Аксакова къ отцу и брату можно найти нѣсколько указаній на то, что подобное же броженіе началось и въ провинціи **). Тоже самое можно прослѣдить по перепискѣ Черкасскаго и Погодина съ разными лицами, по „запискамъ" Кошелева, по дневникамъ Никитенки и Валуева и т. д. ***). Изъ среды общества съ первыхъ дней новаго царствованія стали поступать къ Государю записки, проекты и планы преобразованій, изъ которыхъ многіе были весьма замѣчательны. Таковы были: записка Константина Аксакова, формулировавшая впервые оригинальную славянофильскую теорію государственнаго устройства: *сила власти — царю, сила мнѣнія народу* ****); любопытная записка Погодина „о царскомъ времени"; заграничное письмо Герцена, позднѣе напечатанное въ „Колоколѣ"; дѣльная записка Кошелева „о денежныхъ средствахъ Россіи"; „дума русскаго", принадлежавшая перу П. А. Валуева, будущаго министра внутреннихъ дѣлъ *****), и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ

*) *Барсуковъ* н. с. XIV, стр. 210.

**) „*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ" т. III, стр. 207 и др.

***) Срав. *Барсукова* „Жизнь и труды М. П. Погодина" т. XIV и XV, *кн. О. Н. Трубецкой* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, т. I, ч. I, „Записки" *А. И. Кошелева*, „Дневникъ и записки" *А. В. Никитенка*, т. II (изд. 1-ое), „Дневникъ" *П. А. Валуева* въ „Русской Старинѣ" за 1891 г. №№ 5 и 6.

****) Записка *К. С. Аксакова* напечатана въ „Руси" за 1881 г. №№ 26—28 (отъ 9, 16 и 23 мая).

*****) Записка Погодина у *Барсукова*, т. XIV, стр. 24 и слѣд., Записка Кошелева въ прилож. къ его „Запискамъ", стр. 33, письмо А. И. Герцена къ Александру II напечатано у *Бурцева* „За сто лѣтъ", ч. I, „Дума русскаго" напечатана въ „Русской Старинѣ" за 1891 г. № 5 стр. 356.

записокъ были несомнѣнно прочтены Александромъ и произвели на него довольно сильное впечатлѣніе, другія остались имъ не прочитанными; но всѣ онѣ обращались въ большомъ числѣ рукописныхъ копій въ обществѣ, всѣ онѣ будили мысль и заставляли задумываться. Были и такія, которыя и предназначались спеціально для пропаганды освободительныхъ идей въ обществѣ. Таковы, между проч., были записки К. Д. Кавелина и Ю. Ф. Самарина по крестьянскому вопросу*).

Правительство не только не препятствовало этому движенію, но само шло ему прямо навстрѣчу. Цѣлый рядъ распоряженій, отмѣнявшихъ различныя запретительныя и ограничительныя мѣры Николаевскаго царствованія, направленныя противъ университетовъ, противъ печати и литературы и т. п.—ознаменовалъ первые мѣсяцы новаго царствованія. Періодической печати не только предоставленъ былъ значительно большій просторъ въ сужденіяхъ, но и разрѣшены были новые журналы съ широкими программами: „Русскій Вѣстникъ“ и „Русская Бесѣда“. Правительственные журналы, „Морской Сборникъ“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и др., первые подавали примѣръ открытаго обличенія взяточничества и другихъ злоупотребленій и выступили на защиту интересовъ и свободы просвѣщенія и науки противъ различныхъ путъ, тяготѣвшихъ надъ ними. Изъ назрѣвшихъ въ то время вопросовъ только вопросъ объ упраздненіи и ограниченіи крѣпостного права по прежнему запрещено было обсуждать печатно.

Настрадавшееся за послѣдніе годы общество русское съ восторгомъ и благодарностью принимало извѣстія о либеральныхъ мѣрахъ правительства и терпѣливо ожидало болѣе серьезныхъ коренныхъ преобразованій. Въ это время всѣ передовые люди въ Россіи, даже такіе скептики и радикалы какъ Н. Г. Чернышевскій, были „охвачены безграничнымъ

---

*) Сочиненія *К. Д. Кавелина* т. II, стр. 5; сочиненія *Ю. Ф. Самарина*. т. II, стр. 17.

оптимизмомъ. Нынѣшнему читателю трудно повѣрить, что Чернышевскому принадлежатъ тѣ восторженныя строки по адресу Александра Николаевича, какія мы встрѣчаемъ въ тогдашнихъ его „Замѣткахъ о журналахъ“ *).

Въ виду такого радужнаго настроенія, охватившаго все русское общество, не только между правительствомъ и передовыми мыслящими кругами царило полное взаимное довѣріе; и различныя, враждовавшія ранѣе между собой, группы тогдашняго общества какъ бы забыли свои партійные раздоры и междоусобія и прониклись единодушнымъ стремленіемъ къ свободѣ и къ обновленію всего быта.

„Время теперь такое—писалъ Кавелинъ Погодину 3 ноября 1855 года—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый—единство, довѣріе, взаимное соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше чѣмъ когда нибудь, можетъ быть столько же, сколько въ 1812 г., Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій“ **). Чернышевскій старался установить въ это время возможно дружественное отношеніе между „Современникомъ“ и славянофилами. Онъ утверждалъ что между „Современникомъ“ и „Русской Бесѣдой“—„согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ“, и что, ведя споръ о вопросахъ теоретическихъ,—„можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединенныхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, суще-

*) Срав. „Современникъ“ за 1856 г. № 8 (августъ) „Замѣтки о журналахъ“. Перепечатано въ изд. *М. Н. Чернышевскаго* „Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 г.г.“ Спб. 1894 г. стр. 81.

**) *Барсуковъ*, н. соч. т. XIV, стр. 202.

ственно важныхъ въ настоящее время для нашей родины" *).

Славянофилы съ своей стороны придавали большое значеніе дружественнымъ отзывамъ „Современника" о ихъ журналѣ и очень желали поддержать эти мирныя отношенія **). Столь же дружелюбно было въ это время отношеніе „Современника" къ „Русскому Вѣстнику" Каткова, къ „Библіотекѣ для Чтенія" Дружинина и даже къ Погодину и его „Москвитянину" ***). С. Т. и К. С. Аксаковы (не говоря уже объ И. С. Аксаковѣ) согласились тогда, забывъ вражду къ западникамъ, участвовать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова, а Погодинъ собирался даже передать редактированіе своего „Москвитянина" отъявленному западнику Е. Ф. Коршу, другу Грановскаго и Герцена ****).

Таково было настроеніе всего образованаго русскаго общества. Вражда между славянофилами и западниками на время отошла на второй планъ передъ великими и жизненными вопросами данной минуты...

Пока длилась война, правительство упорно хранило полное молчаніе по вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ августѣ 1855 г. послѣдовали первыя перемѣны министровъ. Прежде другихъ уволенъ былъ Д. Г. Бибиковъ, администраторъ суровый, имѣвшій репутацію самодура, но человѣкъ честный и извѣстный сторонникъ обузданія крѣпостного произвола помѣщиковъ *****). Вмѣсто него назначенъ былъ Сергѣй Степановичъ Ланской, первыми своими циркулярами заявившій себя сторонникомъ дворянскихъ привилегій. Онъ объявилъ, что

*) „Современникъ" за 1856 г. № 6 „Замѣтки о журналахъ". Перепечатано въ изд. *М. Н. Чернышевскаго*. стр. 31—33.

**) Срав. письмо А. И. Кошелева къ кн. Черкасскому въ „Матеріалахъ для біографіи" послѣдняго, изд. кн. Трубецкой, т. I, ч. I, стр. 73.

***) „Замѣтки о журналахъ" въ „Соврем." за 1856 г. № 6.

****) *Барсуковъ*, н. соч. т. XIV, стр. 224 и 278.

*****) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I, ч. I, стр. 57. *Барсуковъ*, н. соч., XIV, стр. 122 и слѣд.

государь императоръ поручилъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству", и что самъ онъ „по собственному, глубоко въ сердцѣ его вкоренившемуся убѣжденію, всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества *). Эти фразы произвели большое смущеніе въ обществѣ, а крѣпостники, усматривавшіе въ нихъ ручательство за сохраненіе существовавшаго крѣпостного строя, раскупали этотъ циркуляръ на расхватъ, такъ что пришлось выпустить второе изданіе **).

Однако, слухи о реформаціонныхъ намѣреніяхъ правительства продолжали проникать въ общество, и манифестъ о мирѣ послужилъ, наконецъ, первымъ оффиціальнымъ подтвержденіемъ основательности этихъ ожиданій.

По поводу уступки части Бессарабіи и воспрещенія намъ держать военный флотъ въ Черномъ морѣ, въ манифестѣ указывалось, что „сіи уступки неважны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога намъ ввѣренной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями нашими и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый. подъ сѣнію законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ" ***).

Вслѣдъ за объявленіемъ манифеста Государь поѣхалъ въ

---

*) *Татищевъ*, н. соч., I, стр. 302.

**) „Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. состоянія въ Россіи", т. I. стр. 104.

***) *Татищевъ*, н. соч., т. I, стр. 205.

Москву и здѣсь, въ отвѣтъ на просьбу генералъ-губернатора гр. Закревскаго успокоить взволнованное разными слухами дворянство, сказалъ свою знаменитую рѣчь о томъ, что хотя онъ не имѣетъ намѣренія отмѣнить крѣпостное право немедленно, но что „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ“.—„Лучше,—сказалъ онъ— отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу.— Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній“ *).

Слухи объ этой рѣчи быстро распространились въ публикѣ и рѣшимость правительства предпринять такъ или иначе измѣченіе существовавшаго крѣпостного строя стала для всѣхъ очевидной.

Впрочемъ, и послѣ этой рѣчи, объявивъ о своемъ твердомъ рѣшеніи приступить къ крестьянской реформѣ, правительство все еще не выяснило себѣ ни опредѣленнаго плана дѣйствій, ни даже основныхъ принциповъ реформы.

Въ цивилизованныхъ странахъ при нормальномъ теченіи дѣлъ, каждая коренная реформа общественнаго строя, являясь результатомъ сознанной потребности, подготовляется долгимъ обсужденіемъ въ печати и въ обществѣ и потому, при самомъ приступѣ къ дѣлу, для правительства бываютъ обыкновенно вполнѣ ясны и основные принципы назрѣвшаго преобразованія, и возможные пути его осуществленія. Не таковъ былъ приступъ къ крестьянской реформѣ въ Россіи. Хотя необходимость реформы всѣми ясно чувствовалась и въ обществѣ, особенно въ средѣ просвѣщенной части дворянства, были люди, ясно представлявшіе себѣ и принципы и возможный ходъ и исходъ этого дѣла, однако же полное

*) „Записки“ *Я. А. Соловьева*, „Русская Старина“, за 1881 г. № 2 стр. 228.

отсутствіе гласности и запрещеніе обсуждать этотъ вопросъ въ печати и даже въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ лишали правительство возможности сразу опереться на ясно формулированное содержаніе крѣпостного вопроса и затрудняли сознательный и разумный выборъ пути къ наилучшему его разрѣшенію. Самъ Ланской, еще недавно увѣрявшій дворянство въ прочности существовавшаго строя, былъ чрезвычайно пораженъ, узнавши о рѣчи, произнесенной Государемъ въ Москвѣ, и не раньше повѣрилъ совершившемуся факту, какъ услыхавъ о немъ изъ собственныхъ устъ императора *). Тогда только онъ открыто перешелъ на сторону эмансипаторовъ, которыхъ съ этихъ поръ твердо поддерживалъ. Въ помощники себѣ онъ избралъ А. И. Левшина, служившаго ранѣе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и владѣвшаго населенными имѣніями въ разныхъ губерніяхъ. Но Левшинъ, хотя и былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ и опытнымъ, оказался однако слишкомъ нерѣшительнымъ и лишеннымъ необходимыхъ въ его положеніи государственныхъ дарованій. Онъ сталъ дѣйствовать ощупью, стараясь найти руководящую нить въ работахъ многочисленныхъ комитетовъ предыдущаго царствованія и циркулировавшихъ во множествѣ въ обществѣ рукописныхъ запискахъ, изъ которыхъ многія представлялись ихъ авторами и правительству **).

Въ этихъ запискахъ отразились очень рельефно взгляды и мнѣнія, господствовавшіе въ то время въ наиболѣе просвѣщенныхъ кругахъ помѣстнаго дворянства. Одни изъ этихъ записокъ расчитаны были на агитацію и распространеніе эмансипаціонныхъ идей въ обществѣ ***), другія спеціально имѣли въ виду правительство ****); были, впрочемъ, и такія,

---

*) *А. И. Левшинъ.* „Достопамятныя минуты моей жизни“. въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1885 г. № 8, стр. 480.

**) *Тамъ же.* Ср. мои статьи о Губернскихъ Комитетахъ по крестьянскому дѣлу, въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 1, стр. 151 и слѣд.

***) Таковъ былъ характеръ записокъ Самарина и Кавелина.

****) Такова была записка Позена и кн. Кочубея.

которыя направлены были противъ всякаго измѣненія существующаго строя *). Но записокъ этой послѣдней категоріи было очень немного. Самые отсталые консерваторы понимали въ то время неизбѣжность реформы; для дворянъ же нѣкоторыхъ губерній она представлялась не только неизбѣжной, но и необходимой въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Разница во взглядахъ дворянства различныхъ губерній зависѣла не только отъ степени просвѣщенности и великодушія тѣхъ или другихъ его представителей. Она еще болѣе обусловливалась различными матеріальными и экономическими причинами. Здѣсь главную роль играли, какъ мы упоминали, такіе факторы, какъ густота населенія, плодородіе почвы, задолженность помѣщиковъ и нужда ихъ въ денежныхъ средствахъ.

Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ—особенно въ Тульской и въ нѣкоторыхъ частяхъ Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской—густота населенія и цѣнность земли возросли настолько, что крѣпостное право, при малой производительности крѣпостного труда и относительной дороговизнѣ содержанія размножившагося крѣпостного населенія (особенно въ неурожайные годы)—стало невыгоднымъ и обременительнымъ для помѣщиковъ. Въ пятидесятыхъ годахъ Самаринъ, Черкасскій, Кошелевъ и извѣстный откупщикъ-милліонеръ Кокоревъ приводили цѣлый рядъ случаевъ, когда въ этихъ губерніяхъ земля ненаселенная цѣнилась выше, нежели одинаковая съ нею по качеству земля, населенная крѣпостными крестьянами **). Въ Тульской губерніи

*) Такова была записка неизвѣстнаго автора („подъ литерой А"), стремившаяся доказать, что въ идеѣ освобожденія крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи". Ср. о ней у *Я. А. Соловьева*, „Русск. Стар." за 1882 г. № 5, стр. 390 и слѣд.

**) *Самаринъ* указывалъ на этотъ фактъ въ запискѣ, составленной въ 1857 г. (Сочиненія, т. II, стр. 175); *Кошелевъ* сообщаетъ то же самое въ представленномъ имъ проектѣ, напечатанномъ въ прилож. къ его „Запискамъ", стр. 125; *кн. Черкасскій* приводитъ этотъ фактъ въ запискѣ

по этой причинѣ многіе помѣщики еще въ 40-хъ годахъ перестали, какъ мы видѣли, дорожить крѣпостнымъ правомъ и все болѣе и болѣе сознавали свой имущественный интересъ въ томъ, чтобы сдѣлаться просто *монополистами цѣннаго товара чернозема* - по удачному выраженію кн. Черкасскаго *). Въ Тамбовской губерніи, когда происходили выборы въ губернскіе комитеты, помѣщики находили для себя безусловно выгоднымъ безземельное освобожденіе крестьянъ и признавались, что они очень рады освободиться отъ крѣпостныхъ крестьянъ, лишь бы осталась при нихъ вся земля, которая въ Тамбовской губерніи, по выраженію Н. В. Берга, была все равно, что червонное золото **). Впрочемъ, нѣкоторые изъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній не прочь были надѣлить крестьянъ небольшимъ надѣломъ, чтобы удержать ихъ на мѣстѣ, и въ то же время взять съ нихъ за это хорошій выкупъ, необходимый для многихъ помѣщиковъ, чтобы освободить ихъ имѣнія отъ долговъ, которые возросли къ концу 50-хъ годовъ до огромныхъ размѣровъ ***).

Совсѣмъ иное положеніе было въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ—такихъ, какъ Владимірская, Костромская, Ярославская, Тверская, Смоленская, Калужская и др. Здѣсь при крѣпостномъ правѣ населенныя имѣнія, несмотря на плохое качество почвы, цѣнились дороже, нежели въ черноземныхъ губерніяхъ въ виду значительныхъ доходовъ, доставлявшихся отхожими промыслами и заработками крестьянъ.—Кошелевъ цѣнилъ круглымъ счетомъ населенныя имѣнія въ хлѣбородныхъ-черноземныхъ губерніяхъ по 100 руб-

поданной имъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ въ 1858 г. „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго", т. I, ч. I, стр. 23. Свидѣтельство объ этомъ *В. А. Кокорева* приведено у *Барсукова*, н. с., т. XV, стр. 488 - 490.

*) „Матеріалы", т. I, ч. I, стр. 149.

**) *Барсуковъ*, н. с., т. XVI, стр. 47—55, письма Берга къ Погодину.

***) Ср. *Семевскій В. И.* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи", II, 617; *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне накануне освобожденія", стр. 191; *Кошелевъ* „Записки", прилож. V, стр. 136.

лей съ души, а въ нечерноземныхъ-промышленныхъ,— по 125 руб. *). Въ Смоленской губерніи, по статистическимъ даннымъ, изданнымъ въ 1855 г. Я. А. Соловьевымъ, средняя покупная цѣна имѣній была 117 руб. за душу, а средняя цѣна одной незаселенной десятины равнялась всего лишь 5 руб. 50 коп. **).

При этихъ условіяхъ для помѣщиковъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній прекращеніе крѣпостного права было по необходимости связано съ потерей главной и самой значительной части ихъ доходовъ. Поэтому взглядъ ихъ на освобожденіе крестьянъ былъ вовсе не тотъ, что въ чисто земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ. Имъ было совершенно невыгодно безземельное освобожденіе крестьянъ. При беземельномъ освобожденіи они могли опасаться, что ихъ бывшіе крѣпостные разбредутся и бросятъ окончательно земледѣліе, а они сами останутся съ безплодными и бездоходными землями, которыя некому будетъ обработывать. Поэтому имъ было выгодно въ ихъ собственныхъ интересахъ дать крестьянамъ нѣкоторый земельный надѣлъ, чтобы привязать ихъ къ мѣсту и обезпечить себѣ контингентъ вольнонаемныхъ рабочихъ или съемщиковъ остающейся у нихъ земли. Но самый насущный ихъ интересъ заключался въ полученіи достаточнаго вознагражденія за потерю того дохода, который они получали при крѣпостномъ правѣ въ видѣ значительныхъ оброковъ отъ неземледѣльческихъ заработковъ и промысловъ ихъ крестьянъ. Притомъ это вознагражденіе имъ важно было получить единовременно при самой отмѣнѣ крѣпостного права, потому что имъ нужны были денежные капиталы, безъ которыхъ они не могли вовсе вести хозяйства на остающихся у нихъ земляхъ. Свое спасеніе многіе изъ этихъ помѣщиковъ видѣли въ переходѣ къ фермерскому хозяйству съ усовершенствованнымъ сѣвооборотомъ; но чтобы

*) *Кошелевъ* н. с., прилож. V, стр. 135—137.

**) Срав. записку *К. Д. Кавелина* (Сочиненія, т. II, стр. 34).

это осуществить, нужно было имѣть свободный капиталъ для введенія дорого стоющихъ улучшеній и для найма рабочихъ; у нихъ же при крѣпостномъ правѣ не было даже собственнаго инвентаря, такъ какъ обработка господскихъ полей, даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала господская запашка, производилась обыкновенно крестьянскимъ скотомъ и крестьянскими орудіями. Денежныя средства имъ были, такимъ образомъ, еще нужнѣе, нежели помѣщикамъ черноземной полосы. Понятно поэтому, что единственный неразорительный для себя выходъ они видѣли въ полученіи единовременнаго выкупа, при томъ не только за отводимые крестьянамъ надѣлы,—которые были сами по себѣ весьма малоцѣнны,—но, главнымъ образомъ, за уходившіе отъ нихъ доходы отъ промысловъ ихъ крестьянъ, т. е. въ сущности за личное освобожденіе самихъ крестьянъ.

Въ особомъ положеніи были помѣщики степныхъ малонаселенныхъ губерній, новороссійскихъ и въ особенности — заволжскихъ. Хотя земля у нихъ была плодородная, но они также не могли стремиться къ безземельному освобожденію крестьянъ, потому что, при рѣдкости населенія въ этихъ губерніяхъ, они были озабочены, главнымъ образомъ, обезпеченіемъ имѣній необходимымъ контингентомъ рабочихъ рукъ. Поэтому и для нихъ было *выгодно* надѣлить крестьянъ землей въ извѣстныхъ размѣрахъ, чтобы привязать ихъ къ мѣсту. Впрочемъ, они могли расчитывать, что при всеобщемъ освобожденіи крестьянъ въ Россіи притокъ рабочихъ рукъ въ ихъ имѣнія долженъ будетъ непремѣнно увеличиться. Поэтому всеобщая ликвидація крѣпостныхъ отношеній не могла быть для нихъ такъ опасна, какъ для помѣщиковъ промышленныхъ-нечерноземныхъ губерній. Они могли опасаться лишь временнаго недостатка рабочихъ рукъ, и такъ какъ хозяйства ихъ были построены на барщинѣ и въ имѣніяхъ ихъ не было помѣщичьяго инвентаря, то для нихъ было важно соблюсти при реформѣ извѣстную постепенность, такъ какъ внезапное и единовременное прекращеніе крѣпостныхъ отношеній могло

грозить на первое время сильнымъ потрясеніемъ ихъ хозяйствамъ.

Въ западныхъ и особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ помѣщики очень тяготились инвентарными правилами, утвержденными для ихъ имѣній правительствомъ. Здѣсь издавна велось правильное земледѣльческое хозяйство и хотя земля была не особенно плодородная, однако же главный доходъ помѣщиковъ получался отъ земледѣлія. Идеаломъ здѣшнихъ помѣщиковъ было также, какъ и въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ, безземельное освобожденіе крестьянъ; но среди нихъ пользовалась популярностью также и система „Bauerland'a", подъ которой разумѣлось отдѣленіе части помѣщичьихъ земель въ постоянное пользованіе крестьянъ, при чемъ однако же отдѣльные участки сдавались бы тѣмъ или инымъ крестьянамъ - домохозяевамъ по добровольнымъ съ ними условіямъ и во всякомъ случаѣ съ періодической переоброчкой. При этомъ помѣщики эти надѣялись сохранить значительную долю вотчинной власти и патримоніальную юрисдикцію. Подобные порядки установились въ сосѣднемъ съ ними Остзейскомъ краѣ и казались литовскимъ и бѣлорусскимъ помѣщикамъ наиболѣе для нихъ подходящими. Къ той же системѣ стремились многіе помѣщики Петербургской и Псковской губерній, особенно тѣ изъ нихъ, которые мечтали о развитіи въ Россіи независимой и властной аристократіи.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ, особенно въ Кіевской и Подольской, земля представляла значительную цѣнность, а развившееся здѣсь въ XIX вѣкѣ свекло - сахарное производство дѣлало наиболѣе удобной формой систему вольнонаемнаго хозяйства. Поэтому и здѣсь идея безземельнаго освобожденія крестьянъ была между помѣщиками весьма популярна. Тоже можно сказать о Малороссійскихъ губерніяхъ (въ особенности о Полтавской), въ которыхъ къ тому же крестьянамъ во многихъ мѣстностяхъ и при крѣпостномъ правѣ не отводилось постоянныхъ надѣловъ.

Таковы были главнѣйшіе матеріальные факторы, обусловливавшіе стремленія и взгляды помѣщиковъ разныхъ губерній въ отношеніи способа ликвидаціи крѣпостного строя.

Изъ записокъ по крестьянскому дѣлу, циркулировавшихъ въ это время, обращали на себя особенное вниманіе проекты: Кавелина, Самарина и Позена. Нѣсколько позднѣе къ нимъ присоединились записки: кн. Черкасскаго, Кошелева и Унковскаго.

Въ другомъ мѣстѣ я подробно изложилъ содержаніе всѣхъ этихъ проектовъ *), здѣсь-же я желалъ бы лишь обратить вниманіе читателей на разницу въ ихъ содержаніи, проистекавшую въ значительной мѣрѣ отъ причастности ихъ составителей къ интересамъ помѣстнаго дворянства тѣхъ или иныхъ губерній. Я этимъ отнюдь не желаю сказать, что авторы этихъ записокъ руководились исключительно сословными или классовыми интересами, а утверждаю лишь, что матеріальныя условія помѣщичьяго хозяйства разныхъ мѣстностей такъ или иначе отразились на взглядахъ и настроеніи авторовъ этихъ записокъ, не смотря на то, что, за исключеніемъ Позена, всѣ они были несомнѣнно искренними и принціальными поборниками эмансипаціи крестьянъ, а по дарованіямъ и просвѣщенности своей принадлежали къ самому верхнему слою тогдашней интеллигенціи страны.

Впрочемъ, при объясненіи разницы въ содержаніи этихъ записокъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и то обстоятельство, что онѣ были составлены не всѣ одновременно. Болѣе раннія изъ нихъ уже потому были гораздо умѣреннѣе въ своихъ предположеніяхъ, что крѣпостной вопросъ, въ моментъ ихъ составленія, еще не развился до такой степени, какъ спустя годъ или полтора послѣ того. Движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ развивалось въ это время въ обществѣ съ такой быстротой, что промежутокъ въ нѣ-

*) „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу“ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 1, стр. 134—151.

сколько мѣсяцевъ могъ имѣть въ этомъ отношеніи огромное значеніе. Записки Самарина и Черкасскаго имѣли въ виду, главнымъ образомъ, черноземныя мѣстности (степныя и центральныя). Онѣ обѣ принимали за отправную точку законъ 2 апрѣля 1842 г. о временно-обязанныхъ крестьянахъ и стремились съ одной стороны дать большій просторъ въ дѣлѣ заключенія добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками, а съ другой проектировали нѣкоторыя поощрительныя для помѣщиковъ мѣры, *не считая возможнымъ немедленно приступить къ законодательному упраздненію крѣпостного права.* Къ нимъ довольно близко примыкала по содержанію записка полтавскаго помѣщика Позена. Позенъ хотя и предлагалъ нѣкоторыя финансовыя мѣры для содѣйствія выкупу земельныхъ надѣловъ крестьянами, но размѣры надѣловъ и вознагражденіе за нихъ предоставлялъ добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Гораздо радикальнѣе были проекты Кавелина и Кошелева, которые имѣли въ виду, какъ черноземныя, такъ и промышленныя нечерноземныя губерніи и вполнѣ ясно формулировали и коренную разницу въ положеніи тѣхъ и другихъ. Понимая, въ чемъ заключается главный доходъ помѣщиковъ въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, и тотъ и другой прямо указывали невозможность отмѣны крѣпостного права въ этихъ губерніяхъ безъ вознагражденія помѣщиковъ за потерю доходовъ отъ заработковъ ихъ крѣпостныхъ. Еще радикальнѣе ставилъ этотъ вопросъ А. М. Унковскій, имѣвшій въ виду, главнымъ образомъ. условія нечерноземныхъ губерній. Онъ прямо отрицалъ цѣлесообразность всякихъ переходныхъ мѣръ и постепеннаго ослабленія помѣщичьей власти, а требовалъ единовременной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа, какъ за землю, отдаваемую крестьянамъ, такъ и за доходъ отъ ихъ заработковъ, т. е. за утрату крѣпостныхъ правъ помѣщика на личность крестьянина. Онъ полагалъ при этомъ, что выкупъ за землю должны уплатить сами крестьяне. а выкупъ за личное ихъ освобожденіе всѣ сословія

государства. Во всякомъ случаѣ помѣщики, по его проекту должны были получить единовременно весь выкупъ изъ казны, а правительство уже затѣмъ должно было возвратить его себѣ частью отъ крестьянъ, частью отъ всего государства, при помощи особой разсроченной на много лѣтъ финансовой операціи.

Когда министерство внутреннихъ дѣлъ послѣ московской рѣчи Императора Александра стало готовиться къ крестьянской реформѣ, то записки Кошелева и Унковскаго еще не были составлены. Но записка К. Д. Кавелина находилась уже въ обращеніи и составляла въ Петербургѣ, а отчасти и въ Москвѣ предметъ горячихъ преній, будя общественную мысль и разъясняя дѣло *). Однако Ланской и Левшинъ не хотѣли и слышать въ это время о выкупѣ. Они боялись всякихъ финансовыхъ операцій частью потому, что печальное состояніе нашихъ финансовъ внушало въ это время самыя тревожныя опасенія, частью потому, что не понимали сущности предлагаемыхъ кредитныхъ операцій **).

Впрочемъ, предпринимая реформу, но не имѣя опредѣленнаго плана, правительство видимо желало избѣгнуть рѣшительныхъ дѣйствій и предпочитало вызвать инициативу со стороны самихъ дворянъ. Съ этою цѣлью Левшину дано было деликатное порученіе „позондировать“, какъ онъ выражается въ своихъ воспоминаніяхъ, предводителей дворянства во время ихъ съѣзда въ Москву лѣтомъ 1856 г. по случаю коронаціи. Но эти переговоры съ предводителями не имѣли успѣха. Изъ дворянъ многіе понимали неизбѣжность реформы, но не довѣряли бюрократіи и опасались, какъ выразился Самаринъ, „*одинаково* народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства“ ***).

*) *Барсуковъ*, назв. соч. XIV, стр. 214 и слѣд.

**) *Левшинъ*. „Достопамятныя минуты моей жизни“. Рус. Арх. за 1885 г. № 8, стр. 496—497. Ср. мои статьи о губ. ком. въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 1, стр. 154 и слѣд.

***) *Сочиненія*, т. II, стр. 137.

Пойти на встрѣчу правительству выразили желаніе лишь представители литовскихъ губерній, надѣявшіеся такимъ образомъ избѣгнуть введенія непріятныхъ для нихъ инвентарей *).

Этимъ и рѣшено было воспользоваться. Вновь назначенному виленскому генералъ-губернатору Назимову поручено было созвать на мѣстѣ предводителей дворянства и объявить имъ, чтобы они указали способъ улучшенія положенія крестьянъ, „не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями“ **).

Между тѣмъ, въ виду запроса, поступившаго отъ вел. кн. Елены Павловны относительно основаній, на которыхъ она могла бы устроить бытъ принадлежавшихъ ей крѣпостныхъ въ Полтавской губерніи, и проектовъ, представленныхъ разными лицами, рѣшено было по докладу Ланского, составить негласный комитетъ по образцу комитетовъ по крестьянскому дѣлу, засѣдавшихъ при императорѣ Николаѣ. Комитетъ составленъ былъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя изъ предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Орлова, министровъ и главноуправляющихъ: Ланского, кн. Долгорукова, гр. Блудова, гр. Адлерберга, Муравьева, Чевкина, Брока и членовъ государственнаго совѣта: кн. Гагарина, бар. Корфа и Ростовцева при производителѣ дѣлъ государственномъ секретарѣ Бутковѣ.

Въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ (составленныхъ 29 и 30 декабря 1856 г. Левшинымъ) Ланской рекомендовалъ въ это время *постепенное* освобожденіе крестьянъ, которымъ предполагалось даровать сперва личную свободу и усадебную осѣдлость съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за усадьбы, а можетъ быть и за личность освобождаемыхъ крестьянъ, „если оно окажется необходимымъ“, и съ предо-

---

*) Записки *Я. А. Соловьева*. „Рус. Ст.“ за 1881 г. № 2.

**) *Левшинъ* „Достопамятныя минуты моей жизни“, Русск. Арх. за 1885 г. № 8, стр. 486.

ставленіемъ крестьянамъ въ будущемъ пріобрѣтать земли отъ помѣщиковъ безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства. Подробныя правила предполагалось поручить выработать губернскимъ комитетамъ изъ помѣщиковъ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ высказывался категорически противъ всякихъ финансовыхъ операцій*).

Негласный комитетъ началъ свою дѣятельность съ разсмотрѣнія проектовъ и записокъ, составленныхъ разными лицами. Дѣло это поручено было кн. Гагарину, бар. Корфу и генералу Ростовцеву. Корфъ и Ростовцевъ попробовали было уклониться отъ участія въ комитетѣ по неимѣнію надлежащей опытности, но Государь просилъ ихъ остаться и къ Ростовцеву вскорѣ перешла руководящая роль въ крестьянской реформѣ. Составленные ими въ іюнѣ 1857 г. отзывы не имѣли, впрочемъ, никакихъ послѣдствій. Для Ростовцева эта работа имѣла значеніе лишь какъ первое ознакомленіе его самого съ дѣломъ, въ которомъ ему суждено было сыграть такую важную роль. Корфъ выразилъ въ своемъ отзывѣ мысль, уже и ранѣе высказывавшуюся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о необходимости образованія въ каждой губерніи дворянскихъ комитетовъ для обсужденія всего дѣла. По поводу этихъ отзывовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ съ своей стороны уже подробно обоснованный планъ реформы, выработанный А. И. Левшинымъ. По этому плану, основанному на идеѣ „Bauerland'a“, вся земля должна была остаться по прежнему собственностью помѣщиковъ; но крестьянамъ предполагалось отдѣлить необходимую для нихъ часть земли въ постоянное пользованіе за повинности. Сами крестьяне должны были получить свободу безвозмездно; но чтобы спасти отъ разоренія помѣщиковъ нечерноземныхъ—промышленныхъ губерній, Левшинъ придумалъ особую уловку. Онъ предложилъ дать помѣщикамъ промышленныхъ имѣній

*) *Левшинъ.* „Достопамятныя минуты“, Русск. Арх. за 1885 г. № 8. стр. 496—497.

вознагражденіе за лишеніе права располагать крѣпостнымъ трудомъ въ скрытой формѣ, подъ видомъ повышенной оцѣнки усадебъ, а чтобы разница въ оцѣнкѣ усадебъ въ этихъ губерніяхъ и въ хлѣбородныхъ чѣмъ-нибудь мотивировалась, онъ предлагалъ размѣръ усадебъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ довести до minimum'а, оставивъ крестьянамъ лишь постройки,—которыя въ этихъ губерніяхъ по большей части были очень плохи и не имѣли цѣны—да самые ничтожные клочки земли подъ ними. Соотвѣтственно этому предполагались и неодинаковые сроки для выплаты выкупа за усадьбы помѣщикамъ въ промышленныхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ (отъ 10 до 15 лѣтъ) *).

Недовольный медленностью и апатіей комитета, Государь назначилъ въ августѣ 1857 г. для оживленія хода дѣлъ въ составъ его великаго князя Константина Николаевича, извѣстнаго въ то время своимъ либеральнымъ образомъ мыслей. Впрочемъ, на первый разъ вмѣшательство великаго князя не дало значительныхъ результатовъ, хотя и вызвало въ комитетѣ бурныя пренія. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій секретный комитетъ постановилъ 18 августа: „улучшеніе быта" помѣщичьихъ крестьянъ производить осторожно и постепенно, для чего исполненіе его раздѣлить на три періода. Первый періодъ было рѣшено посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручалось министру внутреннихъ дѣлъ черезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но *безъ огласки*. Срока на это не назначалось, „дабы не стѣснять министра". Въ этомъ періодѣ предполагалось издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, по добровольному съ крестьянами соглашенію и съ утвержденія правительства, Наконецъ. было рѣшено въ томъ же періодѣ представить въ государственный

*) *Тамъ-же*, стр. 501 и слѣд.

совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ предполагалось составить на основаніи собранныхъ свѣдѣній проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Въ третьемъ періодѣ, „окончательномъ", предполагалось полное сравненіе крестьянъ въ правахъ съ прочими свободными состояніями *).

Хотя, какъ говоритъ Левшинъ, постановленіе это въ сущности было направлено къ тому, чтобы оттянуть дѣло въ долгій ящикъ, но Государь былъ радъ и ему и благодарилъ членовъ комитета „за этотъ первый ихъ трудъ" **).

Послѣ этого составленъ былъ списокъ вопросовъ въ 14 пунктовъ, разосланный членамъ комитета и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Большая часть этихъ вопросовъ касалась предварительныхъ палліативныхъ мѣръ, направленныхъ къ смягченію власти помѣщиковъ, проектировавшихся въ запискахъ Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и др.

„Послѣ утвержденія журнала 18 августа, многіе изъ участниковъ въ составленіи его ласкали себя,—по словамъ Левшина,— надеждою, что дѣло уснетъ"... Но въ октябрѣ 1857 г. пріѣхалъ въ Петербуръ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ результаты своихъ совѣщаній съ литовскими дворянами. Желая избѣгнуть инвентарей, дворянство трехъ литовскихъ губерній рѣшилось освободить своихъ крестьянъ, но безъ надѣленія ихъ землей. Въ негласномъ комитетѣ три недѣли обсуждали это заявленіе литовскихъ дворянъ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Наконецъ, государь, раздраженный нерѣшительностью комитета, приказалъ Ланскому въ три дня составить проектъ рескрипта Назимову съ тѣмъ, чтобы въ основу его положены были начала, изложенныя въ докладѣ 26 іюля. Рескриптъ былъ подписанъ 20 ноября и врученъ въ тотъ же день Назимову ***).

---

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣп. сост. въ Россіи". т. I, стр. 133.

**) *Левшинъ*, стр. 523.

***) *Тамъ-же*, стр. 524 и слѣд.

Литовскимъ дворянамъ предоставлялось приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ главныхъ оснований:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція.

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ“.

Для проектированія положенія велѣно было открыть въ каждой изъ трехъ литовскихъ губерній комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ членовъ по выбору дворянства, по одному отъ каждаго уѣзда, и двухъ опытныхъ помѣщиковъ по назначенію губернатора. По окончаніи же работъ этихъ комитетовъ въ Вильнѣ должна была открыться общая комиссія подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго генералъ-губернаторомъ, изъ выборныхъ представителей комитетовъ,—по два отъ каждаго,—по одному помѣщику отъ каждой губерніи, назначенному генералъ-губернаторомъ, и одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ *).

Въ особомъ секретномъ отношеніи министра сказано было, что комитеты должны были окончить свои занятія въ ше-

---

*) *А. Скребицкій.* „Крестьянское дѣло и проч.“, т. I, введеніе, стр. 2.

стимѣсячный срокъ со дня ихъ открытія; такой же срокъ назначался и для общей комиссіи.

Въ рескриптѣ было упомянуто, что реформа должна быть совершена не вдругъ, а *постепенно*, „дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній“. Въ сопроводительномъ отношеніи министра это было подтверждено, причемъ впервые установлялось понятіе о *переходномъ состояніи*, получившемъ впослѣдствіи наименованіе *срочно-обязаннаго*, комитетамъ рекомендовалось назначить для него опредѣленный срокъ—не свыше 12 лѣтъ. Въ соображеніяхъ министра указывалось также, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ“, хотя при неисправности отдѣльныхъ крестьянъ участки ихъ, по мнѣнію министра, могли быть отъ нихъ отбираемы и передаваемы другимъ крестьянамъ. Въ этомъ и заключалось то понятіе „Bauerland'а“, которое заимствовано было Левшинымъ изъ остзейскихъ губерній. Впрочемъ соображенія, изложенныя въ отношеніи министра, не имѣли обязательной силы, а сообщались губернскимъ комитетамъ лишь въ видѣ *пособія* при ихъ занятіяхъ *). На это губернскіе комитеты и ихъ депутаты впослѣдствіи неоднократно ссылались.

Черезъ четыре дня послѣ подписанія рескрипта 24 ноября 1857 г. и самый рескриптъ, и отношеніе Ланского къ Назимову были разосланы въ печатномъ видѣ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе“.

Мысль объ этомъ, кажется, принадлежала Константину Николаевичу **). Сохранилось преданіе, что кн. Орловъ хотѣлъ остановить разсылку рескрипта, сообразивъ, что разъ рескриптъ будетъ оглашенъ, то повернуть дѣло назадъ, какъ

*) *Скребицкій*, введеніе, стр. IV.

**) „Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост. въ Россіи“, т. I, стр. 156.

еще надѣялись нѣкоторые придворные крѣпостники, будетъ уже невозможно. Онъ отправился будто-бы во дворецъ и убѣдилъ Государя взять назадъ данное на разсылку рескрипта разрѣшеніе. Но было уже поздно. Ланской, предвидя возможность такого оборота дѣла (по совѣту Милютина, какъ утверждаетъ Leroy-Beaulieu), отпечаталъ эти копіи въ одну ночь и немедля отправилъ ихъ во всѣ концы Россіи съ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, такъ что, когда пришло распоряженіе повременить, онъ могъ отвѣтить, что дѣло уже сдѣлано *). Вѣренъ-ли или нѣтъ этотъ разсказъ— неизвѣстно; но вѣрно то, что разсылка копій рескрипта, дѣйствительно, отрѣзывала правительству отступленіе. Черезъ нѣсколько дней (6 декабря 1857 г.) подобный же рескриптъ данъ былъ и петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву. Этотъ рескриптъ послужилъ отвѣтомъ на ходатайство петербургскаго дворянства, возбужденное еще въ 1851 г. и подтвержденное въ началѣ 1857 г.—объ открытіи въ Петербургской губерніи дворянскаго комитета для проектированія инвентарныхъ правилъ. Копіи съ рескрипта Игнатьеву и съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ были также разосланы во всѣ губерніи 8 декабря, а вслѣдъ затѣмъ, 17 декабря, всѣ эти документы были опубликованы въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе.

*) *Тамъ-же.* Ср. также у *Leroy Beaulieu.* „Un homme d'état russe", p. 15 и у *Н. А. Соловьева* въ его запискахъ.

ГЛАВА III.

Значеніе опубликованія рескриптовъ.—Привѣтствія со стороны печати.—Обѣдъ въ Москвѣ.—Агитація Кокорева и его рѣчь.—Письмо Балабина гр. Киселеву.—Исторія съ Кавелинымъ.—Рескриптъ Игнатьеву.—Отношеніе дворянства разныхъ губерній къ рескриптамъ. Записка Унковскаго.—Статьи Самарина.—Настроеніе крѣпостниковъ.—Записка Мальцова.—Аристократы-либералы.

Съ опубликованіемъ рескриптовъ крестьянскій вопросъ вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія. *Секретный* комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ переименованъ въ *главный* и пересталъ быть секретнымъ *).

Въ то же время дозволено было обсуждать крестьянскій вопросъ въ печати. До опубликованія рескриптовъ печать не могла принимать въ обсужденіи этого вопроса никакого участія. Въ журналахъ, конечно, иногда проскальзывали контрабандой тѣ или иные намеки и мысли, въ родѣ выраженія сочувствія „вольнонаемному труду" и т. п., даже допускалась полемика по вопросу объ относительныхъ преимуществахъ частной собственности и общиннаго землевладѣнія (между „Современникомъ" и „Экономическимъ Указателемъ" въ Петербургѣ, между „Русской Бесѣдой" и „Русскимъ Вѣстникомъ" въ Москвѣ); но всякое прямое,—а иногда даже и косвенное—порицаніе крѣпостного строя и всякое указаніе на необходимость его упраздненія запрещались строжайшимъ образомъ. До какой степени строго преслѣдовалось всякое нарушеніе этого запрещенія, показываетъ инцидентъ съ газетой

*) Высоч. пов. 8 января 1858 г. „Сборникъ постановленій", вып. I стр. 21.

„Молва". основанной въ 1857 г. славянофилами. Въ этой газетѣ Константинъ Аксаковъ позволилъ себѣ высказать въ передовой статьѣ, что его огорчаетъ примѣръ негровъ въ Америкѣ, „работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ", и выразить при этомъ порицаніе людямъ, „которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ"... Этого было достаточно, чтобы произвести бурю въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.—За слѣдующую статью „Публика и народъ", написанную въ строго славянофильскомъ смыслѣ, „Молва" была закрыта, просуществовавъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ друзья еще упрекали Аксакова за то, что онъ „вводитъ власть въ такія дѣла" *).

Получивъ въ началѣ 1858 года разрѣшеніе обсуждать крестьянскій вопросъ, печать съ восторгомъ привѣтствовала рескриптъ 20 ноября, причемъ въ этихъ привѣтствіяхъ сошлись и заграничный „Колоколъ" *Герцена*, и „Современникъ" *Некрасова* и *Чернышевскаго* и славянофилъ *Ив. С. Аксаковъ*.

Герценъ привѣтствовалъ рескриптъ вдохновенной статьей съ эпиграфомъ: „*Ты побѣдилъ Галилеянинъ*"! „Имя Александра II,—писалъ онъ—принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же кончилось—все равно, начало освобожденія сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ—пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону...

„Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасны. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть* и *свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе"?.. **).

*) *Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XV, стр. 278 и слѣд. Срав. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" т. I, ч. I, стр. 95.

**) „Колоколъ" отъ 15 февраля 1858 г.

А Чернышевскій въ это же время писалъ статью „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ съ эпиграфомъ: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Богъ твой (псалм. XLV, стих. 8)“. Статья эта начиналась такими словами: „Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г. благополучно царствующій государь императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ“ *). Далѣе онъ писалъ: „Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ“ **)...

И. С. Аксаковъ привѣтствовалъ зарю новаго дня прекраснымъ стихотвореніемъ, въ которомъ онъ провозглашалъ:

„Дню вчерашнему — забвенье,
Дню грядущему привѣтъ ***).

Вообще въ первые мѣсяцы послѣ опубликованія рескриптовъ въ либеральной печати (радикальной въ то время еще не было) по поводу ихъ высказывались одни только ликованія безъ всякой критики. Въ первой статьѣ своей о рескриптахъ Н. Г. Чернышевскій не обратилъ никакого вниманія даже на то, что вотчинная полиція оставлялась по рескрипту помѣщикамъ; первый же пунктъ рескрипта о томъ, что крестьянамъ отводится въ пользованіе „необходимое для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщиками количество земли“, онъ истолковалъ въ смыслѣ послѣдователя Фурье, не отдавая, повидимому, себѣ яснаго

*) Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 393. Статья ошибочно приписывалась Кавелину. Срав. примѣчаніе къ его запискѣ, напечатанной во II томѣ его сочиненій, стр. 6.

**) „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 398.

***) Стихи эти были первоначально запрещены, хотя ихъ и отстаивалъ в. кн. Константинъ Николаевичъ (*Никитенко* „Дневникъ“ т. II (изд. 1-ое), стр. 75).

отчета въ томъ, что за эту землю крестьяне обязывались по смыслу рескрипта по прежнему отбывать барщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не замѣнена оброкомъ, и платить оброкъ во всѣхъ остальныхъ.

Съ неменьшимъ единодушіемъ выразился восторгъ всѣхъ остальныхъ мыслящихъ людей въ Москвѣ на обѣдѣ, устроенномъ 28 декабря 1857 г. Кавелинымъ и Катковымъ при содѣйствіи Погодина. На этомъ обѣдѣ присутствовали представители науки, литературы и высшей московской интеллигенціи. Не было только славянофиловъ, членовъ редакціи „Русской Бесѣды". Но и они воздержались отъ участія въ обѣдѣ только изъ опасенія, что это могло бы помѣшать ихъ участію въ разработкѣ самой реформы *). Въ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ обѣдахъ и банкетахъ, устроенныхъ В. А. Кокоревымъ, приняли участіе и славянофилы **). На обѣдѣ 28 декабря первый тостъ провозглашенъ былъ Катковымъ за здоровье Государя. „Бываютъ эпохи—сказалъ при этомъ Катковъ,—когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе жизни;—эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ: благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху".—

...„Не подводить итогъ событій собрались мы сюда: пусть это будетъ дѣломъ исторіи. Нѣтъ! мы собрались для того,— продолжалъ тотъ же ораторъ, — чтобы выразить перепол-

*) Мотивы отказа славянофиловъ были подробно разъяснены Самаринымъ и Кошелевымъ (*Барсуковъ* н. с., XV, стр. 474—477). Ихъ осудили за это кн. Черкасскій и Ап. Григорьевъ, находившіеся тогда за границей (*Барсуковъ*, XV, 483. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" I, I, 94).

**) *Барсуковъ*, XV, 496.

няющее насъ всѣхъ чувство, чтобы заявить, въ чемъ всѣ мы, люди разномыслящіе и разнохарактерные, сходимся какъ одинъ человѣкъ. Есть стало быть для насъ нѣчто сильнѣе всѣхъ разногласій, есть стало быть чувство, въ которомъ единодушна вся мыслящая Русь: это чувство слѣдовало изъявить, это единодушіе слѣдовало запечатлѣть. Было бы непростительнымъ опущеніемъ, было бы грѣхомъ не запечатлѣть торжественно этого чувства. Не изъ этихъ-ли выраженій общественнаго единодушія образуется характеръ общества, не изъ нихъ-ли слагается его внутренняя исторія, не ими-ли опредѣляется физіономія будущаго? Пусть же знаютъ, что въ русской литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія, и это нѣчто есть исполняющійся нынѣ завѣтъ и смыслъ нашей исторіи: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и царя, мысль о которомъ неразрывна и едина съ мыслью о благѣ народномъ. Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли, повидимому, лица, собравшіяся здѣсь для запечатлѣнія такого торжественнаго сознанія, вѣрьте, эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ исторіи, и сохранится тѣмъ вѣрнѣе, и будетъ тѣмъ знаменательнѣе, чѣмъ свободнѣе и искреннѣе наше соединеніе"...

„Да почіетъ благословеніе Божіе,—такъ закончилъ свою рѣчь Катковъ,—на Царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!

Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго, провозглашается тостъ за здравіе Государя Императора".

Кромѣ Каткова говорили не менѣе прочувствованныя рѣчи: А. В. Станкевичъ, Н. Ф. Павловъ, М. П. Погодинъ, И. К. Бабстъ, К. Д. Кавелинъ и В. А. Кокоревъ.

Кавелинъ въ свой рѣчи сказалъ между прочимъ: „Этого 20 ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и бла-

городнѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей... Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, Отечествомъ и Исторіей"...

Обѣдъ закончился горячей и искренней манифестаціей передъ портретомъ императора Александра.

Кокоревъ, извѣстный тогда милліонеръ-откупщикъ, прославившійся незадолго передъ тѣмъ торжественной всенародной встрѣчей, которую онъ устроилъ въ Москвѣ Севастопольскимъ героямъ, не успѣлъ на этомъ обѣдѣ сказать длинную рѣчь, имъ приготовленную. Но рѣчь эта была полностью напечатана Катковымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", причемъ въ своемъ предисловіи Катковъ написалъ, что „рѣчь эта— не просто рѣчь, а поступокъ, который пусть оцѣнитъ Россія". Кокоревъ предлагалъ въ этой рѣчи купечеству придти на помощь крестьянамъ въ дѣлѣ выкупа ихъ усадебъ.

„Будемъ откровенны и искренни въ такіе великіе дни и скажемъ правду,—писалъ Кокоревъ. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнѣйше отъ дворянъ и крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ (—а Кокоревъ самъ былъ крупнѣйшій изъ откупщиковъ): ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатство, ими же сообщенное! Если всѣ откупщики пожертвовали бы, примѣрно, десять милліоновъ рубл. сер., то это нисколько не ослабило бы ихъ оборотовъ, это едва ли составило бы половину прибылей, полученныхъ въ текущемъ 1857 году, по случаю огромнаго распространенія въ народѣ кредитныхъ билетовъ; но за то какъ бы это подвинуло впередъ дѣло самобытной собственности крестьянъ..."

Дальше онъ приглашаетъ къ пожертвованіямъ биржевое купечество, золотопромышленниковъ, „выкопавшихъ" себѣ богатство „мозолистыми руками тружениковъ", владѣльцевъ доходныхъ домовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и, наконецъ, восклицаетъ:

„Да что много толковать!—Никто не откажется отъ участія. Первая гильдія охотно приметъ лѣтъ на десять двойной платежъ, вторая и третья тоже пойдутъ вслѣдъ за нею на нѣкоторую прибавку,—да словомъ, всѣ понесутъ свою лепту на дѣло общаго добра"...

Не менѣе замѣчательны, нежели этотъ призывъ къ купеческой тароватости, въ рѣчи Кокорева его совершенно вѣрныя и взятыя прямо изъ жизни указанія на ту разницу въ положеніи крѣпостного вопроса въ промышленныхъ—нечерноземныхъ и въ черноземныхъ—хлѣбородныхъ губерніяхъ, которая и въ правительственной, и въ помѣщичьей средѣ того времени сознавалась далеко не всѣми. Кокоревъ призывалъ капиталистовъ придти на помощь дѣлу ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній именно въ *промышленныхъ нечерноземныхъ* губерніяхъ, гдѣ помѣщиковъ придется вознаграждать не столько за отходящія отъ нихъ земли, сколько за убытокъ отъ потери правъ ихъ на сторонніе заработки и промысловые доходы ихъ крестьянъ. Кокоревъ понималъ вполнѣ ясно, что несправедливо будетъ заставить платить это вознагражденіе самихъ освобождаемыхъ крестьянъ*). Въ этомъ онъ совершенно сходился, какъ мы ниже увидимъ, съ Унковскимъ и др. либеральными помѣщиками промышленныхъ нечерноземныхъ губерній.

Увлекшись агитаціей эмансипаціонныхъ идей, Кокоревъ устроилъ вслѣдъ за обѣдомъ 28 декабря еще такой же банкетъ въ своемъ домѣ и собирался уже устроить огромный публичный банкетъ въ театрѣ съ участіемъ 1500 человѣкъ, когда въ дѣло вмѣшался московскій генералъ-губернаторъ.

*) *Барсуковъ*, XV, 483 и слѣд.

извѣстный крѣпостникъ и обскурантъ гр. Закревскій. Онъ наложилъ свое veto на всѣ дальнѣйшія предпріятія Кокорева и послалъ доносъ на него въ Петербургъ. Въ то же время онъ остановилъ выпускъ отдѣльныхъ оттисковъ вышеприведенной рѣчи Кокорева, дозволивъ изъ заказанныхъ авторомъ 10.000 экземпляровъ разослать только 500. Цензоръ Н. Ф. Крузе, дозволившій напечатать эту рѣчь, подвергся за это служебнымъ преслѣдованіямъ по инициативѣ того-же Закревскаго *).

Эмансипаціонное движеніе дѣлало въ это время въ общественной средѣ огромные успѣхи и въ то же время могущественно вліяло на расширеніе умственнаго горизонта обывателей всѣхъ сословій.

Нашъ вѣнскій посланникъ Балабинъ, побывавшій въ началѣ 1858 г. въ Россіи, такъ описывалъ свои впечатлѣнія парижскому послу гр. Киселеву въ письмѣ отъ 5 іюня 1858 г.

„Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется тоже, но вы чувствуете внутреннее обновленіе во всемъ, вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отсталые скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работой, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало по мало старую рутину, которая прежде — и даже во время войны—не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своею глупостью. И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но вездѣ то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро измѣнится" **).

---

*) *Барсуковъ*, XV, 498 и слѣд.

**) *Заблоцкій-Десятовскій*, „Гр. Киселевъ и его время", т. II, стр. 341.

Начало 1858 года было кульминаціоннымъ пунктомъ того необыкновеннаго сочувствія и довѣрія передовыхъ элементовъ нашего общества къ верховной власти, которое развивалось и росло съ самаго восшествія на престолъ Александра II.—Но вскорѣ придворнымъ крѣпостникамъ и интриганамъ удалось замѣтно нарушить это настроеніе и раздуть тѣ никогда вполнѣ не угасавшіе зародыши недовѣрія къ общественнымъ силамъ страны, которые были заронены въ душу императора Александра вѣроятно еще со времени 1848 года. Въ 1858 г. первымъ предметомъ для нападокъ былъ избранъ проф. Кавелинъ, приглашенный за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ преподаватели къ наслѣднику престола. Придворные интриганы воспользовались для этого запиской Кавелина по крестьянскому дѣлу, большіе отрывки которой Чернышевскій напечаталъ (безъ разрѣшенія Кавелина) въ апрѣльской книжкѣ „Современника", во второй части той самой статьи „о новыхъ условіяхъ сельскаго быта", о которой мы говорили выше.—Несмотря на то, что записка Кавелина давно была извѣстна правительству, какъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ проектовъ крестьянской реформы, несмотря на то, что первая часть статьи самого Чернышевскаго представляла собой сплошной панегирикъ Александру II-му,—статья эта была признана безусловно неподлежавшей печати: Кавелинъ вынужденъ былъ уйти изъ преподавателей наслѣдника, а попечителю петербургскаго учебнаго округа кн. Щербатову, какъ главному начальнику петербургской цензуры, сдѣланъ былъ выговоръ за пропускъ этой статьи*). Въ довершеніе же всего послѣдовалъ циркуляръ, запрещавшій журналамъ и газетамъ касаться вопроса о выкупѣ земель и объ уничтоженіи вотчинной власти помѣщиковъ**). Циркуляръ этотъ сохранялъ силу до конца

---

*) „Матеріалы для ист. упразд. крѣп. состоянія въ Россіи" I, 245 и слѣд.

**) Тамъ-же: приведено также у *Иванюкова* н. с., стр. 39. Предписаніе главн. комитета по дѣл. печати отъ 22 апрѣля 1858 г.

1858 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока само правительство не убѣдилось, наконецъ, что единственнымъ раціональнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса долженъ быть признанъ именно выкупъ крестьянскихъ земель и полная ликвидація крѣпостныхъ отношеній.

Разославъ рескриптъ 20 ноября губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ, правительство съ тревогой и нетерпѣніемъ ожидало, какое впечатлѣніе произведетъ эта разсылка на дворянство разныхъ губерній.

Помѣстное дворянство не спѣшило, однако же, откликаться на призывъ правительства. Помѣщикамъ центральныхъ черноземныхъ губерній не нравился отводъ надѣловъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе. Дворяне степныхъ губерній опасались слишкомъ быстраго и крутого измѣненія существующихъ отношеній и въ особенности ослабленія помѣщичьей власти въ барщинныхъ хозяйствахъ. Особенно же неудобными и разорительными казались основанія, предложенныя въ рескриптахъ, помѣщикамъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній, такъ какъ имъ вовсе не улыбалась перспектива полученія оброковъ за одни лишь крестьянскіе надѣлы.

„Полнаго *безусловнаго* сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ, *на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ*, не обнаружилось—писалъ впослѣдствіи Я. А. Соловьевъ въ своихъ запискахъ—ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта“ *). Эти отзывы присылались

*) „Русск. Старина“ 1881 г. № 4, стр. 738 и слѣд. Курсивъ мой. Въ „Запискахъ“ *Я. А. Соловьева* приведены и самые отзывы. Нѣкоторые изъ нихъ воспроизведены въ моей работѣ „о губернскихъ комитетахъ“, „Русское Богатство“ за 1904 г. № 2, стр. 206.

губернаторами и губернскими предводителями дворянства въ отвѣтъ на циркулярный запросъ министра. Правительство было ими очень встревожено.

Тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій не ограничился такимъ отзывомъ и въ обстоятельной запискѣ представилъ отъ своего имени замѣчательную критику на главныя начала реформы, изложенныя въ рескриптѣ. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ, что и съ крестьянской, и съ помѣщичьей точки зрѣнія палліативы, указанные въ рескриптѣ, и въ особенности *постепенность* упраздненія крѣпостного права и *переходное срочно-обязанное положеніе* никуда не годятся, что и крестьяне не помирятся съ такой половинной свободой, и помѣщики разорятся, и, наконецъ, что даже исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика,—не можетъ быть ничѣмъ обезпечено".

Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ „освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи", Унковскій считалъ *выкупъ* крѣпостного права, т. е. личности крестьянъ вмѣстѣ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. При этомъ онъ требовалъ, чтобы этотъ выкупъ былъ выданъ помѣщикамъ единовременно въ видѣ облигацій, приносящихъ доходъ. „Выдача *капитала*, писалъ онъ необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками". Раскладку платежей для погашенія этого вознагражденія онъ считалъ справедливымъ устроить такъ, чтобы та часть ихъ, которая приходилась бы за земли, отводимыя крестьянамъ, падала на однихъ крестьянъ, а та часть, которая будетъ уплачена за отмѣну личнаго крѣпостного права,—на всѣ сословія государства.

Отвергая правильность основаній реформы, указанныхъ въ рескриптахъ, Унковскій настаивалъ въ своей запискѣ на необходимости разрѣшить губернскимъ комитетамъ:

1) *Требовать* отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи.

2) Обсудить необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія, мѣстной полиціи и нѣкоторыхъ, связанныхъ съ этимъ предметомъ, учрежденій.

3) Не стѣсняясь тѣсною рамкою инструкцій, излагать всѣ необходимые предметы со всею откровенностью. Сіе послѣднее необходимо потому, писалъ Унковскій, что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной и общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности" *).

Къ основаніямъ реформы, которыя указывались въ рескриптѣ 20 ноября, отнеслись критически и другіе, болѣе оппортунистически настроенные, сторонники эмансипаціи: — Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ. Но они считали гораздо болѣе важнымъ дѣломъ въ данный моментъ заявить сочувствіе правительственному почину и воспользоваться либеральнымъ вѣяніемъ сверху, чтобы принять непосредственное участіе въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели выразить свое несогласіе съ правительствомъ въ отношеніи отдѣльныхъ частей правительственной программы, тѣмъ болѣе что съ планомъ реформы въ общемъ они были согласны. Поэтому Ю. Ф. Самаринъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ издававшемся Кошелевымъ журналѣ „Сельское благоустройство", попытался, не критикуя содержанія рескрипта, расширить смыслъ данныхъ въ немъ основаній реформы и подвести подъ нихъ свои собственные взгляды, особенно же доказать и обосновать исторически сложившееся *право* крестьянъ на все то количество земли, которымъ крестьяне пользовались при крѣпостномъ

*) *Джаншіевъ*. „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ". М. 1894 г. стр 58—71. Ср. мои статьи „Губернскіе Комитеты" въ „Русск. Бог." за 1904 г. № 2, стр. 209—216.

состоянiи, и *необходимость* оставить эту землю въ ихъ владѣнiи и на будущее время. Въ этихъ статьяхъ Самаринъ принялъ на себя защиту необходимости *переходнаго* (срочно-обязаннаго) состоянiя и доказывалъ невозможность немедленнаго полнаго освобожденiя и обязательнаго выкупа, утверждая, что казна не сладитъ съ финансовой стороной дѣла; что крестьянамъ непосильно будетъ сразу же начать платить выкупные платежи за полные надѣлы,—а урѣзать надѣлы онъ считалъ совершенно несправедливымъ и невозможнымъ: что, наконецъ, помѣщичьи хозяйства не выдержатъ единовременнаго и повсемѣстнаго прекращенiя барщины. Послѣднiй доводъ изложенъ у него особенно убѣдительно и несомнѣнно имѣлъ такое же реальное основанiе въ отношенiи степного поволжья, гдѣ были расположены имѣнiя Самарина, какъ доводы Унковскаго для нечерноземныхъ губернiй. Въ этомъ обстоятельствѣ съ большою рельефностью подчеркивается, — какъ я это указывалъ уже неоднократно,—могущественное влiянiе мѣстныхъ матерiальныхъ, чисто помѣщичьихъ соображенiй, отъ которыхъ не были совершенно свободны ни доводы Унковскаго, помѣщика нечерноземной промышленной полосы, ни доводы Самарина, помѣщика малонаселенныхъ степныхъ поволжскихъ губернiй...

Защищая въ общемъ принципы реформы, указанные въ рескриптѣ, въ одномъ только отношенiи Ю. Ф. Самаринъ не могъ стать на точку зрѣнiя рескрипта—это въ отношенiи отдѣльнаго выкупа усадебъ. Но и этотъ вопросъ онъ могъ разбирать въ примирительномъ тонѣ, въ виду послѣдовавшаго въ февралѣ 1858 г. правительственнаго разъясненiя, что, по истеченiи переходного перiода, который не долженъ ни въ какомъ случаѣ длиться болѣе 12 лѣтъ, крестьянинъ прiобрѣтаетъ *непремѣнно* личныя гражданскiя права, хотя бы онъ и не успѣлъ въ этотъ срокъ внести полнаго выкупа за усадьбу *). Правительство, такимъ образомъ, въ сущности отка-

*) Цирк. м-ра вн. д. отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 („Сборникъ постановленiй“, вып. I, стр. 60).

залось отъ изобрѣтенной Левшинымъ уловки—устроить, подъ видомъ обязательнаго выкупа усадебъ по повышенной оцѣнкѣ, замаскированный выкупъ личной свободы крестьянъ. Подчеркивая это новое разъясненіе правительства, Самаринъ замѣчалъ, что вопросъ объ усадьбахъ потерялъ, благодаря этому, свое *юридическое* значеніе и сохранилъ лишь *экономическій* интересъ. Оставался, по его мнѣнію, лишь чисто хозяйственный вопросъ, въ какой мѣрѣ выгоденъ и удобенъ для крестьянъ обязательный выкупъ усадебъ отдѣльно отъ пашни и прочихъ угодій. Разобравъ этотъ вопросъ чрезвычайно внимательно, Самаринъ доказалъ, что выкупъ усадебъ отдѣльно отъ остального надѣла вовсе невыгоденъ и даже разорителенъ для крестьянъ въ большинствѣ случаевъ. Изъ ряда доводовъ, которые онъ привелъ въ доказательство этого мнѣнія, самый существенный былъ тотъ, что усадьба въ крестьянскомъ хозяйствѣ вообще *не есть доходная статья, а необходимое условіе существованія*, а потому будетъ гораздо удобнѣе для крестьянъ, если усадьбы будутъ оставлены имъ въ пользованіе, наравнѣ съ прочимъ надѣломъ, съ правомъ выкупа ихъ вмѣстѣ со всей остальной землей, когда сами крестьяне того пожелаютъ *).

Въ этой статьѣ, напечатанной въ журналѣ, Самаринъ не позволилъ себѣ ни единаго слова прямой критики началъ крестьянской реформы, опубликованныхъ въ рескриптѣ. Такая критика не была бы возможна и по цензурнымъ условіямъ. Къ тому же Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ, признавая въ общемъ начала, преподанныя въ рескриптахъ, не противорѣчащими ихъ собственнымъ взглядамъ на вопросъ, вскорѣ приняли званіе членовъ губернскихъ комитетовъ по назначенію *отъ правительства*, Самаринъ—въ самарской, Черкасскій — въ Тульской и Кошелевъ—въ Рязанской губерніяхъ, предварительно заручившись, впрочемъ, разъясненіемъ губернаторовъ, что это званіе не будетъ обязывать ихъ от-

---

*) Сочиненія *Ю. Ф. Самарина* т. III, стр. 19—55.

ставать каждое правительственное предложеніе вопреки ихъ собственному мнѣнію *). Унковскій же до конца крестьянской реформы оставался въ оппозиціи съ правительственными предначертаніями и мѣрами, отстаивая въ то же время необходимость полной ликвидаціи крѣпостного строя. Эта оппозиція по мѣрѣ развитія дѣла, какъ мы ниже увидимъ, становилась всѣ болѣе рѣзкой и закончилась открытымъ столкновеніемъ и репрессивными мѣрами.

Среди дворянъ-крѣпостниковъ, относившихся враждебно ко всякой идеѣ освобожденія крестьянъ, появленіе рескрипта вызвало лишь враждебныя чувства и безотчетный страхъ. Но враги реформы не спѣшили открыто выражать свои мысли. Въ этомъ дѣлѣ они предпочитали дѣйствовать путемъ интригъ, запугиваній и лицемѣрныхъ заявленій. Отчасти это объясняется тѣмъ, что большая часть крѣпостниковъ принадлежала или къ придворной аристократіи, которой было неудобно выступать открыто съ критикой высочайшихъ рескриптовъ, или къ наиболѣе невѣжественной части провинціальнаго дворянства, которая не умѣла выразить своихъ взглядовъ и излить свою ярость въ литературной формѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что консервативная партія, не сочувствовавшая предпринятой правительствомъ реформѣ, была настолько слаба умственными силами, что не могла долгое время подыскать подходящаго редактора для журнала, который рѣшила издавать. Нѣкоторые крѣпостники, яростно напавшіе впослѣдствіи на редакціонныя комиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ и генерала Ростовцева, какъ, напр., М. А. Безобразовъ и гр. Орловъ-Давыдовъ, пока еще не высказывались во всеуслышаніе. Однимъ изъ первыхъ, открыто выразившихъ свои взгляды, былъ орловскій помѣщикъ и членъ орловскаго губернскаго комитета, извѣстный заводовладѣлецъ С. И. Мальцевъ **).

*) Записки А. И. *Кошелева*, стр. 96.

**) Свѣдѣнія о Мальцевѣ см. въ сборникѣ, изданномъ въ 1904 г. въ память В. А. Арцимовича, стр. 274 и слѣд.

Онъ составилъ въ 1858 г. записку, въ которой проявилъ себя ярымъ противникомъ реформы. Въ гнѣвѣ своемъ онъ обрушился главнымъ образомъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ видѣлъ источникъ всѣхъ золъ. Составленная имъ довольно объемистая записка была одновременно направлена противъ развивающихся въ русскомъ обществѣ демократическихъ тенденцій и противъ бюрократическаго самовластія министровъ. Мальцевъ доказывалъ въ этой запискѣ, снабженной многочисленными ссылками на факты изъ русской исторіи, въ своеобразномъ, конечно, освѣщеніи, и выписками изъ Токвиля (который въ то время былъ вообще въ большомъ ходу), что все зло повелось въ Россіи отъ тѣхъ „легкомысленныхъ“ преобразованій, которыя въ началѣ XIX столѣтія были предприняты и отчасти осуществлены императоромъ Александромъ I-мъ. Эти преобразованія исказили, по мнѣнію Мальцева, историческія истинно-русскія начала, усвоенныя и развитыя Петромъ I (sic) и Екатериной II (!), и отняли силу у исконнаго русскаго самодержавія. Этому злу онъ приписывалъ и севастопольскій погромъ, и безсиліе власти въ борьбѣ съ разрушительными демократическими теченіями, а чтобы исправить это зло и возвратить русское правительство на истинный путь, Мальцевъ рекомендовалъ отдать нынѣшнія самовластныя министерства подъ контроль выборныхъ русскихъ людей, впрочемъ, *исключительно лишь дворянскаго сословія* — по два выборныхъ дворянина отъ каждой губерніи. Царь будетъ опираться на дворянъ, а дворяне будутъ по-прежнему благополучно править народомъ. Эта система была бы, по мнѣнію Мальцева, возстановленіемъ старинной русской системы, когда цари не ввѣрялись еще безотвѣтственнымъ министрамъ, а опирались на „народъ“, представленный *боярской думой*.

Въ этой запискѣ изложены были въ сущности почти тѣ же идеи, которыя составили содержаніе другой, надѣлавшей много шума, записки камергера Мих. Алекс. Безобразова, появившейся годомъ позднѣе. Вообще подобныя мысли имѣли

въ то время значительное распространеніе среди образованной части завзятыхъ крѣпостниковъ *).

Но было тогда среди дворянъ аристократовъ и другое теченіе, болѣе либеральное, также направленное противъ бюрократіи и бюрократическаго способа рѣшенія крестьянскаго вопроса, также стоявшее за сохраненіе дворянскихъ привилегій и даже за ихъ расширеніе, но въ тоже время не только не бывшее противъ освобожденія крестьянъ, но имѣвшее даже свой собственный планъ реформы. Это направленіе, имѣвшее своихъ представителей, главнымъ образомъ, среди петербургскаго дворянства, обыкновенно смѣшивается съ партіей, мечтавшей объ обезземеленіи крестьянъ, что совершенно несправедливо. Сторонники этого направленія, имѣвшіе офиціальнымъ своимъ представителемъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Шувалова, мечтали о созданіи у насъ поземельной аристократіи феодальнаго типа, причемъ они вовсе не думали объ обезземеленіи крестьянъ, а, напротивъ, проектировали обращеніе существующихъ крестьянскихъ надѣловъ въ *неотчуждаемыя* крестьянскія земли (Bauerland), состоящія въ вѣчнонаслѣдственномъ пользованіи

*) Въ 1858 г. напечатана была въ количествѣ 100 экз. въ Берлинѣ брошюра магистра законовѣдѣнія Николая Безобразова (брата Михаила) „Объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства“, представленная имъ и Государю. Въ этой брошюрѣ Николай Безобразовъ утверждалъ, что крѣпостного вопроса у насъ собственно нѣтъ; что все это одно недоразумѣніе, что стоитъ только перенести изъ X т. свода законовъ въ IX статьи, относящіяся къ вотчинному управленію, а въ X оставить только тѣ, которыя относятся къ недвижимой собственности, и все дѣло будетъ улажено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что вотчинное право должно быть сохранено на вѣки, какъ краеугольный камень нашего гражданскаго устройства. Эта брошюра вызвала рѣзкую полемику въ „Русск. Вѣсти.“ и въ газетѣ „Le Nord“. Въ трудахъ вольно-экономическаго общества защищалъ въ это время вотчинное право тамбовскій помѣщикъ Григ. Бланкъ, представившій нѣсколько записокъ и правительству („Матеріалы для упраздн. крѣп. состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 234).

крестьянъ за опредѣленныя денежныя или натуральныя повинности. При этомъ они особенно хлопотали о сохраненіи помѣщикамъ всей полноты вотчинной власти и мечтали о дарованіи имъ новыхъ политическихъ правъ и объ образованіи у насъ системы мѣстнаго самоуправленія на англійскій образецъ. Впослѣдствіи члены этой партіи рѣзко возстали противъ демократическаго направленія редакціонныхъ комиссій, но на рескрипты имъ еще не было основанія нападать; они надѣялись даже осуществить свой проектъ именно на почвѣ началъ, преподанныхъ рескриптами. Рескрипты, во-первыхъ, не требовали выкупа крестьянской земли въ собственность, а, наоборотъ, вводили то самое понятіе неотчуждаемой крестьянской земли, принадлежащей помѣщикамъ на правѣ ограниченной вотчинной собственности, которое давно уже было усвоено либерально-аристократической группой петербургскаго дворянства; во-вторыхъ—и для данной группы это было главное—рескрипты оставляли неприкосновенной вотчинную власть помѣщиковъ. Понятно, что эта группа скорѣе стала бы защищать рескрипты противъ нападеній Унковскаго, нежели сама нападать на нихъ.

Таковы были главныя теченія, господствовавшія среди дворянства въ моментъ опубликованія высочайшихъ рескриптовъ литовскому и петербургскому генералъ-губернаторамъ.

ГЛАВА IV.

Нижегородскій и Московскій адресы.—Программа, данная комитетамъ. Оппозиція Тверского комитета.—Уступка правительства.—Калужскій комитетъ.—Вопросъ о выкупѣ въ высшихъ сферахъ.—Письма и записки Ростовцева.—Работы губернскихъ комитетовъ.—Смоленскій адресъ.—Вопросъ о выкупѣ личности и объ оцѣнкѣ усадебъ.—Стремленіе къ обезземеленію крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.—О размѣрѣ надѣловъ.—Опредѣленіе повинностей.—Система градаціи.—О правовомъ положеніи крестьянъ.—Объ административномъ устройствѣ крестьянъ.—О вотчинной власти.—Различные инциденты въ губернскихъ комитетахъ.—Проекты комитетскихъ меньшинствъ.

Первый адресъ съ заявленіемъ о готовности приступить къ устройству крестьянъ на началахъ, указанныхъ правительствомъ, представленъ былъ нижегородскимъ дворянствомъ 17 декабря 1857 г. Въ Нижнемъ-Новгородѣ удалось военному губернатору А. Н. Муравьеву увлечь дворянство патетической рѣчью на очередномъ дворянскомъ собраніи: но и здѣсь представители крѣпостнической партіи вскорѣ опомнились и почти тотчасъ же вслѣдъ за адресомъ послали въ Петербургъ особую депутацію, которой поручили объяснить правительству, что произошло недоразумѣніе и что дворянство не согласно на тѣ главныя начала, которыя заключаются въ рескриптѣ 20 ноября. Въ Петербургѣ, однако же, поспѣшили воспользоваться полученнымъ адресомъ, очень обрадовавшимъ государя, и 24 декабря, прежде нежели депутація успѣла представиться, послѣдовалъ на имя Муравьева рескриптъ такого же содержанія, какъ и рескриптъ 20 ноября *).

*) „Матеріалы для истор. упраздн. крѣп. сост. въ Россіи", I, 272—275. *Левшинъ*, „Достопамятныя минуты", Русск. Арх. 85 г. № 8, стр. 537.

Вслѣдъ за нижегородскимъ послѣдовалъ адресъ Московскаго дворянства, которому дано было знать черезъ генералъ-губернатора гр. Закревскаго о неприличіи его молчанія. Московское дворянство ходатайствовало въ своемъ адресѣ объ открытіи комитета „для составленія правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны *общеполезными и удобными* для мѣстностей Московской губерніи". Эта оговорка очень разсердила императора Александра. и въ рескриптѣ Закревскому было указано, что москвичи должны составить свой проектъ на тѣхъ же началахъ, какія указаны дворянству другихъ губерній *).

Дворянству прочихъ губерній ничего не оставалось, какъ присоединяться къ этимъ заявленіямъ. Запаздывавшимъ дѣлались внушенія черезъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства **). Впрочемъ, и сами помѣщики понимали, конечно, что отстать отъ другихъ невозможно и даже опасно, такъ какъ промедленіе могло легко вызвать волненія среди крестьянъ. Къ іюню 1858 г. не оставалось уже ни одной губерніи, не подавшей адреса.

Выборы въ комитеты кое-гдѣ замедлились, и комитеты открывались иногда лишь черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ полученія рескриптовъ. Но къ декабрю 1858 г. комитеты были открыты повсемѣстно, а нѣкоторые изъ нихъ уже кончали въ это время свои работы ***).

Сначала министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣло—по его собственнымъ словамъ—стѣснять подробною программою разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ ****). Однако же, главный комитетъ вскорѣ призналъ необходимымъ дать въ руководство комитетамъ подроб-

*) „Матеріалы для исторіи упразд. крѣп. сост. въ Россіи", т. I, стр. 278.

**) Ср. мою ст. „Крестьянская реформа въ Калужской губ. при В. А. Арцимовичѣ" въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ". Спб. 1904 г., стр. 148.

***) „Губернскіе комитеты", Русск. Бог. за 1904 г. № 2, стр. 224 и слѣд.

****) Цирк. М. В. Д. отъ 17 февр. 1858 г. № 104. Сборникъ постановленій по крест. дѣлу, вып. I, стр. 61.

ную програму. Сперва выработать ее поручено было Левшину, но затѣмъ представленный имъ проектъ взятъ былъ обратно, такъ какъ Ростовцевъ настоялъ въ Главномъ Комитетѣ на принятіи его проекта, выработаннаго Позеномъ. Позенъ интриговалъ въ этомъ случаѣ въ пользу помѣщиковъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній, желавшихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Себя онъ выдавалъ, впрочемъ, за либерала и за сторонника надѣленія крестьянъ землей. Не рѣшаясь прямо проповѣдывать безземельное освобожденіе, Позенъ старался растолковать рескрипты въ томъ смыслѣ, что земля отводится крестьянамъ въ пользованіе только на время срочно-обязаннаго положенія, пока они остаются крѣпки землѣ и обязательно отбываютъ помѣщикамъ опредѣленныя положеніемъ повинности. По истеченіи же этого періода, крестьяне, по мысли Позена, должны были получить полную свободу передвиженія, а къ помѣщикамъ должна была возвратиться полная свобода въ распоряженіи всею принадлежащею имъ землею, въ томъ числѣ и той, которая была временно отведена въ пользованіе крестьянъ, за исключеніемъ только усадебъ. Затѣмъ уже крестьяне могли пріобрѣтать землю лишь по добровольнымъ договорамъ съ помѣщиками. Впослѣдствіи, когда Позенъ снялъ съ себя маску, онъ прямо утверждалъ въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій 12 августа 1859 г., что „правительство, давая программу губернскимъ комитетамъ, намѣревалось обезпечить крестьянъ землей за опредѣленныя повинности *только на 12-лѣтній періодъ срочно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ*, т. е. на періодъ переходный, по истеченіи котораго полевая земля, какъ неотъемлемая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема и въ пользованіе крестьянъ, и на выкупъ, по его усмотрѣнію“ *). Это была

*) *Н. П. Семеновъ*. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“, т. I, стр. 542.

явная ложь. Напротивъ, по разъясненіямъ, сдѣланнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и по программѣ, проектированной Левшинымъ, полевая земля должна была отводиться крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе, отнюдь не ограничиваемое однимъ лишь переходнымъ періодомъ *). Чтобы провести свою мысль незамѣтно для Ростовцева, который въ то же время былъ противникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, Позенъ рѣшился не вводить ея прямо въ программу, но открыть лишь губернскимъ комитетамъ возможность такого толкованія рескриптовъ. Для этого онъ раздѣлилъ работу губернскихъ комитетовъ на три періода. Въ первомъ періодѣ губернскимъ комитетамъ предоставлялось выработать проектъ положенія *лишь для срочно-обязанныхъ крестьянъ* и обезпеченіе ихъ полевою землей; предуказанное рескриптами относилось, такимъ образомъ, лишь къ этому переходному періоду. Такъ растолковалъ самъ Позенъ эту программу въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ и такъ поняли ее во всѣхъ тѣхъ комитетахъ, гдѣ такое толкованіе соотвѣтствовало выгодамъ помѣщиковъ. Во второмъ періодѣ на губернскіе комитеты предполагалось возложить исполненіе утвержденныхъ уже положеній. Наконецъ, въ третьемъ комитеты должны были выработать сельскій уставъ, опредѣляющій всѣ подробности крестьянскаго быта, или представить необходимые для этого матеріалы. Положеніе, которое комитеты должны были выработать въ первомъ періодѣ *для срочно-обязанныхъ крестьянъ*, было подробно разработано въ программѣ. Положеніе должно было заключать въ себѣ слѣдующія десять главъ, изъ которыхъ каждая раздѣлена была на цѣлый рядъ подраздѣленій, подробно предусматривавшихъ содержаніе каждой главы:

Глава I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.

---

*) Проектъ Левшина напечатанъ въ III т. сочиненій *Ю. Ф. Самарина*, стр. 59, примѣчаніе.

II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землею.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способъ исполненія.

Въ нѣкоторыхъ главахъ однимъ перечнемъ входящихъ въ нихъ подраздѣленій комитетамъ какъ бы подсказывались и выводы, къ которымъ они должны были притти. Такъ, напр., въ главѣ II перечислены были слѣдующія подраздѣленія:

„Оставленіе крестьянъ временно крѣпкими землѣ.

„Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами и селеніями.

„Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльному лицу или семейству.

„Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

„Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія, независящій отъ выкупа усадебъ".

Такой перечень предрѣшалъ, какъ видитъ читатель, довольно опредѣленно положеніе крестьянъ въ срочно-обязанномъ періодѣ.

Глава IX, *о правахъ и отношеніяхъ помѣщиковъ*, заключала въ себѣ слѣдующія подраздѣленія:

„Присвоеніе помѣщику званія *начальника общества*.

„Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку,

б) по внутреннему управленію,

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами,

г) по отправленію крестьянами повинностей,

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

Программа этой главы предрѣшала такимъ образомъ въ общихъ чертахъ характеръ и объемъ вотчинной власти помѣщиковъ *).

Эта программа давала полную возможность комитетамъ черноземныхъ-хлѣбородныхъ губерній, заинтересованнымъ въ обезземеленіи крестьянъ, установить, что *по окончаніи срочнообязаннаго періода вся* полевая земля возвращается помѣщику. Въ то же время программа эта не допускала проектированія полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которой желали многіе помѣщики нечерноземныхъ-промышленныхъ губерній.

Съ внѣшней стороны программа довольно близко и точно придерживалась главныхъ началъ, преподанныхъ въ рескриптахъ: но затаенная цѣль ея составителя, обнаружившаяся лишь впослѣдствіи, несомнѣнно вовсе не гармонировала съ намѣреніями законодателя, который, какъ мы видѣли, имѣлъ въ виду сохранить земельные надѣлы крестьянъ *въ безсрочномъ* ихъ пользованіи и отнюдь не желалъ ихъ обезземеленія.

Тѣмъ не менѣе программа, составленная Позеномъ и представленная Ростовцевымъ въ главный комитетъ, была утверждена послѣднимъ, въ присутствіи Государя, и 21 апрѣля 1858 г. разослана, по высочайшему повелѣнію при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ руководство губернскимъ комитетамъ.

Она вызвала противъ себя самую сильную оппозицію, какъ и слѣдовало ожидать, въ комитетахъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній. Главнымъ застрѣльщикомъ въ предпринятой противъ нея борьбѣ явился тверской губернскій комитетъ съ Унковскимъ во главѣ. Нѣсколько ранѣе этого

---

*) Ср. мои статьи о губернскихъ комитетахъ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г., № 3, стр. 109—115. Программа эта напечатана полностью у *Скребицкаго*, т. I, стр. XXVI—XXXII, и у *Иванюкова*, стр. 45 и слѣд. (2-е изд.).

слабыя попытки предложить правительству выкупъ части крестьянскихъ надѣловъ сдѣланы были со стороны нижегородскаго и виленскаго комитетовъ; но правительство отвѣчало на эти предложенія категорическимъ отказомъ и комитеты не настаивали. Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ съ самаго начала выбрана была, по предложенію Унковскаго, особая комиссія „плана занятій", которая вполнѣ одобрила тотъ планъ реформы, который былъ предложенъ Унковскимъ въ противовѣсъ правительственной программѣ *). Тверской губернскій комитетъ особенно сильно возставалъ противъ переходнаго срочно-обязаннаго положенія и требовалъ полной и единовременной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній съ выдачей помѣщикамъ денежнаго выкупа, въ видѣ приносящихъ доходъ облигацій, притомъ не только за земли, отведенныя крестьянамъ, но и за личность крѣпостныхъ. Но такъ какъ правительство настаивало на соблюденіи преподанной комитетамъ программы и въ особенности высочайшихъ рескриптовъ, на основаніи которыхъ выкупу подлежали однѣ только усадьбы, то Унковскій, и съ нимъ большинство членовъ (14 чел. противъ 12), рѣшились на обходъ этого затрудненія. Они постановили считать за усадьбу полный крестьянскій надѣлъ вмѣстѣ со всей полевой землей, крестьянскими лугами, выгономъ и проч., и выкупъ этого надѣла осуществить при помощи особой кредитной операціи, причемъ въ оцѣнку его включить и стоимость рабочей силы имѣній. Не смотря на это включеніе, меньшинство комитета, состоявшее изъ консерваторовъ и крѣпостниковъ, возстало противъ такого проекта и представило протестъ свой правительству. Тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало формальное предписаніе тверскому комитету не уклоняться отъ данной правительствомъ программы. Но ко-

*) Идеи Унковскаго пользовались огромной популярностью среди просвѣщенной части Тверского дворянства. Дворянство же Новоторжскаго уѣзда поднесло ему даже особый сочувственный адресъ (*Джаншіевъ*, „А. М. Унковскій и освобожд. крестьянъ", стр. 76).

митетъ не склонился передъ этимъ распоряженіемъ; онъ отрядилъ въ Петербургъ депутацію изъ четырехъ своихъ членовъ, которые объявили правительству (въ лицѣ Ланского и Ростовцева), что тверской комитетъ согласенъ составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя большинство комитета признаетъ полезными; если же такого проекта не нужно, то они просятъ назначить на ихъ мѣсто чиновниковъ, „которые напишутъ все, что имъ велятъ“. Это энергичное заявленіе поколебало упорство правительства. Дѣло было разсмотрѣно въ главномъ комитетѣ и рѣшено въ благопріятномъ для тверского комитета смыслѣ. Главный комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: „не стѣснять тверского дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ по желанію помѣщиковъ и полевой земли въ собственность, но обязать означенный комитетъ составить постановленія объ усадьбахъ и полевыхъ угодьяхъ по каждому предмету особо“ *). Эта побѣда, одержанная тверитянами, имѣла для дальнѣйшаго хода дѣла огромное значеніе. Калужскій губернскій комитетъ, раздѣлявшій основные взгляды Унковскаго и хорошо понимавшій невыгодность для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній срочно-обязаннаго положенія, въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій постановилъ 17-ю голосами противъ 6-ти: 1) въ основаніе своихъ работъ принять предоставленіе крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа не только усадьбы, но и полевой земли, необходимой для обезпеченія ихъ быта; 2) выкупъ произвести посредствомъ финансовой, гарантированной правительствомъ мѣры, положительно и всесторонне разрѣшающей вопросъ. На этомъ рѣшеніи въ Калугѣ сошлись и либералы и умѣренные консерваторы, а въ меньшинствѣ остались лишь непримиримые крѣпостники **).

*) *Джаншіевъ*. „А. М. Унковскій“, стр. 95.

**) *Мои* статьи „Губернскіе комитеты и проч.“. Русск. Бог. за 1904 г., № 3, стр. 129.

Это постановленіе калужскаго комитета было поддержано и губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, который писалъ министру, что онъ и самъ не сомнѣвается, „что срочно-обязанная система какъ полумѣра, неизбѣжно затруднитъ управленіе и дастъ возможность еще усилить притѣсненія, дѣлаемыя владѣльцами крестьянамъ, и даже во многихъ отношеніяхъ ухудшитъ положеніе сихъ послѣднихъ" *). Калужскому комитету было предоставлено составить выкупной проектъ, съ тѣмъ лишь, чтобы на ряду съ нимъ былъ составленъ и проектъ срочно-обязаннаго положенія соотвѣтственно утвержденной программѣ **). Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ это время настроеніе настолько уже повернулось въ сторону выкупа, что предположено было въ представленіи въ главный комитетъ выразить даже желаніе, чтобы всѣ комитеты руководствовались началами, принятыми калужскимъ комитетомъ ***). Хотя такое предположеніе не осуществилось, но о разрѣшеніи, данномъ калужскому комитету 16 марта 1859 г., сообщено было губернаторамъ нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ комитеты не кончили еще въ это время своихъ занятій ****).

Къ сожалѣнію, большинство губернскихъ комитетовъ въ это время уже кончило или кончало свои работы, и, такимъ образомъ, разрѣшеніе составить выкупные проекты для многихъ комитетовъ запоздало. Впрочемъ, вопросъ о невыгодахъ срочно-обязаннаго положенія и о желательности единовременнаго выкупа поднимался и ранѣе этого времени во многихъ губернскихъ комитетахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были приняты выкупные проекты и безъ спеціальнаго разрѣшенія правительства. Такъ поступило меньшинство въ симбирскомъ, ря-

*) „*Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ*". Восп. и характеристики. Спб. 1904 г. Моя статья „Крестьянская реформа въ Калужской губ.", стр. 216.

**) „Сборникъ постановленій по крест. дѣлу", вып. III, стр. 25.

***) „*В. А. Арцимовичъ* и проч.", стр. 218. Письмо бар. А. Ф. Штакельберга къ В. М. Жемчужникову.

****) Сборникъ постановленій, вып. III, стр. 25.

занскомъ, нижегородскомъ и московскомъ комитетахъ и комитеты: харьковскій, пензенскій и московскій *).

Въ правительственныхъ сферахъ мысль о выкупѣ начала завоевывать себѣ признаніе съ конца 1858 г. Въ концѣ лѣта 1858 г. Ростовцевъ былъ за границей на водахъ и вернулся оттуда уже сильно подготовленный къ окончательному усвоенію этой мысли. Изъ-за границы онъ написалъ свои извѣстныя 4 письма къ императору Александру, имѣвшія большое вліяніе на настроеніе Государя и на ходъ дѣлъ въ главномъ комитетѣ.

Изъ этихъ писемъ прежде всего видно, что Ростовцевъ никогда не былъ сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Воспитанный на началахъ опеки населенія и охраненія спокойствія въ странѣ, Ростовцевъ всего болѣе опасался соціальныхъ и политическихъ потрясеній. Хорошо понимая, что беззсмельное освобожденіе крестьянъ чревато всевозможными потрясеніями и бунтами, онъ, понятно, не допускалъ и мысли о возможности обезземеленія крестьянъ при освобожденіи. По его словамъ, и главный комитетъ понималъ невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Но Ростовцеву въ то время казалось еще несомнѣннымъ, что необходимыхъ для выкупа крестьянскихъ надѣловъ средствъ въ распоряженіи правительства нѣтъ и никогда не будетъ. Поэтому онъ признавалъ вполнѣ раціональнымъ рѣшеніе главнаго комитета сохранить крестьянамъ при освобожденіи ихъ полевые надѣлы въ *постоянное пользованіе* за опредѣленныя повинности впредь до выкупа ихъ самими крестьянами. Но въ послѣднемъ письмѣ онъ высказываетъ уже предположеніе, что пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности можетъ совершиться скоро и даже прочно, путемъ добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ, посредниками при заключеніи которыхъ, по его мнѣнію, могли бы быть „опекунскіе

*) Ср. „Губернскіе комитеты“, Русск. Бог. за 1904 г. № 4, стр. 60 и слѣд.

совѣты, министерство государственныхъ имуществъ, приказы общественнаго призрѣнія, губернскіе банки изъ капиталовъ дворянства, частныя общества, доходъ которыхъ обезпеченъ денежными капиталами или недвижимыми имуществами".

При этомъ онъ уже упоминаетъ и о нѣкоторомъ содѣйствіи со стороны правительства *).

По возвращеніи Ростовцева изъ-за границы его письма обсуждались сперва въ интимномъ совѣщаніи императора Александра II съ самимъ авторомъ ихъ и съ Ланскимъ, а затѣмъ были разосланы въ извлеченіяхъ членамъ главнаго комитета и легли въ основаніе двухъ важныхъ его журналовъ 26 октября и 4 декабря 1858 г. Въ это же время явился въ Петербургъ Унковскій со своимъ ультиматумомъ, и, надо думать, его энергичныя представленія также не остались безъ вліянія на Ростовцева. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ на Ростовцева другъ его юности, возвращенный изъ ссылки декабристъ князь Е. П. Оболенскій, съ которымъ Ростовцевъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ **). На Ланского въ это же время дѣйствовалъ убѣжденный сторонникъ выкупной системы Н. А. Милютинъ, тогда еще директоръ хозяйственнаго департамента, но принимавшій уже въ крестьянскомъ вопросѣ дѣятельное, хотя и негласное участіе ***).

Понятно, такимъ образомъ, что, когда на разсмотрѣніе Ростовцева въ числѣ первыхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ поступилъ проектъ меньшинства 5 членовъ симбирскаго комитета, составленный съ большими отступленіями отъ Позеновской программы и даже отъ главныхъ началъ

---

*) О письмахъ Ростовцева см. въ „Матеріалахъ для истор. упраздн. крѣп. сост. въ Россіи", т. I, стр. 380 и слѣд. Извлеченіе изъ этихъ писемъ у *Скребицкаго*, „Крестьянское дѣло", т. I, стр. 908 и слѣд.

**) См. переписку между Я. И. Ростовцевымъ и кн. Е. П. Оболенскимъ въ „Русск. Арх." за 1873 г. № 1.

***) *Leroy-Beaulieu*. „Un homme d'état russe", а также записки М. А. Милютиной въ „Русск. Стар." за 1899 г. 1 и 2. Тамъ же переписка Милютина съ Ланскимъ.

рескриптовъ и основанный на идеѣ выкупа, обязательнаго для помѣщиковъ, но необязательнаго для крестьянъ, то Ростовцевъ пришелъ отъ этого проекта въ восторгъ и указалъ въ официальномъ своемъ отзывѣ о немъ, что „проектъ 5 членовъ, соединяя выкупъ усадебъ съ выкупомъ надѣла, желаетъ *разрѣшить* вопросъ, а не *обойти* его" *). Это было въ январѣ 1859 г. Въ февралѣ Ростовцевъ представилъ записку „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса", въ которой писалъ: „Выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наиполезнѣйшій, если бы только былъ онъ признанъ возможнымъ и справедливымъ; этимъ Россія избѣгла бы труднаго для нея періода срочно-обязаннаго положенія и не было бы надобности въ учрежденіи новыхъ уѣздныхъ присутствій".

„Норма выкупа можетъ быть опредѣлена или: 1) стоимостью отводимой крестьянамъ земли (въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ), или 2) капитализаціею облегченнаго оброка (въ промышленныхъ мѣстностяхъ). Во всякомъ случаѣ съ выкупной суммы крестьяне выплачиваютъ ежегодно 6% правительству; 5% правительство выдаетъ помѣщику; 1% удерживается для погашенія". Денежную сумму правительство выдаетъ помѣщикамъ облигаціями. Такимъ образомъ здѣсь Ростовцевъ даетъ тотъ самый расчетъ, который принятъ былъ тогда же калужскимъ губернскимъ комитетомъ. „Выкупъ усадьбы—писалъ въ этой же запискѣ Ростовцевъ — при соединеніи съ нимъ выкупа полевой земли и другихъ угодій, перестаетъ уже составлять значеніе въ крестьянскомъ вопросѣ; въ такомъ случаѣ продажа усадебнаго участка безъ полевой земли не должна уже быть для помѣщика обязательна, а потому было бы несправедливо и помѣщику брать съ крестьянина за пользованіе усадьбою какіе-либо проценты, кромѣ тѣхъ усадьбъ промышленныхъ, за которыя крестьяне

*) „Матеріалы редакціонныхъ коммиссій", 1-ое изд., т. I, прилож. къ журналу № 1, стр. 51.

и нынѣ помѣщику уже платятъ" *). Въ „Дополненіи" къ этой запискѣ, составленномъ въ апрѣлѣ 1859 г., Ростовцевъ уже вполнѣ признавалъ все неудобство срочно-обязаннаго періода: „соединить права свободнаго человѣка съ требованіемъ отъ него обязательнаго труда, *безъ сильной власти на мѣстѣ*, составляетъ — писалъ онъ — такое искусственное условіе, что исхода его, какъ относительно обоюдныхъ недоумѣній двухъ сословій, такъ и относительно государственнаго хозяйства, и предвидѣть во всѣхъ подробностяхъ невозможно". Поэтому онъ полагалъ „не только полезнымъ, но даже необходимымъ, чтобы правительство старалось срочно-обязаннаго періода *въ этомъ смыслѣ* избѣжать вовсе, или, по крайней мѣрѣ, по возможности его сократить".

Въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ о выкупѣ онъ только потому не останавливается на *обязательномъ* выкупѣ, что считаетъ принудительность его несправедливой и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, а, главное, въ виду необходимости довольно значительныхъ работъ по кадастру имѣній, которыя потребовали бы нѣсколько лѣтъ для своего окончанія. Поэтому Ростовцевъ остается сторонникомъ добровольнаго выкупа, но признаетъ уже необходимость правительственной гарантіи и разныхъ поощрительныхъ мѣръ, а также серьезнаго пониженія повинностей крестьянъ **).

Такимъ образомъ Ростовцевъ, къ началу 1859 г., прекрасно созналъ не только всѣ недостатки Позеновской программы, но и необходимость значительнаго уклоненія отъ главныхъ началъ, преподанныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ. Но для губернскихъ комитетовъ эта эволюція взглядовъ Ростовцева произошла, какъ мы уже сказали, слишкомъ поздно. Имъ пришлось до конца ихъ дѣятельности руководствоваться По-

*) *Скребицкій*, т. I, стр. 943 и слѣд.

**) „Дополненіе къ статьѣ „Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса". *Скребицкій*, т. I, стр. 947—949. Эта записка была помѣчена 8 апрѣля 1859 года.

зеновскою программою и главными началами, преподанными въ рескриптахъ.

Стѣснительность этихъ началъ для комитетовъ нечерноземныхъ губерній очень ясно изложена была въ адресѣ смоленскаго дворянства. Указавъ въ этомъ адресѣ, что въ Смоленской губерніи, по свойству ея почвы, крѣпостной трудъ въ противоположность хлѣбороднымъ губерніямъ составляетъ главную цѣнность помѣщичьихъ имѣній, смоляне въ то же время весьма основательно заявляли, что „возложить на крестьянъ выкупъ крѣпостного и промышленнаго труда, посредствомъ преувеличенія цѣны усадебъ, было бы несправедливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и дурнымъ расчетомъ для помѣщиковъ, потому что крестьяне не могли бы выкупить усадьбъ, и вознагражденіе помѣщикамъ было бы только номинальное“. Этотъ адресъ, ставившій вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ на ту же почву, что и тверской комитетъ, не обратилъ однако же на себя серьезнаго вниманія правительства, и смоленскому комитету пришлось въ концѣ концовъ для спасенія помѣщичьихъ интересовъ прибѣгнуть къ той самой мѣрѣ, которую сами же смоленскіе дворяне признавали несправедливой и неразумной,—къ повышенной оцѣнкѣ усадебъ, совершенно несоразмѣрной дѣйствительной ихъ стоимости. Не ограничиваясь этимъ, смоленскій комитетъ постановилъ, что никакой владѣлецъ усадьбы не имѣетъ права отказываться отъ слѣдуемаго ему надѣла полевой земли и связанныхъ съ ними повинностей,—очевидно изъ опасенія, что крестьяне могутъ бросить земледѣліе и такимъ образомъ оставить земли безъ обработки, а владѣльца безъ дохода *). Таково было дѣйствіе тѣхъ искусственныхъ рамокъ, въ которыя была поставлена дѣятельность губернскихъ комитетовъ.

Вообще вопросъ о выкупѣ личности крѣпостныхъ возникъ

*) Ср. „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу“. „Русское Богатство“ за 1904 г. № 3, стр. 130 и слѣд.

6*

во многихъ губернскихъ комитетахъ, даже и въ черноземныхъ или получерноземныхъ губерніяхъ, и вызвалъ страшную борьбу между „плантаторами“ и „либералами“, которая продолжалась, пока правительство не подтвердило категорически, что установленіе вознагражденія за личность крѣпостныхъ противорѣчитъ главнымъ началамъ, преподаннымъ въ Высочайшихъ рескриптахъ *). Тогда комитеты большей части губерній рѣшились воспользоваться уловкой, изобрѣтенной Левшинымъ, и назначили за усадьбы такія суммы, которыя съ избыткомъ вознаграждали бы помѣщиковъ за потерю права на пользованіе крѣпостнымъ трудомъ.

Нѣкоторые комитеты—какъ напр. ярославскій—при этомъ до того увлеклись, что если бы крестьянамъ дѣйствительно пришлось выкупать усадьбы по комитетской оцѣнкѣ, то многіе помѣщики получили бы за однѣ усадьбы чуть ли не больше, нежели стоили самыя ихъ имѣнія со всей землей и съ крѣпостными душами **).

Что касается вопроса обезпеченія крестьянъ землей, то къ этому вопросу комитеты различныхъ губерній отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, далеко неодинаково.

Около половины губернскихъ комитетовъ выразили намѣреніе, воспользовавшись пріуроченіемъ преподанной имъ программы къ одному лишь срочно-обязанному періоду, отобрать у крестьянъ землю по окончаніи этого періода ***). Категорически высказались въ этомъ смыслѣ *восемнадцать* губернскихъ комитетовъ и условно—*три*. Впрочемъ и изъ пер-

---

*) Циркуляръ начальникамъ губерній по вопросу о выкупѣ личности крестьянъ въ „Сборникѣ постановленій и проч.“, вып. II, стр. 18.

**) Подробное изложеніе оцѣнки губернскими комитетами крестьянскихъ усадебъ см. въ статьяхъ моихъ „Губернскіе комитеты“, „Русское Богатство“ за 1904 г. № 3, стр. 122 и слѣд. до 140. Ср. *Скребицкаго*, т. II ч. II, стр. 856.

***) Продолжительность срочно-обязаннаго періода большинствомъ комитетовъ опредѣлялась въ 12 лѣтъ, нѣкоторые опредѣляли ее въ 10, въ 9 и даже 6 лѣтъ.

выхъ 18-ти далеко не всѣ были безусловными сторонниками полнаго обезземеленія крестьянъ. Къ нимъ принадлежали лишь десять комитетовъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній, стремившихся стать монополистами цѣннаго товара чернозема.

Остальные 8 требовали возвращенія земли помѣщику главнымъ образомъ потому, что не желали продленія обязательныхъ отношеній съ крестьянами; но почти всѣ они легко согласились бы на выкупъ надѣловъ правительствомъ или при его содѣйствіи подъ условіемъ прекращенія обязательныхъ отношеній съ крестьянами и единовременной выплаты помѣщикамъ денежнаго выкупа, хотя бы въ видѣ облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. Болѣе опредѣленно выражали эту именно мысль комитеты: калужскій, новгородскій и пензенскій.

Комитеты: тверской и харьковскій и меньшинство калужскаго, владимірскаго, рязанскаго (2 члена отъ правит.), и симбирскаго (5 членовъ) признавали единственно возможнымъ способомъ улучшенія быта крестьянъ безъ разоренія помѣщиковъ единовременный выкупъ крестьянъ съ землей и полную ликвидацію крѣпостного права.

Остальные комитеты болѣе или менѣе мирились съ отводомъ надѣловъ въ *безсрочное пользованіе* съ сохраненіемъ на неопредѣленное время обязательныхъ отношеній съ крестьянами. Впрочемъ большая часть изъ нихъ требовала при этомъ періодической переоброчки. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предпочитали выкупъ, но не настаивали на немъ; нѣкоторые же лишь потому не составили выкупныхъ проектовъ, что по привычкѣ безпрекословно подчинились правительственной программѣ. Главныя начала рескриптовъ и данная комитетамъ программа всего болѣе удовлетворила тѣ комитеты, которые склонялись вообще къ системѣ „Bauerland'a“, какъ петербургскій, псковскій и комитеты сѣверо-западныхъ губерній.

Почти всѣ комитеты, соглашавшіеся на сохраненіе надѣ-

ловъ въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, старались, однако же, болѣе или менѣе урѣзать размѣры существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ. Впрочемъ и тѣ комитеты, которые постановили, что по прекращеніи срочно-обязаннаго періода вся земля возвращается помѣщику, по большей части не преминули сильно уменьшить существовавшіе ранѣе надѣлы и на срочно-обязанный періодъ. Они это сдѣлали главнымъ образомъ потому, что въ сущности не надѣялись, чтобы правительство согласилось въ концѣ концовъ обезземелить крестьянъ, и поэтому заранѣе спѣшили, по крайней мѣрѣ, урѣзать, сколько возможно, ихъ землепользованіе.

Изъ комитетовъ, принявшихъ выкупную систему, рѣшились отдать крестьянамъ полностью ранѣе существовавшіе надѣлы — и то впрочемъ съ нѣкоторымъ регулированіемъ ихъ—лишь большинство тверского комитета и меньшинства 6-ти членовъ владимірскаго, 2-хъ членовъ (отъ правительства) рязанскаго, 1 члена калужскаго и 1 члена саратовскаго. Къ нимъ примыкали изъ числа комитетовъ, принявшихъ начало безсрочнаго пользованія: самарскій (большинство и меньшинство) и 2 члена симбирскаго, да изъ требовавшихъ возвращенія надѣловъ помѣщикамъ по окончаніи срочно-обязаннаго періода: смоленскій и могилевскій. Всѣ остальные комитеты старались болѣе или менѣе урѣзать полевые надѣлы. Особенно рѣзко хотѣли уменьшить надѣлы комитеты черноземныхъ губерній *).

Между тѣмъ основная задача, которую правительство поставило передъ комитетами, была *улучшеніе быта и положенія крестьянъ*. Комитеты понимали, что улучшить положеніе крестьянъ въ экономическомъ отношеніи можно или увеличеніемъ надѣловъ, или уменьшеніемъ повинностей. Увеличивать надѣлы они не хотѣли, а даже наоборотъ, всѣ по-

*) Подробный анализъ всѣхъ комитетскихъ положеній въ отношеніи надѣленія крестьянъ землей данъ въ статьяхъ моихъ „Губернскіе комитеты", въ гл. VI, „Русск. Бог." за 1904 г. № 4, стр. 55 и слѣд.

чти старались ихъ, сколько возможно урѣзывать, причемъ нѣкоторые лицемѣрно увѣряли, что крестьянамъ большіе надѣлы будутъ въ тягость и поведутъ къ разстройству ихъ хозяйствъ *). Оставалось, слѣдовательно, уменьшить повинности. Сдѣлать это, или по крайней мѣрѣ сдѣлать видъ, что повинности облегчены,—было необходимо, потому что правительство требовало точнаго указанія, въ чемъ именно по проекту каждаго комитета положеніе крестьянъ улучшается **). Большинство комитетовъ указывало, что улучшеніе быта крестьянъ заключается въ проектированномъ ими уменьшеніи барщины съ *трехъ* дней до *двухъ* въ недѣлю. На первый взглядъ такое уменьшеніе казалось очень значительнымъ; между тѣмъ на дѣлѣ оно было вовсе не велико, а иногда и совершенно фиктивно. Дѣло въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній трехдневная барщина при крѣпостномъ правѣ практиковалась лишь въ *лѣтніе* мѣсяцы—въ періодъ полевыхъ работъ; въ остальное же время года количество господскихъ работъ было гораздо меньше и крестьяне или отпускались на заработки (иногда за дополнительный оброкъ), или дома употребляли свой досугъ—какъ имъ сподручнѣе. Поэтому для огромнаго большинства крестьянъ дѣйствительнымъ уменьшеніемъ повинностей было бы сокращеніе числа барщинныхъ дней *не въ зимніе, а въ лѣтніе мѣсяцы*. Между тѣмъ по проектамъ большинства комитетовъ, принимавшихъ двухдневную барщину (т. е. 104

*) Такъ, напримѣръ, *Позенъ*, осторожно, но упорно проводившій принципъ неприкосновенности помѣщичьей собственности съ самаго начала и затѣмъ сильно отстаивавшій его въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ полтавскомъ губернскомъ комитетѣ счелъ необходимымъ предостеречь помѣщиковъ, что правительство едва ли согласится на возвращеніе въ ихъ распоряженіе разъ отведенныхъ надѣловъ. Поэтому здѣсь онъ старался лишь провести мысль, что крестьянамъ слѣдуетъ отводить надѣлы какъ можно меньшіе. См. „Бумаги М. П. Позена“, стр. 162.

**) Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшій въ октябрѣ 1858 г. вслѣдствіе п. 2 журнала главн. комит., утвержденнаго 26 октября 1858 г. (*Скребицкій*, т. VI, стр. VI).

дня въ году или 94 за вычетомъ праздниковъ), постановлялось, что $^2/_3$ или даже $^3/_4$ этихъ дней могутъ быть потребованы въ лѣтніе мѣсяцы, а остальные въ зимніе, или же распредѣленіе тѣхъ и другихъ предоставлялось произволу помѣщика. Очевидно, что при такомъ распредѣленіи работъ крестьяне ничего не выигрывали. Многіе комитеты, принимая такое, въ сущности фиктивное, сокращеніе барщины, значительно урѣзывали существовавшіе до тѣхъ поръ надѣлы и все таки утверждали, что проектированнымъ сокращеніемъ повинностей они достигаютъ улучшенія быта крестьянъ.

Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только тверской, ярославскій и меньшинство калужскаго и пяти членовъ владимірскаго проектировали немедленную отмѣну барщины съ замѣной ея оброкомъ, причемъ тверское большинство и калужское меньшинство назначили умѣренные оброки, близкіе къ тѣмъ, которые впослѣдствіи назначены были для этихъ губерній редакціонными комиссіями. Всѣ остальные комитеты, даже и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, оставляли барщину—одни на все время срочно-обязаннаго періода, другіе, установивъ извѣстные сроки и правила постепеннаго перехода съ барщины на оброкъ въ теченіе срочно-обязаннаго періода.

Опредѣленіе *размѣра оброка* было еще важнѣе, нежели опредѣленіе размѣра барщины, потому что барщина устанавливалась лишь на нѣсколько лѣтъ, оброки же назначались на неопредѣленное время и по нимъ же впослѣдствіи должна была опредѣляться и выкупная сумма, а слѣдовательно и размѣръ выкупныхъ платежей.

При опредѣленіи размѣровъ оброка лишь немногіе комитеты исходили изъ ранѣе существовавшихъ окладовъ. Въ огромномъ большинствѣ комитетовъ оброки были вычислены по средней доходности земли, при чемъ существовавшія ранѣе повинности были лишь болѣе или менѣе приняты во вниманіе. Данныя, на которыя при этихъ расчетахъ опирались губернскіе комитеты, были, по большей части, неудовлетворительны. Они были заимствованы изъ сводовъ

свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, а своды эти, какъ удостовѣряютъ весьма компетентные современники и знатоки дѣла, далеко не отличались точностью *). Да и самые расчеты губернскихъ комитетовъ были нерѣдко весьма произвольны. Нѣкоторые комитеты за надѣлы въ уменьшенномъ размѣрѣ оставляли оброки, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ, за исключеніемъ лишь мелкихъ сборовъ, которые были отмѣнены повсемѣстно. Комитеты нигдѣ не приняли во вниманіе того, что, теряя извѣстныя права, помѣщикъ освобождался и отъ различныхъ обязанностей въ отношеніи прежнихъ своихъ крѣпостныхъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей,—напримѣръ, продовольствіе крестьянъ въ неурожайные годы,—были чрезвычайно тяжелы и обременительны во многихъ губерніяхъ **).

Отдавая крестьянамъ часть помѣщичьей земли, почти вездѣ значительно меньшую той, какая была въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ, комитеты, при опредѣленіи повинностей и выкупныхъ платежей, какъ будто бы совершенно забыли, что въ распоряженіи помѣщиковъ остается еще значительная часть имѣнія, обыкновенно превышавшая ту, которая предоставлялась, по ихъ проектамъ, въ надѣлъ крестьянамъ. Особенно рѣзко это было замѣтно въ черноземныхъ губерніяхъ, но и въ нечерноземныхъ остававшіяся за надѣломъ помѣщичьи усадьбы, разныя другія сооруженія, доходныя статьи и особенно лѣса и луга имѣли, разумѣется, опредѣленную цѣнность, которая въ будущемъ могла лишь возрасти.

*) Ср. показанія *Я. А. Соловьева* въ его „Запискахъ" („Русск. Стар." 1882 г. № 11, стр. 234), а также *Ю. Ф. Самарина* въ письмѣ къ Кошелеву („Матеріалы для біогр. кн. Черкасскаго", изд. кн. Трубецкой I, стр. 310). Мнѣ лично извѣстно такое же мнѣніе *А. П. Ровинскаго*, члена саратовскаго губ. комитета, приведенное въ журналахъ послѣдняго.

**) При ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Пруссіи всѣ такія обязанности помѣщиковъ были также приняты во вниманіе, какъ и отходившіе отъ нихъ выгоды и доходы.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, по преимуществу барщинныхъ, цифры оброчныхъ нормъ приняты были на первый взглядъ невысокія почти во всѣхъ комитетахъ; но, такъ какъ здѣсь были проектированы сильно пониженныя нормы надѣловъ, то назначенныя комитетами нормы оброка, по сравненію съ размѣрами проектированнаго надѣла, приходится и здѣсь признать чрезмѣрно высокими *).

Комитеты нечерноземныхъ губерній: тверской, ярославскій. вологодскій и нѣкоторые другіе, оцѣнивая отводимый ими крестьянамъ надѣлъ, приняли систему оцѣнки, предложенную членомъ тверского комитета М. Е. Воробьевымъ, или однородныя съ ней. Система эта основывалась на томъ фактѣ, что ближайшія къ селенію земли, заключающія въ себѣ усадебную осѣдлость и наиболѣе унавоженныя поля, имѣютъ несомнѣнно значительно высшую цѣнность, нежели земли, болѣе удаленныя отъ селенія. Это обстоятельство давало основаніе при оцѣнкѣ надѣла соблюсти извѣстную градацію, оцѣнивъ значительно дороже остальныхъ *первую* десятину, а вторую нѣсколько выше, нежели третью и четвертую.

Отдавая усадебныя строенія крестьянамъ безвозмездно и не дѣлая отдѣльной оцѣнки усадебной земли, тверской комитетъ принялъ градацію Воробьева, вложивъ при этомъ въ оцѣнку *первой* десятины и всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній отъ утраты даровой рабочей силы или той части помѣщичьяго дохода, которая проистекала отъ личнаго крѣпостного права и другими комитетами включена была подъ видомъ „промысловыхъ выгодъ“ въ оцѣнку усадебной осѣдлости. Въ опредѣленіи нормы оброковъ тверской комитетъ исходилъ при этомъ изъ нормальной величины ихъ, существовавшей при крѣпостномъ правѣ, опредѣливъ таковую по сравнительно умѣренному расчету въ 9 рублей съ души или

*) Цифровыя данныя, подтверждающія это положеніе, приведены въ ст. моей „Губернскіе комитеты“ („Русск. Бог.“ за 1904 г. № 4, стр. 83).

22 р. 50 коп. съ тягла (считая въ тяглѣ $2^1/_2$ души). При душевомъ надѣлѣ въ 4 десятины онъ обложилъ *первую* десятину 5-ю руб. 10 коп. оброка, вторую—1 р. 80 коп., третью—1 руб. 20 коп., четвертую—60 коп., что составляло для всѣхъ четырехъ десятинъ 8 руб. 70 коп. *).

Таковы были проекты губернскихъ комитетовъ въ отношеніи надѣленія крестьянъ землей и установленія вида и нормы повинностей.

Вопросъ о *правовомъ* положеніи крестьянъ самъ по себѣ гораздо менѣе затрогивалъ интересы помѣстнаго сословія, нежели вопросъ объ устройствѣ ихъ матеріальнаго быта и благосостоянія. Губернскіе комитеты вообще склонны были рѣшить его въ довольно либеральномъ смыслѣ. Если нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ началѣ поднимали вопросъ о денежномъ вознагражденіи помѣщиковъ за отмѣну крѣпостныхъ правъ на личность крестьянъ, то это вовсе не потому, что бы они были отъявленными крѣпостниками, какъ принято думать, а потому, что въ нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ вся или, по крайней мѣрѣ, главная цѣнность имѣнія заключалась, какъ мы уже разъяснили, въ правѣ эксплоатировать трудъ крѣпостныхъ людей.

Данная комитетамъ программа заставила ихъ искать это вознагражденіе подъ другими видами, а отмѣну крѣпостного права на личность крестьянъ объявить безвозмездной. Согласно I главѣ этой программы всѣ комитеты объявили, что *личное крѣпостное право „уничтожается навсегда на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ“*. Какъ прямое слѣдствіе такого рѣшенія, помѣщичьимъ крестьянамъ предоставлялись права личныя и имущественныя, присвоенныя другимъ *податнымъ* сословіямъ въ государствѣ. Семейныя права и отношенія крестьянъ въ силу этого постановленія большинствомъ комитетовъ подводи-

*) Подробный очеркъ постановленій губернскихъ комитетовъ относительно повинностей срочно-обязанныхъ крестьянъ, см. въ моей статьѣ въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 4, стр. 73—85.

лись подъ соотвѣтствующія статьи X тома свода законовъ, причемъ почти всѣми комитетами спеціально указывалось, что браки крестьянъ освобождаются впредь отъ всякаго вмѣшательства помѣщичьей власти. Впрочемъ, тутъ же устанавливалось нѣкоторыми комитетами и ограниченіе: на время срочно-обязаннаго періода отдача замужъ женщинъ въ постороннія общества подчинялась разрѣшенію міра или помѣщика. Другое такое же временное ограниченіе, намѣчавшееся въ 18 проектахъ губернскихъ комитетовъ, касалось семейныхъ раздѣловъ, которые этими проектами предполагалось подчинить рѣшенію мірскихъ сходовъ, что обусловливалось податными соображеніями и круговой порукой. Нѣкоторые комитеты предполагали предоставить помѣщику на время срочно-обязаннаго положенія право замѣны главы семьи однимъ изъ ея членовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда естественный глава оказывался неспособнымъ вести хозяйство и поддерживать платежеспособность семьи. Всѣ эти ограниченія устанавливались очевидно въ интересахъ обезпеченія правильнаго отбыванія повинностей срочно-обязанными крестьянами.

Въ отношеніи свободы дѣятельности и передвиженія срочно-обязаннымъ крестьянамъ по первой главѣ положеній большинства губернскихъ комитетовъ также предоставлялись права свободныхъ состояній; имъ предоставлялись права: пріобрѣтать въ собственность и отчуждать недвижимое и движимое имущество, заключать договоры и принимать на себя разныя обязательства, производить торговлю и промыслы, устраивать фабрики и заводы; а равно право вчинять иски, заводить тяжбы, подавать жалобы и вообще судиться съ разными лицами и выступать на судѣ повѣренными даже и по чужимъ дѣламъ. Ограничены были во многихъ комитетахъ лишь права иска противъ помѣщиковъ по имуществамъ, купленнымъ крѣпостными крестьянами въ прежнее время на имя ихъ владѣльцевъ.

Таковы были личныя права, которыми надѣлялись срочнообязанные крестьяне по I главѣ положеній, проектированныхъ

комитетами. По сравненію съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились крестьяне при крѣпостномъ правѣ, права эти были весьма значительны, но почти всѣ они болѣе или менѣе ограничивались слѣдующими главами программы и положеній, именно: *главой 2-й*, признававшей, что срочно-обязанные крестьяне должны быть *крѣпки* землѣ, и чрезвычайно ограничивавшей свободу ихъ передвиженія и перечисленія въ другія общества; *главой 8-й*, дававшей, благодаря круговой порукѣ, большую власть міру надъ личностью крестьянъ; и, въ особенности, *главой 9-й*, сохранявшей помѣщику значительную долю вотчинной власти надъ срочно-обязанными крестьянами *).

Устройство сельскаго общественнаго управленія и суда, намѣченное рескриптами и программой лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, было довольно слабо разработано и губернскими комитетами.

Въ вопросахъ экономическаго устройства крестьянъ губернскіе комитеты стояли на твердой почвѣ хорошо сознанныхъ собственныхъ помѣщичьихъ интересовъ и мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ условій; для проектированія же административнаго устройства крестьянскихъ обществъ у членовъ губернскихъ комитетовъ не было ни достаточной теоретической подготовки, ни практическихъ данныхъ и указаній опыта, за исключеніемъ лишь устройства государственныхъ крестьянъ, которое вызывало противъ себя много нареканій и въ помѣщичьей средѣ и въ литературѣ, поскольку эта послѣдняя получила возможность касаться этого вопроса. Но указаніями литературы губернскіе комитеты могли воспользоваться лишь отчасти, такъ какъ литература получила возможность обсуждать эти предметы лишь одновременно съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ и сама не обладала еще нужными матеріалами и свѣдѣніями. Изъ статей, разрабатывавшихъ въ то время вопросы административнаго устройства крестьянъ,

*) Ср. *Скребицкаго* назв. соч. т. I, стр. 9—130.

произвела болѣе другихъ впечатлѣніе статья князя Черкасскаго въ „Сельскомъ благоустройствѣ". Въ этой статьѣ авторъ хорошо сгруппировалъ и вполнѣ ясно формулировалъ условія правильной организаціи мѣстнаго управленія вообще, въ основу котораго онъ положилъ принципы самоуправленія и децентрализаціи. Но на-ряду съ этимъ онъ допускалъ сохраненіе тѣлесныхъ наказаній въ крестьянскомъ быту, чѣмъ вызвалъ противъ себя рѣзкія нападки во всей прогрессивной печати *). Вообще изъ членовъ губернскихъ комитетовъ лишь очень немногіе имѣли сколько-нибудь продуманныя основанія для проектированія административнаго устройства крестьянъ.

Они пытались, согласно извѣстной теоріи государственнаго права, провести въ сельскомъ общественномъ устройствѣ различеніе властей распорядительной, судебной и исполнительной. Первой соотвѣтствовалъ сельскій сходъ, второй—сельская расправа или судъ стариковъ, выборныхъ и т. п., третьей—староста, или старшина съ нѣкоторыми другими сельскими должностными лицами. Но при указаніи предметовъ вѣдомства этихъ властей теоретическія различенія не выдерживались и многіе комитеты придавали чисто судебныя функціи и исполнительнымъ полицейскимъ властямъ, и сходу. Многіе комитеты заявили себя сторонниками самоуправленія вообще и крестьянскаго въ частности, но не выяснили себѣ отчетливо основныхъ задачъ проектированныхъ ими учрежденій. Нѣкоторые комитеты указывали, что эти учрежденія создаются для административныхъ правительственныхъ цѣлей и для административно-хозяйственныхъ нуждъ помѣщиковъ, другіе объясняли, что они имѣютъ назначеніе *подготовить* крестьянъ къ свободной жизни и самоуправленію. Нѣкоторые комитеты соединяли въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ административныя и хозяйственныя функціи, другіе предназначали эти органы для выполненія однихъ лишь админи-

---

*) Ср. *Кн. Трубецкая* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", т. I, ч. II, стр. 122 и слѣд.

стративно-полицейскихъ задачъ, а на ряду съ ними допускали существованіе и самобытное развитіе выработанныхъ самою народною жизнью хозяйственныхъ союзовъ—поземельныхъ общинъ.

Для губернскихъ комитетовъ на время срочно-обязаннаго, т. е. оброчно-барщиннаго періода—а они, придерживаясь программы, только этотъ періодъ и должны были имѣть въ виду—всѣ административные вопросы сводились *къ обезпеченію правильнаго выполненія повинностей крестьянъ.* Поэтому почти всѣ комитеты обязывали учреждаемыя ими сельскія общества *круговою порукою* за своихъ членовъ, а это обстоятельство самой собой вело къ подчиненію отдѣльныхъ крестьянъ міру, на который комитетами переносилась значительная часть прежней помѣщичьей власти. Въ свою очередь дѣйствія міра подчинялись почти всѣми комитетами контролю и болѣе или менѣе широкому вмѣшательству вотчинной власти *).

Въ главныхъ началахъ, указанныхъ рескриптами, упоминалось объ удержаніи вотчинной полицейской власти въ рукахъ помѣщиковъ. Это удержаніе было отнюдь не случайно, а находилось въ несомнѣнной логической связи съ экономической стороной предложенныхъ основаній реформы. Разъ крестьянская земля оставалась въ собственности помѣщиковъ и отдавалась крестьянамъ лишь въ безсрочное пользованіе за обязательныя повинности, разъ сохранялась барщина, которая лишь постепенно должна была замѣняться оброкомъ, помѣщикъ, конечно, не могъ быть лишенъ власти надзора за хозяйственными распоряженіями крестьянина. При срочно-обязанномъ положеніи сохраненіе сильной вотчинной власти казалось неизбѣжнымъ. Между тѣмъ выкупъ правительство въ началѣ отвергло; новые же виды правительства не были сообщены губернскимъ комитетамъ. Имъ пришлось руководствоваться по вопросу о вотчинной власти всецѣло рескрип-

*) *Скребицкій*, I, 331—586.

тами и программой, IX глава которой не только предрѣшала, какъ мы уже отмѣтили, сохраненіе вотчинной власти, но и намѣчала въ общихъ чертахъ ея устройство и содержаніе. Къ тому же и сами губернскіе комитеты смотрѣли на срочно-обязанное положеніе — и не безъ основанія—какъ на своего рода *осадное* положеніе. Поэтому нисколько не удивительно, что отъ программы въ этомъ отношеніи рѣшились отступить лишь тѣ немногіе комитеты, которые вообще отрицали цѣлесообразность срочно-обязаннаго положенія и требовали немедленнаго и единовременнаго выкупа.

Большая часть губернскихъ комитетовъ, при проектированіи IX главы положенія, слѣдуя указаніямъ программы, назначала помѣщиковъ *начальниками* сельскихъ обществъ. Начальникамъ обществъ предоставлялась сильная власть надъ крестьянскимъ населеніемъ и болѣе или менѣе широкое вмѣшательство въ сферу крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ права просмотра и отмѣны приговоровъ схода, права утвержденія и увольненія крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, права наказанія крестьянъ (штрафами, арестами и розгами) за неповиновеніе и грубость, а иногда и за другіе проступки и, наконецъ, права высылки изъ имѣнія и передачи въ распоряженіе правительства лицъ, виновныхъ въ нѣкоторыхъ повторныхъ преступленіяхъ, въ оскорбленіи помѣщика и членовъ его семьи, и даже просто упорныхъ недоимщиковъ, а по нѣкоторымъ проектамъ, также право сдачи послѣднихъ въ рекруты. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ предоставляли помѣщикамъ право наблюденія за посторонними лицами на территоріи ихъ имѣнія, причемъ помѣщикъ могъ арестовать всякаго нарушителя порядка и спокойствія, не смотря на званіе его и должность, и выслать его изъ предѣловъ имѣнія или передать въ распоряженіе земской полиціи, содержа до тѣхъ поръ подъ стражей (не болѣе трехъ дней).

Особенно поучительна была точка зрѣнія самарскаго губернскаго комитета. Комитетъ этотъ, подъ вліяніемъ Ю. Ф.

Самарина, вполнѣ усвоилъ себѣ взглядъ на несправедливость и ненужность вотчинной власти при полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній *съ момента уничтоженія барщины и перехода къ вольнонаемному хозяйству*. Но тотъ же комитетъ, отказавшись отъ вотчинной власти надъ сельскими обществами и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ, предоставилъ помѣщикамъ широкое право „домашней расправы" надъ *барщинными* крестьянами, которыхъ помѣщики, по проектамъ самарскаго комитета, могли подвергать собственною властью за проступки, учиненные *во время нахожденія ихъ на господской работѣ*, за дерзость, ослушаніе, небрежность въ работѣ, порчу и растрату господскаго имущества и т. п. *тѣлесному наказанію розгами:* мужчинъ до 20 ударовъ, женщинъ до 10, кромѣ беременныхъ и недавно родившихъ. Защищая впослѣдствіи ту же точку зрѣнія въ редакціонныхъ комиссіяхъ, Самаринъ доказывалъ, что иначе крестьянина, объявленнаго лично свободнымъ, нельзя заставить удовлетворительно работать на барщинѣ*). Здѣсь рельефно отразилось положеніе дѣлъ въ самарскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Населеніе здѣсь было рѣдкое, хозяйство все основывалось на барщинѣ, но земледѣльческихъ заработковъ у населенія не было. Сразу прекратить барщину было для помѣщиковъ невыгодно, во-первыхъ, потому, что хозяйства ихъ не были приспособлены къ обработкѣ при помощи вольныхъ рабочихъ, во-вторыхъ потому, что крестьянъ трудно было бы перевести на оброкъ въ виду отсут-

*) Послѣ введенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1861 г. Самаринъ радикально измѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. 29 іюля 1861 г. онъ писалъ Кошелеву и Черкасскому, что по вопросу о розгѣ онъ рѣшительно расходится съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ. „Съ той минуты,—писалъ онъ,—какъ наши приходскія церкви огласились первыми словами манифеста, помѣщичья домашняя расправа вообще (не одни тѣлесныя наказанія) упразднилась на всегда и сама собою"... „розга *не вырвана*, а *выпала*ась изъ рукъ". („Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" т. I, ч. II, стр. 260).

ствія стороннихъ заработковъ. Поэтому самарскій комитетъ требовалъ переходнаго срочно-обязаннаго періода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что заставить крестьянъ работать въ этотъ періодъ можно лишь сильными принудительными мѣрами. На примѣрѣ самарскаго комитета ясно видно, какую силу имѣли въ сужденіяхъ губернскихъ комитетовъ и по вопросу о вотчинной власти чисто хозяйственныя соображенія помѣщиковъ.

Губернскіе комитеты, проектировавшіе удержаніе вотчинной власти, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, лишь періодъ срочнообязаннаго положенія. Всѣ они болѣе или менѣе понимали, что съ окончательной ликвидаціей крѣпостныхъ отношеній удержаніе вотчинной власти будетъ немыслимо, и для помѣщиковъ едва-ли полезно. Многіе изъ нихъ коснулись поэтому въ своихъ проектахъ вопроса о нравственномъ вознагражденіи дворянства въ будущемъ за потерю его вотчинныхъ правъ и о способахъ сохраненія за дворянскимъ сословіемъ первенствующаго положенія въ государствѣ послѣ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Одни комитеты мечтали при этомъ о политическихъ прерогативахъ, по крайней мѣрѣ, въ области мѣстнаго управленія спеціально для одного лишь дворянства; другіе видѣли наилучшій выходъ для всѣхъ сословій въ освобожденіи всего населенія отъ бюрократической опеки и чиновничьяго произвола и желали установленія самоуправленія на болѣе демократическихъ основаніяхъ. Они желали, по выраженію А. М. Унковскаго, чтобы „уничтоженіе крѣпостного права“ состоялось „*не для однихъ крестьянъ, а для всего народа*“ *).

История губернскихъ комитетовъ имѣетъ свою драматическую сторону. Постановленія комитетовъ и выработанные ими проекты явились результатомъ не кабинетной спокойной ра-

---

*) Джаншіевъ „А. А. Унковскій“ и проч. стр. 133. Очеркъ взглядовъ различныхъ губ. комитетовъ на вопросъ о вотчинной власти см. въ указанной выше работѣ моей въ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 5, стр. 50—65.

боты, а упорной борьбы, бурныхъ преній и рѣзкихъ схватокъ между „плантаторами“ и „либералами“,—схватокъ, приводившихъ подъ часъ къ настоящимъ скандаламъ. Таковъ былъ крупный инцидентъ, разыгравшійся въ Нижнемъ Новгородѣ между представителями большинства и меньшинства, улаживать который пріѣзжалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ. „Крѣпостникамъ“ въ концѣ концовъ сдѣланъ былъ выговоръ отъ имени государя за ихъ настойчивое стремленіе получить денежный выкупъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ; меньшинство, признанное либеральнымъ, (хотя оно впослѣдствіи далеко не оказалось таковымъ), вышло было in corpore въ отставку, но было призвано къ продолженію занятій, по желанію государя, и получило высочайшее благоволеніе *). Въ Твери, гдѣ въ единственномъ изъ всѣхъ комитетовъ образовалось либеральное большинство, нѣкоторые изъ членовъ меньшинства, не ограничиваясь рѣзкими нападками въ стѣнахъ комитета, прибѣгли къ политическимъ доносамъ и пытались заподозрить политическую благонадежность вожаковъ либеральной партіи Унковскаго, Европеуса и Головачова. Въ доносахъ крѣпостники указывали на крамольные, революціонные замыслы либераловъ, причемъ ссылались на то, что въ Твери проживали въ это время незадолго передъ тѣмъ возвращенные изъ Сибири декабристы, въ томъ числѣ М. Н. Муравьевъ-Апостолъ, и петрашевцы—въ томъ числѣ тверской помѣщикъ Европеусъ и другъ его, знаменитый писатель Ф. М. Достоевскій **)

Въ нѣкоторыхъ комитетахъ, когда борьба съ либералами обострялась и крѣпостники теряли почву подъ ногами, они пытались „апеллировать“ къ своимъ довѣрителямъ—уѣзднымъ захолустнымъ помѣщикамъ. Такъ глава крѣпостнической

*) *В. И. Снѣжневскій* „Крѣп. крестьяне и помѣщики“ въ „Дѣйствіяхъ нижегород. учен. архив. комиссіи“, сборн. статей, III, стр. 76 и слѣд.

**) Джаншіевъ „А. М. Унковскій“, стр. 89.

партіи въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ вызвалъ въ Самару „для интимидаціи комитета", какъ шутливо выразился Ю. Ф. Самаринъ, двадцать дворянъ Бугурусланскаго уѣзда. Въ сущности дѣло было настолько не шуточное, что Самарину приходилось ходить по городу съ тѣлохранителями и носить при себѣ револьверъ на случай нападенія*). Въ Тулѣ крѣпостническая партія прибѣгла въ первые три мѣсяца комитетскихъ занятій къ систематической обструкціи, побѣдить которую оказалось чрезвычайно трудно**). Затѣмъ въ Рязани и Тулѣ разыгрался очень характерный инцидентъ, возникшій на почвѣ журнальной полемики.

Инцидентъ этотъ въ краткихъ словахъ заключался въ слѣдующемъ. Кн. Черкасскій, въ статьѣ о сельскомъ управленіи, надѣлавшей тогда много шуму, и отъ нѣкоторыхъ утвержденій которой онъ самъ счелъ за лучшее вскорѣ торжественно отказаться, упомянулъ, между прочимъ, о необходимости сохранить розги на время переходнаго состоянія. Это заявленіе вызвало, конечно, много нападокъ на князя и на Кошелева, какъ на редактора журнала, въ либеральной печати всѣхъ оттѣнковъ. Аксаковъ счелъ нужнымъ за нихъ вступиться и въ замѣткѣ, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что и Черкасскій, и Кошелевъ оба состоятъ членами въ крестьянскихъ комитетахъ, „оба на дѣлѣ—не на словахъ только—доказываютъ свою преданность великому дѣлу освобожденія, оба—въ ежедневной борьбѣ съ защитниками стараго порядка"... „Многое,—пояснялъ онъ,—что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ *высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти!*" ***).

Послѣдняя фраза очень задѣла членовъ рязанскаго и

*) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" т. I, ч. I, стр. 213.
**) Тамъ же, стр. 259 и слѣд.
***) Тамъ же, стр. 190.

тульскаго комитетовъ, въ средѣ которыхъ засѣдали Кошелевъ и Черкасскій. Кошелеву было предложено его сочленами по комитету подписать особое заявленіе, въ которомъ онъ отказывался бы отъ солидарности съ Аксаковымъ и, когда онъ не захотѣлъ это исполнить, то рязанскій комитетъ постановилъ просить его выбыть изъ комитета. Кошелевъ подалъ въ отставку, но министръ уговорилъ его остаться. Членамъ комитета объявленъ былъ высочайшій выговоръ, а членъ отъ правительства Масловъ, участвовавшій въ походѣ противъ Кошелева, былъ уволенъ и замѣненъ другимъ лицомъ (Д. Ѳ. Самаринымъ). Члены большинства рязанскаго комитета послѣ того до конца засѣданій не раскланивались съ Кошелевымъ. Черкасскаго въ Тулѣ по этому дѣлу хотѣли судить въ дворянскомъ собраніи, и, лишь благодаря расколу, происшедшему здѣсь среди дворянъ, дѣло это кончилось ничѣмъ*).

Въ Калугѣ разыгрался въ это же время другой инцидентъ также, главнымъ образомъ, въ сферѣ литературной: между калужанами двухъ разныхъ лагерей возникла страстная полемика по поводу замѣтки, помѣщенной въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о пожертвованіяхъ, собранныхъ на устройство женской гимназіи, изъ-за того, что въ замѣткѣ этой содержался намекъ на равнодушіе дворянъ къ дѣлу народнаго образованія и, наоборотъ, оттѣнено было ревностное отношеніе къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ мѣстнаго купечества. Война изъ-за этой замѣтки, перешедшая на страницы столичныхъ газетъ и журналовъ и вызвавшая цѣлый рядъ писемъ, протестовъ и коллективныхъ заявленій, съ десятками подписей, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ **). Закрытіе Калужскаго комитета тоже не обошлось безъ рѣзкаго и очень

*) Записки А. *И. Кошелева* стр. 97—103. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" I. ч. I. 130—143, 186—197 и 221 и слѣд.

**) Сборникъ въ память В. А. Арцимовича „Воспоминанія—характеристики". Спб. 1904 г. „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи" стр. 157 и слѣд.

характернаго инцидента, причемъ губернскій предводитель дворянства позволилъ себѣ въ высшей степени безтактную и неприличную выходку противъ одного изъ представителей либеральной партіи въ Калужскомъ комитетѣ, декабриста П. Н. Свистунова *).

Въ концѣ концовъ во многихъ губернскихъ комитетахъ такъ и не состоялось единогласнаго рѣшенія даже по основнымъ вопросамъ реформы и отъ большинства членовъ въ нихъ отдѣлились меньшинства, которыя представили свои собственные проекты.

Правительство, какъ извѣстно, опиралось впослѣдствіи на эти проекты комитетскихъ меньшинствъ гораздо болѣе, нежели на проекты большинствъ. Отсюда образовалось мнѣніе,— неточность котораго я старался разъяснить въ спеціальной работѣ о губернскихъ комитетахъ,—что будто бы именно въ этихъ проектахъ меньшинства разныхъ комитетовъ выражены были тѣ великодушныя и либеральныя стремленія прогрессивной части нашего дворянства, которыя, дали правительству необходимую точку опоры и позволили ему съ внѣшнимъ правдоподобіемъ утверждать, что крестьянская реформа совершилась согласно съ намѣреніями самого дворянства. Въ упомянутой работѣ своей я прежде всего долженъ былъ отмѣтить, что проекты меньшинствъ были чрезвычайно разнообразны и что хотя почти каждое меньшинство въ своемъ комитетѣ составляло своего рода парламентскую лѣвую—за исключеніемъ тверского комитета, гдѣ лѣвая оказалась въ большинствѣ, - однако же эти лѣвыя между собой по направленію были далеко не однородны. Нѣкоторыя изъ нихъ, по сравненію не только съ меньшинствами, но даже съ большинствами другихъ комитетовъ, оказались отнюдь не либеральными. При этомъ, сравнивая проекты различныхъ губерній, необходимо не упускать изъ виду мѣстныхъ условій и обстоятельствъ: многое, что казалось верхомъ либерализма

*) Тамъ же, стр. 241—243.

въ однихъ комитетахъ, принималось въ другихъ безъ разговоровъ, какъ вещь общепризнанная, да и признаки справедливаго и добросовѣстнаго отношенія къ интересамъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ были различныя. Въ губерніяхъ черноземныхъ партія крѣпостниковъ или, какъ ихъ называли въ то время, плантаторовъ мечтала о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и всячески старалась урѣзать надѣлы даже на время срочно-обязаннаго періода. Притомъ, въ большей части этихъ губерній, а въ нѣкоторыхъ и нечерноземныхъ, гдѣ распространена была барщина, помѣщики стремились къ удержанію сильной вотчинной власти надъ крестьянами. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ-промышленныхъ главными вопросами, разжигавшими помѣщичьи аппетиты, являлись—полученіе выкупа за отмѣну личнаго крѣпостнаго права, высокая оцѣнка усадебъ и повышеніе повинностей за отводимый надѣлъ.

Разсматривая проекты членовъ меньшинства различныхъ комитетовъ съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ этимъ кореннымъ вопросамъ реформы, я долженъ былъ признать, изъ числа 21 проекта, представленныхъ этими меньшинствами, лишь 3 или 4 дѣйствительно либеральными и 6 или 7 составленными съ желаніемъ болѣе или менѣе соблюсти интересы крестьянъ. Въ остальныхъ же 11 проектахъ сословные помѣщичьи интересы проглядываютъ почти столь же ясно, какъ и въ проектахъ большинства *).

На примѣрѣ разныхъ губернскихъ комитетовъ я старался въ упомянутой выше статьѣ показать, какое огромное, можно сказать, преобладающее, значеніе имѣли матеріальные интересы помѣщиковъ при образованіи партій и направленій въ различныхъ губернскихъ комитетахъ и какъ отъ воздѣйствія этихъ интересовъ были несвободны даже такіе несомнѣнно идейные дѣятели, какъ Унковскій, Головачовъ, Европеусъ съ одной стороны, Самаринъ и кн. Черкасскій—съ другой.

---

*) „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу“ „Русск. Бог.“ за 1904 г. № 5, стр. 67.

ГЛАВА V.

Интриги крѣпостниковъ.—Система запугиванія.—Проектъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторствъ и уѣздныхъ начальниковъ съ особыми полномочіями.—Спокойствіе крестьянъ.—Образованіе земскаго отдѣла и роль въ немъ Милютина и Соловьева.—Путешествія по Россіи императора Александра II-го.—Вліяніе литературы на реформу и реформы на развитіе литературы.—Журналы въ Петербургѣ и Москвѣ.—Современникъ.—Происхожденіе радикализма въ Россіи.—„Колоколъ" Герцена и его роль въ крестьянскомъ вопросѣ.

Послѣ опубликованія рескриптовъ, 20 ноября и 5 декабря 1857 г., высокопоставленнымъ крѣпостникамъ, окружавшимъ императора Александра, сдѣлалось неудобно открыто противодѣйствовать крестьянской реформѣ, предпринятой согласно ясно выраженной волѣ государя. Въ 1857 г. М. Н. Муравьевъ и В. И. Бутковъ позволяли себѣ во время служебныхъ поѣздокъ по Имперіи увѣрять всюду дворянство, что толки о реформѣ не приведутъ ни къ чему; въ 1858 г. они и имъ подобные нѣсколько измѣнили тактику и сосредоточили всѣ свои усилія на томъ, чтобы испугать государя перспективой народныхъ волненій и даже революціи въ случаѣ поспѣшнаго осуществленія освободительныхъ видовъ правительства. Для этой цѣли они эксплоатировали всякій слухъ о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ или управляющимъ и очень обрадовались донесеніямъ нѣкоторыхъ губернаторовъ о томъ, что крестьяне во многихъ мѣстахъ ждали манифеста о волѣ къ 1 января 1858 года и, не дождавшись его, склонны обви-

нить помѣщиковъ въ его сокрытіи. Чтобы предотвратить возможность безпорядковъ, Ланской сдѣлалъ весьма разумное распоряженіе о напечатаніи рескрипта 20 ноября 1857 г. повсемѣстно въ губернскихъ вѣдомостяхъ и о распространеніи его въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ среди народа. Эта мѣра, видимо, достигла своей цѣли; волненія вездѣ прекратились, и крестьяне съ полнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ стали ждать рѣшенія своей участи. Начальники губерній во время работъ губернскихъ комитетовъ доносили отовсюду, что крестьяне держатъ себя тише и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо *). Тѣмъ не менѣе шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, его помощникъ Тимашевъ и министръ госуд. имущ. Мих. Ник. Муравьевъ продолжали выискивать всякіе способы, чтобы поддержать въ императорѣ тревожное настроеніе **). Я. А. Соловьевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, въ какимъ трудомъ министерству внутреннихъ дѣлъ удавалось въ это время успокоить государя и разбить тѣ нелѣпые слухи и темныя махинаціи, которыми его застращивали вліятельные враги реформы. По поводу какой-нибудь записки анонимнаго автора, нелѣпость которой была въ сущности очевидна, но которая стремилась, однако же, доказать, что въ затѣянномъ преобразованіи „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“, министерству внутреннихъ дѣлъ приходилось писать обстоятельное опроверженіе, такъ какъ записка эта представлена была черезъ шефа жандармовъ, постаравшагося придать ей извѣстное значеніе въ глазахъ государя ***). Опасенія волненій и бунтовъ при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и особенно во время переходнаго срочно-обязаннаго періода были

---

*) Срав. Записки *Я. А. Соловьева* въ „Русск. Стар.“ за 1880 г. № 2.

**) Дѣятельность Муравьева въ этомъ направленіи особенно ярко обрисована въ запискахъ *П. А. Валуева* („Русск. Стар.“ за 1891 г. № 5), а также и у *Я. А. Соловьева*, въ его запискахъ.

***) Записки *Я. А. Соловьева* „Русск. Стар.“ за 1882 г. № 5, стр. 390 и слѣд.

въ это время присущи не только императору Александру, но и Ростовцеву, который глубоко проникся тогда доводами Буткова и другихъ интригановъ о необходимости организаціи на мѣстахъ „крѣпкой власти“, снабженной чрезвычайными полномочіями для предупрежденія и подавленія крестьянскихъ волненій и бунтовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ канцеляріи главнаго комитета выработаны были проекты объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторствъ и о введеніи, взамѣнъ дореформенныхъ исправниковъ, избиравшихся дворянствомъ, уѣздныхъ начальниковъ съ властью мелкихъ военныхъ диктаторовъ *). Впослѣдствіи Ростовцевъ прекрасно понялъ ненужность и вредъ подобныхъ учрежденій, но въ 1858 г. онъ былъ твердо увѣренъ въ ихъ необходимости. Императоръ Александръ также усвоилъ себѣ очень твердо идею временныхъ генералъ-губернаторствъ—тѣмъ болѣе, что такая идея вполнѣ соотвѣтствовала традиціямъ нашей внутренней политики—и настойчиво требовалъ отъ Ланского подробной разработки соотвѣтствующаго проекта. Ланской не зналъ, какъ выйти изъ этого положенія, и воспользовавшись нахожденіемъ въ тотъ моментъ въ Петербургѣ бывшаго тобольскаго губернатора В. А. Арцимовича, поручилъ ему разработать этотъ вопросъ. Вмѣсто проекта учрежденія о временныхъ генералъ-губернаторахъ, Арцимовичъ составилъ записку съ сильной и обстоятельной критикой самой идеи этого учрежденія. Ланской рѣшился представить эту записку отъ своего имени государю. Однако, императоръ не только ея не одобрилъ, но возвратилъ черезъ нѣсколько дней Ланскому съ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ и гнѣвныхъ отмѣтокъ, свидѣтельствовавшихъ о крайней степени раздраженія, вызваннаго въ немъ чтеніемъ этой записки. Онъ не остановился даже

---

*) Подробное изложеніе этихъ проектовъ и разборъ ихъ см. въ статьѣ моей „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ“. (Сборникъ „В. А. Арцимовичъ“ и проч. стр. 154—165 и 250 и слѣд.).

передъ выраженіемъ прямого подозрѣнія, что записка составлена была лицомъ, питавшимъ крамольные замыслы *). Инцидентъ этотъ едва не кончился тогда отставкой Ланского; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысль о временныхъ генералъ-губернаторахъ была совершенно оставлена и, наоборотъ, многія мѣры, предлагавшіяся въ этой запискѣ, получили осуществленіе **)...

Съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ образовано было въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особое учрежденіе —Земскій Отдѣлъ Центральнаго Статистическаго Комитета — для „предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи" ***). Въ Земскомъ Отдѣлѣ сосредоточились всѣ дѣла по руководительству работами губернскихъ комитетовъ и вообще ходомъ и направленіемъ крестьянской реформы, поскольку это направленіе зависѣло отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдательствовать въ Земскомъ Отдѣлѣ долженъ былъ ex officio товарищъ министра, которымъ въ это время все еще былъ Левшинъ, а непремѣннымъ членомъ—завѣдующимъ дѣлами отдѣла—сдѣланъ былъ *Я. А. Соловьевъ*, спеціалистъ по кадастру населенныхъ имѣній, долго служившій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ при гр. Киселевѣ. Соловьевъ, горячій и убѣжденный сторонникъ радикальной реформы крѣпостныхъ отношеній, человѣкъ безусловно преданный крестьянскимъ интересамъ, съ сильной волей и съ большимъ запасомъ свѣдѣній и наблюденій въ сферѣ крестьянскаго быта и крѣпостныхъ отношеній, занялъ, такимъ

---

*) Противъ одного мѣста записки Государь замѣтилъ, что подобныя мысли высказываются „людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ *легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка*". Срав. „В. А. Арцимовичъ, и проч. стр. 160.

**) Тамъ-же, стр. 164.

***) Высочайшее повелѣніе 4 марта 1858 г. См. „Сборникъ постановленій по устр. быта помѣщ. крестьянъ" вып. I, стр. 23.

образомъ, центральное положеніе въ самомъ важномъ подготовительномъ органѣ крестьянской реформы. На ряду съ нимъ вскорѣ выдвинулся въ Земскомъ Отдѣлѣ другой, столь же преданный дѣлу освобожденія дѣятель, но одаренный гораздо большимъ талантомъ и обладавшій болѣе сильными связями въ высшихъ петербургскихъ сферахъ (родной племянникъ гр. П. Д. Киселева), Н. А. Милютинъ, состоявшій членомъ Отдѣла по занимаемой имъ должности директора хозяйственнаго департамента. Николай Алексѣевичъ Милютинъ, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и служа въ томъ же хозяйственномъ департаментѣ, провелъ въ 1846 г. новое городовое положеніе для Петербурга, ставшее потомъ прототипомъ новаго городского устройства. Эта реформа доставила ему нѣкоторую извѣстность. но вмѣстѣ съ тѣмъ и репутацію „краснаго демократа", едва не оборвавшую его служебную карьеру не далѣе какъ въ 1858 г.: Ланскому съ трудомъ удалось отстоять его въ то время, благодаря поддержкѣ вел. кн. Елены Павловны и министра иностранныхъ дѣлъ Горчакова *). Вскорѣ Соловьевъ и Милютинъ совершенно заслонили въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нерѣшительнаго и недальновиднаго Левшина и пріобрѣли преобладающее вліяніе на Ланского. Земскій Отдѣлъ благодаря ихъ энергіи сдѣлался своего рода боевымъ штабомъ, неутомимо отражавшимъ всѣ подпольные козни и навѣты высокопоставленныхъ враговъ реформы при помощи блестящихъ и дѣльныхъ докладовъ, направлявшихся черезъ министра внутреннихъ дѣлъ къ государю и своевременно ознакомлявшихъ его съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Въ тоже время Земскій Отдѣлъ зорко слѣдилъ и за ходомъ дѣлъ въ губернскихъ комитетахъ, руководя, насколько это было возможно, ихъ работами **). Роль Николая Милютина въ крестьянской реформѣ усиливалась еще его близостью

---

*) *Leroy-Beaulieu* „Un homme d'état Russe (Nicolas Milutine)" p. 23 et s.

**) Срав. Записки *Я. А. Соловьева* („Русск. Стар." за 1880 № 2).

къ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, которая давно оцѣнила его выдающіяся дарованія и отъ него заимствовала тѣ фактическія данныя, и дѣловыя соображенія, которыя ей были необходимы для благотворнаго воздѣйствія на самого императора Александра *).

Успокоенію Государя насчетъ истиннаго положенія дѣлъ въ странѣ, на ряду съ точными фактическими данными, постоянно представлявшимися ему министромъ внутреннихъ дѣлъ, много способствовали собственныя поѣздки его по внутреннимъ губерніямъ, предпринятыя имъ лѣтомъ и осенью 1858 г. Эти поѣздки въ ходѣ крестьянскаго дѣла сыграли вдвойнѣ полезную роль. Съ одной стороны самъ императоръ воочію увидѣлъ настроеніе населенія, которое вездѣ встрѣчало его съ искреннимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ **). Съ другой стороны это дало ему поводъ выразить дворянству непосредственно свою непремѣнную волю довести начатое дѣло до конца. Сказанныя императоромъ рѣчи произвели на дворянство несомнѣнно весьма внушительное впечатлѣніе и окончательно парализовали всѣ толки, неблагопріятные для дѣла реформы ***).

Существенное значеніе получило въ дальнѣйшемъ ходѣ реформы то обѣщаніе, которое государь далъ при этомъ тверскимъ, костромскимъ и нижегородскимъ дворянамъ, пригласить по два депутата отъ каждаго губернскаго комитета „*для присутствія*—какъ выразился онъ—*и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ комитетѣ*“ ****). Эти слова государя произвели большое впечатлѣніе. Тверскіе дворяне тотчасъ же оцѣнили ихъ важное политическое значеніе. Они немедленно

---

*) Ср. въ „Галлереѣ русск. общ. дѣятелей“ изд. при Библіотекѣ Самообразованія за 1904 г. статью А. Ф. *Кони* о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ.

**) *Татищевъ*, н. с., I, стр. 339. Записки *Я. А. Соловьева* („Русск. Старина“ за 1882 г. т. 34, стр. 415).

***) *Татищевъ*, I, стр. 335—340. *Иванюковъ*, н. с., стр. 56—58.

****) *Татищевъ*, I, стр. 336. *Иванюковъ*, стр. 57.

ихъ запротоколировали и испросили разрѣшеніе огласить ихъ тотчасъ же во всеобщее свѣдѣніе *).

Между тѣмъ, пока въ губернскихъ комитетахъ шли жестокіе „бои“ между „плантаторами“ и „эмансипаторами“ и совершалась важная созидательная работа,—во всѣхъ слояхъ общества происходила также усиленная работа, сопровождавшаяся нерѣдко такими же столкновеніями и горячими схватками, какъ и въ губернскихъ комитетахъ. Общество проснулось въ это время отъ долгаго сна не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Всѣ встрепенулись: люди, никогда ничего нечитавшіе, стали выписывать и читать журналы и газеты; на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей стали появляться живыя статьи и интересныя разсужденія; сонные и безжизненные губернскіе статистическіе комитеты ожили и стали издавать въ свѣтъ интересныя памятныя книжки; сельско-хозяйственныя общества, гдѣ таковыя существовали, обратились въ настоящіе клубы **).

„Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались—писалъ современный газетный обозрѣватель,—стѣнами комитетовъ: ими было занято не только все безъ исключенія сословіе землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельной собственности изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ, вездѣ слышались одни разсужденія—о крестьянскомъ дѣлѣ“ ***)...

„Неизгладимыми буквами—сказано было въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ за 1858 годъ—запишется этотъ годъ въ страницахъ русской хроники, и потомки наши

---

*) *Джаншіевъ* „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“, стр. 89.

**) Срав. „В. А. Арцимовичъ и проч.“ стр. 196—204 и *Джаншіева* „А. М. Унковскій и проч.“, стр. 43 и слѣд.

***) Изъ передовой статьи газеты „Сѣверная Пчела“, 1-го января 1860 г. („Матеріалы для истор. крѣп. сост.“, II, стр. 336).

будутъ говорить о немъ, какъ о началѣ обновленія, преобразованія и явнаго стремленія впередъ"...

„Мы видѣли—сказано тамъ же—съ какимъ рвеніемъ занялись всѣ осуществленіемъ мысли правительства; мы видѣли, какъ люди добра и науки стремились каждый принести свою часть для общаго блага. Конечно, находились, и въ большомъ количествѣ, приверженцы старины, закоренѣлые рутинеры, но они скоро умолкли не потому, что они сознали всю неосновательность и противоестественность своихъ сужденій, но потому, что имъ совѣстно стало стоять противъ общаго настроенія умовъ, и потому, что они поняли, что время ихъ прошло и совладать съ новыми убѣжденіями невозможно.

„Крестьянскій вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ на первомъ мѣстѣ между всѣми вопросами, занимавшими русское общество въ этомъ году. Будто пробужденныя имъ, закипѣли и другія отрасли нашей дѣятельности. Между ними главную роль играла дѣятельность торговая и промышленная. До тѣхъ поръ тихая, проявляющаяся въ обыкновенныхъ формахъ купеческой покупки и продажи, она вдругъ охватила всю Россію, громадные капиталы пришли въ движеніе сотни проектовъ стали появляться одинъ за другимъ *)...

„Быстро шло также—сказано въ той же статьѣ—наше умственное развитіе; ученая литература обагатилась многими замѣчательными статьями, имѣвшими большею частью интересъ практическій и современный"...

Въ Петербургѣ во главѣ литературы въ это время стоялъ Некрасовскій „Современникъ", фактическимъ руководителемъ котораго сдѣлался тогда Чернышевскій. Наряду съ „Современникомъ" работали менѣе выдержанныя „Отечественныя Записки" подъ редакціей Дудышкина и незадолго передъ

*) Срав. у *Барсукова* (н. с. т. XV и XVI) описаніе разныхъ промышленныхъ плановъ и проектовъ Кокорева, которыми онъ увлекъ тогда и Погодина, и Ростовцева, и мн. другихъ.

тѣмъ преобразованная „Библіотека для Чтенія", редакторомъ которой былъ въ это время А. В. Дружининъ.

Въ Москвѣ ратоборствовалъ и развивался очень быстро „Русскій Вѣстникъ" Каткова и Леонтьева, основанный въ 1856 г. и быстро привлекшій къ себѣ всѣхъ либераловъ, особенно изъ числа помѣщиковъ. Въ 1858 г. отъ него отдѣлился еще новый журналъ „Атеней" съ Чичеринымъ и Евгеніемъ Коршемъ во главѣ. На ряду съ „Русскимъ Вѣстникомъ" издавалась въ Москвѣ славянофилами „Русская Бесѣда", возникшая также въ 1856 г. При ней съ 1858 г. сталъ выходить особый органъ „Сельское благоустройство", посвященный спеціально крестьянскому вопросу.

Всѣ эти журналы проникнуты были просвѣтительными стремленіями и гуманитарными взглядами. И западники, и славянофилы были въ это время одинаково либералами въ крестьянскомъ вопросѣ, и Чернышевскій, торопившійся возстановить забытые принципы сороковыхъ годовъ и воскресить недавно запретные завѣты Бѣлинскаго, стремился еще въ то время поддержать дружественную связь съ наиболѣе живыми и либеральными представителями славянофильской группы.

Само правительство, сознававшее необходимость пробужденія общества, сочувствовало въ первые годы послѣ крымской кампаніи оживленію литературы и даже помогало этому движенію—какъ мы уже отмѣчали—насколько могло и умѣло.

Но въ томъ-же 1858 году, бывшемъ кульминаціоннымъ пунктомъ правительственнаго либерализма, обнаружились и первые симптомы розни между правительствомъ Александра II и передовыми дѣятелями литературы и общества. Выше мы упоминали о Кавелинской исторіи и о циркулярѣ 22 апрѣля 1858 г., запретившемъ разсуждать о выкупѣ и объ уничтоженіи вотчинной власти.

Въ Москвѣ въ 1858 году, послѣ цѣлаго ряда служебныхъ непріятностей, уволенъ былъ либеральный цензоръ Крузе, и московскіе литераторы съ Катковымъ и Коше-

левымъ во главѣ тотчасъ же собрали ему, какъ бы въ пику правительству, денежное обезпеченіе въ суммѣ 50.000 рублей *). Съ Чернышевскаго быстро слетѣли тѣ розовые очки, через которые онъ смотрѣлъ до этого времени на дѣйствія правительства и на настроеніе образованнаго общества. Еще въ апрѣлѣ 1858 г. онъ писалъ, какъ мы видѣли, настоящіе панегирики императору Александру II-му и расточалъ похвалы либеральнымъ помѣщикамъ **), а къ концу 1858 года онъ дѣлается уже безповоротно непримиримымъ радикаломъ и озлобленнымъ врагомъ „лишнихъ людей". Въ это же время дѣятельнымъ сотрудникомъ „Современника" становится юный, но одаренный необыкновеннымъ талантомъ и страстнымъ боевымъ темпераментомъ Н. А. Добролюбовъ, который съ 1859 г. сосредоточиваетъ всѣ свои силы на борьбѣ съ умѣренными либералами и на обличеніи половинчатости и дряблости дворянскаго либерализма.

Обостренію настроенія въ передовыхъ органахъ нашей печати съ конца 1858 г., конечно, не мало содѣйствовали тѣ цензурныя строгости и непослѣдовательныя отступленія съ пути реформъ въ сторону репрессіи, къ которымъ правительство прибѣгало не разъ въ теченіе 1858 и 1859 г.г. Но органическимъ реальнымъ основаніемъ для выдѣленія русскаго радикализма изъ общаго либеральнаго теченія того времени послужилъ несомнѣнно всего больше именно самый ходъ крестьянской реформы. Чернышевскій, считавшій главной задачей государственной дѣятельности упроченіе народнаго благосостоянія, нападалъ съ большой рѣзкостью уже въ 1857 году на сотрудника „Экономическаго Указателя" Струкова, въ статьяхъ котораго была представлена рѣзкая критика общиннаго землевладѣнія и недвусмысленно выражена была симпатія къ типу фермерскаго хозяйства. Сельскохозяй-

*) *Барсуковъ*, н. с., XVI, 405—407.

**) „Современникъ" за 1858 г. № 4, стр. 113 „Отвѣтъ на замѣчанія г. Провинціала".

ственная система, защитниками которой явились Струковъ и редакторъ „Экономич. Указателя“ И.В. Вернадскій, была особенно ненавистна Чернышевскому, потому что она обезпечивала, по его мнѣнію, лучше всего эксплоатацію народныхъ массъ командующими классами. Вскорѣ въ своекорыстныхъ поползновеніяхъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, а также и въ первоначальномъ отказѣ правительства отъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ Чернышевскій увидѣлъ проявленіе того же стремленія обезземелить народъ, чтобы тѣмъ удобнѣе его эксплоатировать. Въ концѣ 1858 г., когда Чернышевскій узналъ,— быть можетъ, даже въ преувеличенныхъ краскахъ,— какія цифры назначили нѣкоторые комитеты за крестьянскія усадьбы, какъ многіе изъ нихъ стремились отобрать или, по крайней мѣрѣ, урѣзать крестьянскіе полевые надѣлы и какіе опредѣляли оброки, онъ съ отчаяніемъ и озлобленіемъ выразилъ въ слѣдующихъ аллегорическихъ строкахъ свое впечатлѣніе: представьте себѣ,—писалъ онъ—мои чувства, когда я, заботясь о приготовленіи хорошаго обѣда для васъ, вдругъ узналъ бы, что „провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ странныхъ открытіяхъ?—Человѣкъ самолюбивъ, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому: „какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о *сохраненіи* собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность *достанется* въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ „Вторая моя мысль—о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго я такъ интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку, лучше пропадай все дѣло,

приносящее вамъ только разореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства" *)!

Въ первой книжкѣ „Современника" за 1859 г. въ статьѣ „*Труденъ ли выкупъ земли*"? Чернышевскій, узнавъ о намѣреніи правительства отложить вопросъ о выкупѣ надѣловъ на будущее время, писалъ: „по нашему уже лучше и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше уже прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ". Далѣе, какъ будто нарочно дразня помѣщиковъ и уже бросивъ принципы Кавелинскаго проекта, который требовалъ уплаты выкупа не только за землю, но и за личность крестьянъ, Чернышевскій выводитъ, опираясь на цифры Соловьевской статистики для смоленской губерніи и на цифры Журавскаго для кіевской, такія нормы выкупа, которыя были бы для помѣщиковъ явно разорительны **).

---

*) „Современникъ" за 1858 г. № 12, стр. 579.

**) „Современникъ" за 1859 г. № 1, стр. 3—48. Въ статьѣ этой Чернышевскій, опираясь на цифры статистики Соловьева (для Смоленской губерніи) и Журавскаго (для Кіевской), доказываетъ сперва, что было бы въ сущности вполнѣ справедливо въ нечерноземныхъ губерніяхъ уплатить помѣщикамъ за полный душевой надѣлъ по 29 руб. серебр., а въ черноземныхъ—по 49 руб.; но затѣмъ онъ предлагаетъ иной, болѣе выгодный для помѣщиковъ способъ оцѣнки надѣловъ для опредѣленія нормальной выкупной суммы. Онъ беретъ средній доходъ съ крѣпостной души, опредѣляя его довольно произвольно въ 12 рублей для всей Россіи, капитализируетъ его изъ $7^1/_2\%$ и выводитъ среднюю стоимость имѣній по расчету въ 150 руб. на душу. „Изъ этого имущества—пишетъ онъ—даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все-таки за помѣщиками останется и большая по пространству и лучшая по качеству (?) часть крѣпостного имущества". Поэтому Чернышевскій выводитъ максимальную цифру для выкупа—75 руб. на душу (т. е. въ два раза меньше той, какая въ концѣ-концовъ опредѣлена была по положенію 19 февраля 1861 г. за урѣзанные надѣлы.)

Чернышевскій не изучалъ близко и непосредственно условій русской сельско-хозяйственной жизни. По своимъ соціально-экономическимъ взглядамъ онъ былъ фурьеристъ, и это сообщало его аргументаціи нѣсколько отвлеченный характеръ, а положительные его проекты дѣлало часто непрактичными при всей ихъ простотѣ и прямолинейности. За то весь строй его мыслей отличался необыкновенной послѣдовательностью, а потому критика его, особенно въ глазахъ читателей, не стоявшихъ близко къ реальнымъ сельско-хозяйственнымъ отношеніямъ, представлялась неизмѣнно побѣдоносной и неопровержимой. Но по той же причинѣ на ходъ работъ въ губернскихъ комитетахъ непосредственнаго вліянія „Современникъ“ имѣть не могъ. Въ помѣщичьей и правительственной средѣ онъ имѣлъ неизмѣримо меньше вліянія, нежели болѣе умѣренные журналы „Русскій Вѣстникъ“ и въ особенности „Русская Бесѣда“ съ „Сельскимъ Благоустройствомъ“, или спеціальный „Журналъ для землевладѣльцевъ“, издававшійся въ 1859 г. помѣщикомъ А. Д. Желтухинымъ, который, стоя за освобожденіе крестьянъ, отстаивалъ при этомъ, главнымъ образомъ, реальные помѣщичьи интересы.

Послѣдніе два журнала издавались какъ бы съ прямой цѣлью вліять на членовъ губернскихъ комитетовъ и другихъ помѣщиковъ; „Современникъ“ же вліялъ главнымъ образомъ на образованіе мнѣній въ широкой публикѣ. Замѣчательно при этомъ, что цензурныя условія дѣйствовали тогда на издателей „Сельскаго Благоустройства“ и „Журнала для землевладѣльцевъ“, при всей относительной умѣренности этихъ журналовъ, болѣе гнетущимъ образомъ, нежели на „Современникъ“ и другіе общіе журналы. Объяснялось это отчасти тѣмъ, что, имѣя спеціальныя задачи, и опредѣленный кругъ читателей, эти журналы не могли удовлетвориться аллегоріями и разсчитывать на то, что ихъ читатели умѣютъ читать между строкъ. „Современникъ“ же, обрушиваясь безпощадно на помѣщиковъ и ихъ интересы, въ то же время умѣло обходилъ разныя цензурныя препят-

ствія. Къ тому же, какъ общій литературный органъ, онъ могъ проводить и, дѣйствительно, проводилъ свои взгляды въ самыхъ разнообразныхъ статьяхъ и даже въ беллетристической формѣ.

Въ 1859 г. литературная физіономія „Современника", какъ представителя русскаго демократическаго радикализма, выяснилась окончательно, и съ этого времени онъ не только не ищетъ уже союза съ славянофилами, но начинаетъ рѣзко осуждать и либераловъ дворянскаго пошиба, противъ которыхъ направлены самыя яркія изъ статей Добролюбова, какъ напр., „Талантливыя натуры", „Обломовщина", „Когда же прійдетъ настоящій день?" и др. Негодованіе на помѣщиковъ, совмѣщавшихъ либеральныя политическія стремленія съ поползновеніемъ такъ или иначе обездолить крестьянъ, увлекало въ это время Чернышевскаго такъ сильно, что въ статьяхъ своихъ о Кавеньякѣ и о политическихъ партіяхъ во Франціи онъ проявлялъ даже явно презрительное и враждебное отношеніе къ либеральнымъ мечтамъ о парламентаризмѣ и о свободномъ государственномъ устройствѣ страны.

Главнымъ представителемъ либеральныхъ принциповъ, выдвигавшимъ на первый планъ вопросы о гражданскомъ и политическомъ освобожденіи страны, сдѣлался въ это время „Русскій Вѣстникъ" Каткова и Леонтьева. Около него объединялись помѣщики-либералы, главнымъ образомъ, промышленныхъ не черноземныхъ губерній: Унковскій, Головачовъ, Влад. Безобразовъ, Салтыковъ, Дм. Хрущовъ и др.

Эмансипаторы черноземныхъ и степныхъ губерній болѣе тяготѣли къ „Русской Бесѣдѣ" и издававшемуся при ней „Сельскому Благоустройству", главными сотрудниками которыхъ были Ю. Ф. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, А. И. Кошелевъ, И. С. Аксаковъ и др.

Органомъ лицъ, хотя и признававшихъ необходимость и неизбѣжность ликвидаціи крѣпостного строя, но склонныхъ отстаивать приэтомъ, главнымъ образомъ, помѣщичьи инте-

ресы, служилъ „Журналъ для Землевладѣльцевъ", издававшійся пензенскимъ помѣщикомъ Желтухинымъ.

Роль печати въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса у насъ вообще склонны преувеличивать. Поднятіе этого вопроса и дозволеніе гласнаго его обсужденія послужило, какъ мы сказали, могущественнымъ стимуломъ для развитія періодической литературы и вообще общественной мысли въ Россіи, а это, въ свою очередь, дало толчекъ общественному движенію шестидесятыхъ годовъ. Но самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи *крестьянскаго вопроса* журналистика пятидесятыхъ годовъ имѣть не могла. Для такой роли она явилась слишкомъ поздно. Конечно, открывавшіеся и обновлявшіеся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ журналы дали новую широкую арену, рядомъ съ той, которую представляли губернскіе комитеты. Но наиболѣе вліятельными дѣятелями на этой аренѣ явились,—какъ мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ,—главнымъ образомъ, тѣ же самые люди, которые выступали въ губернскихъ комитетахъ*). Это были все тѣ же Самарины, Кошелевы, Черкасскіе, Унковскіе, Головачевы, которые дали ходъ извѣстнымъ идеямъ и планамъ въ дворянской средѣ сперва въ видѣ рукописныхъ записокъ, затѣмъ въ видѣ рѣчей и письменныхъ мнѣній и заявленій въ губернскихъ комитетахъ. Въ журналахъ они могли, правда, выступать, не стѣсняясь правительственною программою и здѣсь кругъ ихъ вліянія былъ значительно шире. Своими статьями въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" и „Русскомъ Вѣстникѣ" они дѣйствовали не только на свой губернскій комитетъ, но и на всѣ остальные. Однако мысли, которыя они здѣсь проповѣдывали, были тѣ же самыя мысли, которыя уже пущены были ими же въ оборотъ сперва въ рукописныхъ запискахъ, а потомъ въ губернскихъ комитетахъ. Расширеніе арены и свободный обмѣнъ мнѣній имѣли, разумѣется, въ

*) Сборникъ „Крестьянскій строй", „Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.", стр. 337.

смыслѣ пропаганды идей первоклассное значеніе и могли бы вліять и на ходъ реформы гораздо больше, если бы они явились нѣсколько ранѣе и если бы имъ не препятствовала и въ 1858 г. цензура. Собственно на губернскіе комитеты всѣ эти журнальныя статьи не могли оказать большого вліянія уже потому, что многіе губернскіе комитеты заканчивали свои работы въ то время, когда журналамъ опять позволили свободно заговорить о выкупѣ и о полномъ освобожденіи крестьянъ.

Гораздо сильнѣе, нежели эти подцензурныя изданія, могъ дѣйствовать и, дѣйствительно, дѣйствовалъ въ это время безцензурный заграничный „Колоколъ" Герцена. Онъ сталъ издаваться въ Лондонѣ въ іюлѣ 1857 г. и выходилъ сперва ежемѣсячно, а затѣмъ—съ 1 января 1858 г. разъ въ двѣ недѣли. Будучи вполнѣ свободенъ отъ всякихъ цензурныхъ стѣсненій, „Колоколъ" не былъ еще тогда органомъ революціоннымъ и отнюдь не стремился быть представителемъ крайнихъ направленій; по существу онъ былъ гораздо умѣреннѣе „Современника". Въ 1858—1859 г. г. „Колоколъ" былъ безцензурнымъ органомъ не радикальнаго, а либеральнаго движенія въ Россіи. Его программа, опубликованная въ № 1, заключалась въ трехъ пунктахъ: освобожденіе слова—отъ цензуры; освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ; освобожденіе податныхъ состояній—отъ побоевъ. Въ то время Герценъ не требовалъ даже ограниченія самодержавія. Центральнымъ пунктомъ этой программы былъ крестьянскій вопросъ. Герценъ впослѣдствіи самъ говорилъ, что „увидѣвши на знамени новаго движенія въ Россіи... освобожденіе крестьянъ съ землей, онъ бросилъ *все* и *прилѣпился* къ этому жизненному для Россіи вопросу..." Разрѣшенія этого вопроса Герценъ ожидалъ отъ правительства мирнымъ путемъ. „Имѣя власть въ рукахъ и опираясь съ одной стороны на народъ, съ другой на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство—писалъ онъ—могло бы сдѣлать чудеса безъ малѣйшей опасности для себя.

Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ". Мы привели выше горячія слова похвалы и восторга, которыми онъ привѣтствовалъ починъ Александра II, сдѣланный 20 ноября 1857 г. „Что касается до насъ—писалъ онъ тогда—нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ, и какъ бы нашъ Колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ (—а первый разъ это сказалъ въ своей статьѣ Огаревъ—), что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но такъ же сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ".

Императоръ Александръ несомнѣнно читалъ „Колоколъ" и иногда на основаніи его разоблаченій приказывалъ производить разслѣдованія злоупотребленій*). Хотя и запрещенный, „Колоколъ" проникалъ въ Россію относительно довольно свободно и въ публикѣ читался на расхватъ. Чиновники и сановники, по свидѣтельству Чичерина, гораздо больше боялись его разоблаченій, нежели короннаго суда**). „Колоколъ" — *власть*" — сказалъ Герцену Катковъ въ Лондонѣ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу***). И дѣйствительно Ростовцевъ настолько чутко относился къ тому, что пишутъ въ „Колоколѣ", что находилъ нужнымъ самымъ подробнымъ образомъ, по пунктамъ оправдываться въ особомъ письмѣ къ другу своей молодости декабристу Евг. Петр.

*) Факты приведены у г. *Батуринскаго*, въ книгѣ „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые".

**) Срав. *Барсуковъ*, н. с., XV, стр. 256.

***) *Герценъ* „Апогей и перигей".

Оболенскому отъ всѣхъ обвиненій, крупныхъ и мелкихъ, взведенныхъ на него „Колоколомъ“ *). По крестьянскому вопросу Герценъ отстаивалъ ту же программу, которую предложилъ А. М. Унковскій въ своей запискѣ. Онъ желалъ немедленной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи обязательнаго выкупа съ тѣмъ, чтобы крестьянамъ были сохранены полностью ихъ надѣлы и чтобы вотчинная власть помѣщиковъ была уничтожена, а крестьяне получили всѣ права прочихъ свободныхъ состояній. Преимущество „Колокола“ Герцена передъ другими журналами заключалось въ томъ, что онъ могъ излагать эту программу безъ всякихъ стѣсненій въ то самое время, когда всѣ журналы, издававшіеся въ Россіи, лишились возможности писать о выкупѣ и объ отмѣнѣ вотчинной власти.

Впослѣдствіи, когда Чернышевскій и Добролюбовъ стали систематически высмѣивать либераловъ и обличать дряблость и половинчатость дворянскихъ либеральныхъ стремленій, Герценъ не только не поддержалъ ихъ въ этомъ, но рѣзко напалъ на нихъ за эти слишкомъ жестокія и, по его мнѣнію, несвоевременныя и неумѣстныя выходки **).

---

*) „Русскій Архивъ“ за 1873 г. № 1.

**) Въ статьяхъ „Very dangerous“ и „Лишніе люди и желчевики“. Статьи эти цитированы у *Батуринскаго* въ назв. сочиненіи.

ГЛАВА VI.

Особая комиссія при Главномъ Комитетѣ.—Учрежденіе редакціонныхъ комиссій.—Измѣненіе правительственной программы.—Раздѣленіе комиссій на отдѣленія.—Финансовая комиссія.—Планъ работъ, установленный Ростовцевымъ. — Первый періодъ работъ.—Спорные вопросы.—Вопросъ о выкупѣ.—Нормы надѣловъ.—Повинности крестьянъ.—Система градаціи.—Административное устройство крестьянъ.—Возраженія Самарина и Желтухина.—Вызовъ и пріѣздъ депутатовъ перваго приглашенія.—Ихъ оппозиція и критика трудовъ редакціонныхъ комиссій.—Записка Безобразова.—Мѣры правительства.—Протесты дворянскихъ собраній.—Смерть Ростовцева.—Депутаты второго приглашенія.—Гр. Панинъ.—Закрытіе комиссій.—Ходъ дѣла въ Главномъ Комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.—Положеніе 19 февраля 1861 года.—Общая его характеристика.

Для разсмотрѣнія выработанныхъ въ губернскихъ комитетахъ проектовъ положенія въ составѣ главнаго комитета въ іюлѣ 1858 г. была образована коммисія изъ 4 его членовъ: кн. П. П. Гагарина, С. С. Ланского, гр. В. Н. Панина и Я. И. Ростовцева. Члены этой комиссіи не объединялись ничьимъ руководствомъ, по взглядамъ же своимъ на вопросъ они совершенно между собой расходились. Къ тому же Ланской и гр. Панинъ, будучи министрами, не могли удѣлять много времени на непосредственное изученіе проектовъ губернскихъ комитетовъ. Поэтому рѣшено было для подробнаго изученія этихъ проектовъ и сводки ихъ образовать въ вѣдѣніи Главнаго Комитета двѣ особыя редакціонныя комиссіи изъ второстепенныхъ, но хорошо подготовленныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и экспертовъ изъ числа опытныхъ помѣщиковъ подъ предсѣдательствомъ и

начальствомъ генерала Ростовцева. Одна изъ этихъ комиссій должна была составить проектъ общаго положенія для всѣхъ губерній, а другая—редактировать мѣстныя положенія для отдѣльныхъ губерній и областей; но предсѣдателю комиссій предоставлено было организовать ихъ составъ и работы по личному его усмотрѣнію. Постановленіе объ образованіи редакціонныхъ комиссій было утверждено государемъ 17 февраля 1859 г.; открытіе ихъ послѣдовало 4 марта *).

Одновременно съ образованіемъ редакціонныхъ комиссій въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ произошла важная для хода крестьянскаго дѣла перемѣна: недальновидный и нерѣшительный товарищъ министра А. И. Левшинъ былъ замѣненъ талантливымъ и горячимъ приверженцемъ реформы Н. А. Милютинымъ. Врагами реформы Милютинъ—какъ мы уже говорили—былъ заблаговременно ославленъ какъ красный демократъ и даже чуть не революціонеръ. Назначеніе его было поэтому лично непріятно императору Александру и состоялось лишь благодаря тому обстоятельству, что трудно было найти въ тогдашнихъ бюрократическихъ сферахъ другое лицо, достаточно подготовленное къ той трудной и важной задачѣ, какая выпала на долю Милютина **).

Въ составъ редакціонныхъ комиссій назначены были отъ разныхъ вѣдомствъ слѣдующія лица: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ, непремѣнный членъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ и А. К. Гирсъ; отъ мин. юстиціи: оберъ-прокуроры сената М. Н. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ мин. гос. имущ.: В. И. Булыгинъ и Н. Н. Павловъ; отъ 2-го отд. собств. его вел. канцеляріи: Н. В. Калачовъ и А. Н. Поповъ; отъ комитета по устройству крестьянъ разныхъ вѣдомствъ: И. П. Арапетовъ и отъ канц. главн. ко-

---

*) *А. Скребицкій*, I, введеніе, стр. LI и слѣд.

**) Ср. *A. Leroy-Beaulieu*, „Un homme d'etat russe" (Nicolas Milutine).

митета: статсъ-секретарь госуд. совѣта С. М. Жуковскій. Въ члены-эксперты были приглашены: губернскіе предводители: орловскій—В. В. Апраксинъ, петербургскій—гр. П. П. Шуваловъ и кіевскій—О. К. Ярошинскій; члены губернскихъ комитетовъ: тульскаго—кн. В. А. Черкасскій, симбирскаго—А. Н. Татариновъ, самарскаго — Ю. Ф. Самаринъ, черниговскаго—В. В. Тарновскій и Г. П. Галаганъ, полтавскаго --М. П. Позенъ, виленскаго—К. И. Гечевичъ, минскаго—Б. Ф. Залѣсскій и новгородскаго Н. И. Желѣзновъ; наконецъ, помѣщики разныхъ губерній: П. А. Булгаковъ (генералъ-провіантмейстеръ военнаго министерства), А. А. Грабянка, кн. Б. Д. Голицынъ (не присутствовалъ), кн. С. П. Голицынъ, А. Д. Желтухинъ (редакторъ „Журнала для землевладѣльцевъ“), кн. Ѳ. И. Паскевичъ-Варшавскій, П. П. Семеновъ и Н. П. Шишковъ (лично не присутствовавшій, но присылавшій иногда письменные отзывы).

Замѣчательно, что въ число экспертовъ не были приглашены наиболѣе вліятельные защитники выкупной системы: А. М. Унковскій, А. А. Головачевъ и А. И. Кошелевъ.

Въ первыхъ же двухъ засѣданіяхъ комиссій Ростовцевъ подробно ознакомилъ членовъ со своимъ собственнымъ планомъ реформы, въ основу котораго имъ были положены взгляды, высказанные въ его письмахъ и запискахъ, отчасти уже получившіе одобреніе Главнаго Комитета.

Ростовцевъ относился къ крестьянской реформѣ съ энтузіазмомъ и живо чувствовалъ огромную государственную важность предпринятаго преобразованія; но основнымъ, руководящимъ принципомъ его политики были, повидимому, не высшія отвлеченныя идеи справедливости, свободы или общественнаго блага, а просто, спокойствіе и безопасность государства. Онъ исходилъ въ сущности изъ тѣхъ же основныхъ началъ, на которыя опирались и самые закоренѣлые охранители существовавшаго общественнаго и административнаго строя. И въ этомъ, быть можетъ, и заключался—на ряду съ давнимъ довѣріемъ къ нему императора Александра—секретъ необык-

новеннаго успѣха всѣхъ мыслей и плановъ его по крестьянскому дѣлу въ высшей правительственной средѣ.

Въ началѣ, когда Ростовцеву казался необходимымъ и полезнымъ постепенный ходъ преобразованія, онъ проектировалъ, какъ мы уже говорили, изъ опасенія волненій во время переходнаго срочно-обязаннаго періода, созданіе особой полицейской диктатуры на мѣстахъ, въ видѣ уѣздныхъ начальниковъ и временныхъ генералъ-губернаторовъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ тогда необходимость сильной вотчинной власти. Впослѣдствіи онъ понялъ, что при раціональномъ рѣшеніи вопроса нѣтъ основаній опасаться народныхъ волненій и что въ предотвращеніе ихъ всего важнѣе достигнуть того, чтобы крестьянинъ сразу же почувствовалъ облегченіе своего положенія. Полагая однако же, что крестьянъ, при отсутствіи крѣпостной власти, не легко будетъ заставить исправно выполнять повинности, Ростовцевъ сталъ проводить свою идею о необходимости крѣпкой власти совсѣмъ въ другомъ видѣ. Онъ требовалъ теперь сосредоточенія этой власти въ крестьянскомъ мірѣ. Эта мысль Ростовцева была одобрена Главнымъ Комитетомъ, который постановилъ (въ журналѣ 4 декабря 1858 г.), что „власть надъ личностью крестьянина, относительно обязанностей его, какъ члена сельскаго общества, сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ", что „міръ отвѣчаетъ круговою порукой за каждаго изъ своихъ членовъ, по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ", и что „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей *).

Противорѣчіе этихъ новыхъ положеній, принятыхъ главнымъ комитетомъ, съ программою, данной губернскимъ комитетамъ, правительство вполнѣ сознавало. Въ томъ же журналѣ 4 декабря при опредѣленіи подробностей устройства

*) *Скребицкій*, т. I, стр. LX.

міра и его органовъ, а также отношеній міра къ помѣщику прямо предлагается обсудить, *можетъ-ли IX глава программы оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить.*

Эти указанія, клонившіяся къ упраздненію вотчинной власти помѣщиковъ, находились въ несомнѣнной связи съ новымъ взглядомъ Ростовцева на неудобства срочно-обязаннаго положенія и преимущества выкупной системы.

Указанія Высочайше утвержденныхъ журналовъ Главнаго Комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г., въ основу которыхъ легли новые взгляды Ростовцева, явились для редакціонныхъ комиссій важнымъ дополненіемъ и коррективомъ къ главнымъ началамъ, изложеннымъ въ рескриптахъ.

Н. П. Семеновъ такъ формулировалъ окончательную программу Ростовцева:

1) Освободить крестьянъ *съ землей.*

2) Конечною развязкой освобожденія считать *выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.*

3) Оказать содѣйствіе *дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) *Избѣгнуть* по возможности регламентаціи *срочно-обязаннаго періода* или *сократить переходное состояніе.*

5) *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) *Дать самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Въ первомъ засѣданіи всѣ наличные члены комиссій выразили этой программѣ свое полное сочувствіе. Впослѣдствіи, однако же, нѣкоторые изъ ея пунктовъ вызвали въ ихъ средѣ значительное разномысліе. При самомъ открытіи комиссій Ростовцевъ, пользуясь предоставленной ему властью, соединилъ обѣ коммисіи въ одну, но за то подраздѣлилъ ее на три отдѣленія, которыя назывались по роду подготовлявшихся каждымъ изъ нихъ докладовъ: *юридическимъ, администра-*

тивнымъ и хозяйственнымъ. Когда вслѣдъ затѣмъ учреждена была особая *финансовая* комиссія, спеціально для разработки вопроса о выкупѣ, то и она присоединена была къ редакціонной комиссіи и какъ бы составила 4-е ея отдѣленіе. Въ финансовую комиссію были назначены: отъ мин. фин.—Гагемейстеръ и Рейтернъ, отъ опекунскаго совѣта—Н. А. Кристофари, отъ мин. вн. дѣлъ—Н. А. Милютинъ, отъ мин. гос. имущ.—Е. И. Ламанскій и въ качествѣ членовъ экспертовъ: проф. Н. Х. Бунге, ст. секр. Госуд. Совѣта А. П. Заблоцкій-Десятовскій, помощникъ его К. И. Домонтовичъ и тайн. сов. М. П. Позенъ.

Въ юрид. отдѣленіи редакціонной комиссіи предсѣдательствовалъ—*Жуковскій*, въ административномъ—*Булгаковъ*, въ хозяйственномъ — *Милютинъ* и въ финансовой—онъ же. Члены редакціонной комиссіи распредѣлились между отдѣленіями по собственному своему желанію; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ работахъ двухъ отдѣленій, а *Я. А. Соловьевъ*—во всѣхъ трехъ. Задача комиссіи заключалась въ томъ, чтобы изучить проекты губернскихъ комитетовъ, составить изъ нихъ сводъ и затѣмъ выработать свой проектъ общаго положенія и мѣстныхъ положеній для разныхъ губерній. Составивъ систематическіе своды изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ по главамъ Позеновской программы, члены редакціонной комиссіи распредѣлили этотъ матеріалъ между отдѣленіями, причемъ на долю юридическаго пришлись главы I, II и III положеній губернскихъ комитетовъ, на долю административнаго—VIII и IX-ая, а на долю хозяйственнаго—IV, V и VI. По VII главѣ (объ устройствѣ дворовыхъ) и X-ой (о способахъ введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній) доклады были составлены совокупно всѣми тремя отдѣленіями. Изъ этихъ главъ комитетскихъ проектовъ отдѣленія редакціонной комиссіи выработали свои особыя программы въ соотвѣтствіи съ измѣненіями, предложенными Ростовцевымъ на основаніи журналовъ Главнаго Комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г. По этимъ новымъ программамъ *администра-*

тивному отдѣленію пришлось составить *семь* докладовъ, обнимавшихъ всѣ вопросы относительно образованія и устройства сельскаго управленія и *одинъ* докладъ объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ; *юридическому* отдѣленію пришлось составить *одиннадцать* докладовъ, опредѣлявшихъ права крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостного состоянія, и права помѣщиковъ, какъ во время срочно-обязаннаго періода, такъ и по его прекращеніи; наконецъ, на долю *хозяйственнаго* отдѣленія выпало *семнадцать* докладовъ, касавшихся размѣра, состава и порядка отвода земельныхъ надѣловъ и усадебъ, а равно оцѣнки и выкупа усадебъ и опредѣленія размѣра и способа отбыванія натуральныхъ и денежныхъ повинностей.

Каждый такой докладъ составлялся обыкновенно однимъ или двумя членами, затѣмъ обсуждался и исправлялся въ отдѣленіи и, наконецъ, отъ имени отдѣленія вносился въ общее собраніе комиссіи, гдѣ опять обсуждался и или исправлялся и утверждался, или возвращался для дополненій и пересоставленія въ отдѣленіе. Въ концѣ концовъ заключенія этихъ докладовъ, принятыя редакціонной комиссіей, были кодифицированы и составили тѣ или иныя главы положеній 19 февраля. Многіе изъ этихъ докладовъ были пересоставляемы по нѣскольку разъ *).

Въ основаніе работъ редакціонной комиссіи, такимъ образомъ положены были проекты губернскихъ комитетовъ и составленные ими своды свѣдѣній о положеніи помѣщичьихъ имѣній. Но при этомъ редакціонная комиссія не признавала себя обязанной считаться съ *волею* дворянства, а принимала составленные комитетами проекты лишь какъ полезный для себя матеріалъ. По нѣкоторымъ вопросамъ она и не могла поступить иначе, потому что данная ей программа, какъ мы видѣли, весьма существенно отличалась отъ про-

---

*) *Семеновъ*, н. соч. I, введеніе. Ср. *Скребицкаго* н. с., т. I, стр. LXVI—LXXX.

граммы, данной губернскимъ комитетамъ. Губернскіе комитеты вырабатывали свои проекты *для срочно-обязанныхъ крестьянъ*, положенія же редакціонной комиссіи, согласно данной ей программѣ, должны были имѣть прежде всего въ виду не „срочно-обязанный", а „*окончательный періодъ*", т. е. полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній при помощи выкупа. Однако же то обстоятельство, что редакціонная комиссія не считалась съ *волею* дворянства, или почти не считалась, повело впослѣдствіи къ рѣзкой оппозиціи со стороны нѣкоторыхъ членовъ-экспертовъ внутри комиссіи, а затѣмъ къ упорной борьбѣ противъ положеній редакціонной комиссіи со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ.

Государь, какъ мы уже упоминали, еще лѣтомъ 1858 г., при посѣщеніи нѣкоторыхъ губерній обѣщалъ дворянству, что по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ депутаты отъ каждаго изъ нихъ будутъ приглашены въ Петербургъ для присутствія при обсужденіи ихъ проектовъ въ Главномъ Комитетѣ. Это обѣщаніе произвело тогда въ дворянскихъ кругахъ большую сенсацію. Но затѣмъ виды правительства во многомъ измѣнились, измѣнился и предположенный ранѣе порядокъ разсмотрѣнія комитетскихъ проектовъ. Вмѣсто Главнаго Комитета эти проекты поступили на разсмотрѣніе редакціонной комиссіи, которая переработала поступившій къ ней матеріалъ по совершенно новой программѣ. Тѣмъ не менѣе намѣреніе государя вызвать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ было осуществлено, но приглашены они были не въ Главный Комитетъ, а въ редакціонную комиссію. При этомъ рѣшено было ихъ разбить на двѣ группы. Это раздѣленіе на группы мотивировалось планомъ работъ редакціонной комиссіи, установленнымъ Ростовцевымъ. Ростовцевъ раздѣлилъ работы комиссіи на періоды. Въ первомъ періодѣ, комиссія должна была, на основаніи изученія проектовъ тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые ранѣе другихъ начали и окончили свои занятія, составить вчернѣ или, какъ выразился Ростовцевъ, „оболванить" свой

собственный проектъ. Затѣмъ вызванные отъ этихъ же комитетовъ депутаты должны были ознакомиться съ этимъ проектомъ и представить на него свои замѣчанія. Тогда, принявъ во вниманіе эти замѣчанія и изучивъ проекты остальныхъ комитетовъ, редакціонная комиссія должна была исправить составленный ею ранѣе проектъ и пригласить для его обсужденія депутатовъ этихъ остальныхъ комитетовъ. Въ этомъ должна была заключаться работа второго періода. Въ третьемъ періодѣ предполагалась новая переработка, какъ говорилъ Ростовцевъ, можетъ быть еще не окончательная. Послѣ окончательной переработки проектъ редакціонной комиссіи долженъ былъ поступить въ Главный Комитетъ. Таковъ былъ планъ Ростовцева, и хотя Ростовцевъ не дожилъ до конца дѣла, однако планъ этотъ въ главныхъ чертахъ былъ осуществленъ, частью при немъ, частью послѣ его смерти.

Въ первомъ періодѣ занятій редакціонной комиссіи самыя рѣзкія пренія вызвалъ вопросъ о выкупѣ надѣловъ; вызывали также нѣкоторое разномысліе вопросы административнаго устройства крестьянъ и размѣры вотчинной власти помѣщиковъ; гораздо меньше споровъ въ средѣ комиссіи возбуждали вопросы надѣленія крестьянъ землей и опредѣленіе рода и размѣра повинностей. За то эти именно вопросы остановили впослѣдствіи на себѣ главное вниманіе депутатовъ губернскихъ комитетовъ.

По вопросу о выкупѣ Ростовцевъ изложилъ свои взгляды въ двухъ упомянутыхъ выше запискахъ, съ главными выводами которыхъ согласился и императоръ Александръ II. Поэтому Ростовцевъ считалъ эти выводы неподлежащими спору. Между тѣмъ они вызывали нападеніе съ двухъ сторонъ. Какъ мы видѣли выше, Ростовцевъ признавалъ лучшей системой освобожденія крестьянъ *добровольный* выкупъ надѣловъ или повинностей при помощи особой кредитной операціи. Одно время онъ склонялся, повидимому, даже къ *обязательному* выкупу; но императоръ былъ противъ этого, и самъ Ро-

стовцевъ призналъ въ концѣ-концовъ наиболѣе цѣлесообразнымъ выкупъ добровольный въ теченіе срочно-обязаннаго періода, съ тѣмъ однако же, чтобы по окончаніи 12-ти лѣтняго срока правительство обсудило вновь, какія принять мѣры къ прекращенію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ къ тому времени еще не будутъ заключены добровольныя выкупныя сдѣлки.

Замѣчательно, что за обязательный выкупъ въ средѣ редакціонной комиссіи упорно высказывался одинъ только членъ, принадлежавшій по всѣмъ другимъ вопросамъ къ числу наиболѣе консервативныхъ. Это былъ оберъ-прокуроръ сената Н. П. Семеновъ, помѣщикъ одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній—Ярославской.

Противъ выкупа рѣшительно возсталъ петербургскій предводитель дворянства гр. Шуваловъ, къ которому присоединился кн. Паскевичъ. Оба они ничего не имѣли противъ надѣленія крестьянъ землей; но они хотѣли отдать надѣлы не въ собственность крестьянъ, а въ вѣчную наслѣдственную аренду, принявъ систему „Bauerland'a". Они отстаивали положеніе, проектированное петербургскимъ комитетомъ, который требовалъ сохраненія за дворянскимъ сословіемъ особыхъ вотчинныхъ сеніоріальныхъ правъ, опасаясь, что иначе дворянство утратитъ свое первенствующее положеніе въ государствѣ.

Противъ выкупа возставалъ также орловскій губернскій предводитель В. В. Апраксинъ; но его точка зрѣнія была иная: онъ вовсе не хотѣлъ надѣленія крестьянъ землей, а, опираясь на Позеновскую программу, требовалъ, чтобы по окончаніи 12 лѣтняго срочно-обязаннаго періода *вся* земля была обращена въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоялъ и за сохраненіе вотчинной власти. Его поддерживалъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ М. П. Позенъ.

Всѣ остальные члены редакціонныхъ комиссій признавали необходимость выкупа въ томъ именно видѣ, какъ проектировалъ его Ростовцевъ.

Позенъ утратилъ въ это время свое вліяніе на Ростовцева и, поссорившись съ нимъ, вышелъ изъ состава редакціонной комиссіи въ концѣ 1859 г. послѣ разоблаченія разныхъ его интригъ и продѣлокъ.

Преобладающее вліяніе на ходъ дѣла въ редакціонной комиссіи получили Милютинъ, Соловьевъ, кн. Черкасскій и Самаринъ. Будучи наиболѣе авторитетными и наиболѣе энергичными работниками въ средѣ редакціонной комиссіи, члены этой группы вскорѣ пріобрѣли здѣсь такое вліяніе на Ростовцева и на ходъ дѣлъ вообще, что со стороны нѣкоторыхъ несочувствовавшихъ имъ членовъ слышались иногда обвиненія въ стремленіи ихъ къ диктатурѣ и самовластію. Ближе другихъ по направленію и по участію въ работахъ къ нимъ примыкали: С. М. Жуковскій, П. П. Семеновъ, Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій, И. П. Арапетовъ и А. К. Гирсъ. Впрочемъ, и эта довольно тѣсная группа была единомышленна далеко не во всѣхъ вопросахъ крестьянской реформы. Главная сфера ея вліянія сосредоточивалась въ хозяйственномъ отдѣленіи по вопросамъ матеріальнаго устройства крестьянъ. Въ вопросахъ административныхъ взгляды Самарина, правовѣрнаго и послѣдовательнаго славянофила, довольно рѣзко отличались не только отъ взглядовъ нечуждыхъ бюрократическихъ тенденцій и привычекъ Милютина и Соловьева, но и отъ взглядовъ кн. Черкасскаго, который проявилъ здѣсь большой оппортунизмъ. Съ другой стороны Соловьевъ оказался гораздо прямолинейнѣе и тверже прочихъ своихъ товарищей въ защитѣ личныхъ правъ крестьянъ и личной независимости ихъ отъ произвола помѣщиковъ. Въ этой сферѣ оппортунистомъ оказался и Ю. Ф. Самаринъ, доказывавшій необходимость сохраненія „домашней расправы“ въ барщинныхъ имѣніяхъ *).

*) Впослѣдствіи Самаринъ совершенно отказался отъ этой точки зрѣнія. Срав. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“ т. I, ч. II, стр. 260.

Въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія крестьянъ редакціонная комиссія весьма существенно отступила отъ предположеній губернскихъ комитетовъ. Поставивъ себѣ цѣлью сохранить по возможности существующее землепользованіе крестьянъ, члены хозяйственнаго отдѣленія тщательно проштудировали данныя губернскихъ комитетовъ по этой части, провѣрили ихъ по даннымъ комитетовъ о земскихъ повинностяхъ и затѣмъ уже вывели свои нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ для каждой мѣстности, съ такимъ расчетомъ, чтобы отрѣзки приходилось дѣлать лишь въ видѣ исключенія въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики при крѣпостномъ правѣ по безпечности, или по великодушію отводили надѣлы, превышавшіе потребности крестьянъ. Низшіе надѣлы были установлены сперва въ ²/₃, а затѣмъ въ ¹/₃ высшихъ, съ тою цѣлью, чтобы предотвратить полное обезземеленіе крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики урѣзали, или совершенно отобрали надѣлы у своихъ крѣпостныхъ еще при крѣпостномъ правѣ. Если общее количество всѣхъ полевыхъ крестьянскихъ угодій не превышало нормы, установленной для высшихъ надѣловъ въ данной мѣстности, то всѣ они, по проекту редакціонной комиссіи, поступали въ надѣлъ крестьянамъ. Если же они превышали эту норму, то излишекъ могъ быть отрѣзанъ по требованію помѣщика или же могъ быть оставленъ у крестьянъ по добровольному съ ними соглашенію за добавочныя повинности. Если у крестьянъ земли было меньше, нежели полагалось по низшей нормѣ, то недостающее количество могло быть имъ нарѣзано изъ числа помѣщичьихъ земель; впрочемъ вмѣсто такой дорѣзки крестьяне могли требовать соотвѣтственнаго пониженія повинностей. Если бы при отводѣ крестьянамъ надѣла по высшей нормѣ у помѣщика оставалось менѣе ¹/₃ всей земли имѣнія, то онъ имѣлъ право удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи до ¹/₃ общей совокупности удобныхъ земель. Въ *степной* полосѣ, въ виду обилія земли, вмѣсто высшихъ и низшихъ надѣловъ установленъ былъ одинъ размѣръ на-

дѣла—указный; но помѣщику предоставлялось уменьшить его въ томъ случаѣ, если бы за отводомъ такого надѣла у него осталось менѣе $\frac{1}{2}$ всей земли въ имѣніи. Для опредѣленія размѣровъ высшихъ и указныхъ надѣловъ всѣ губерніи раздѣлены были комиссіями на *полосы*: нечерноземную, черноземную и степную; причемъ каждая изъ нихъ подраздѣлялась на нѣсколько мѣстностей.

Въ первомъ періодѣ занятій редакціонной комиссіи *нечерноземная* полоса раздѣлена была на 7 мѣстностей съ высшими надѣлами въ $3\frac{1}{4}$, $3\frac{1}{2}$, 4, $4\frac{1}{2}$, 5, 6 и 8 десятинъ на душу; *черноземная* полоса—на 5 мѣстностей. съ надѣлами въ 3, $3\frac{1}{4}$, $3\frac{1}{2}$, 4 и $4\frac{1}{2}$ десятинъ, и, наконецъ, *степная* полоса—на 4 мѣстности, въ надѣлами въ $6\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$ и 12 десятинъ. Кромѣ того особыя нормы выработаны были для малороссійскихъ губерній: Полтавской, Черниговской и части Харьковской, а также для губерній Западнаго края *).

Всѣ эти нормы значительно.—*во многихъ губерніяхъ вдвое и болѣе*, превышали нормы, опредѣленныя губернскими комитетами, и тѣмъ не менѣе онѣ не давали возможности вполнѣ устранить урѣзки существовавшаго ранѣе землепользованія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, даже въ значительной части селеній: по $\frac{1}{4}$, по $\frac{1}{2}$ десятины, а иногда и по десятинѣ на душу. Напротивъ, прирѣзку къ существовавшему землепользованію приходилось бы сдѣлать лишь въ исключительныхъ случаяхъ **).

При опредѣленіи размѣра повинностей редакціонная комиссія приняла за исходную точку также существующій фактъ. Отбросивъ при этомъ крайности, она получила для различныхъ мѣстностей Россійской Имперіи гораздо менѣе разнообразія въ цифрахъ оброка, нежели въ нормахъ надѣла. Въ

*) Въ Малороссійскихъ губерніяхъ при крѣпостномъ правѣ крестьянскія земли не были строго отдѣлены отъ помѣщичьихъ и часто сдавались крестьянамъ въ обработку со снопа, т. е. изъ части урожая. Въ западныхъ губерніяхъ надѣлы опредѣлены были подворно.

**) Ср. *Иванюкова*. „Паденіе крѣпостного права“ стр. 262 (1-ое изд.).

первомъ періодѣ занятій она проектировала раздѣлить въ этомъ отношеніи великорусскія, бѣлорусскія и новороссійскія губерніи на 4 полосы безъ подраздѣленія ихъ на мѣстности. Полосы эти были: нечерноземная оброчная, нечерноземная барщинная, черноземная и степная. Въ первой полосѣ норма оброка за высшій надѣлъ опредѣлена была въ 9 руб. съ души, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ мѣстностей Московской, Петербургской, Ярославской, Владимірской и Нижегородской губерній, гдѣ оброкъ былъ повышенъ до 10 руб.; въ трехъ остальныхъ полосахъ оброкъ назначенъ былъ вездѣ 8 руб. съ души за высшій надѣлъ. При этомъ комиссія приняла для распредѣленія этого оброка по десятинамъ ту систему *градаціи*, которая изобрѣтена была въ Тверскомъ комитетѣ и принята въ Ярославскомъ и нѣкоторыхъ другихъ комитетахъ нечерноземныхъ губерній. Въ первомъ періодѣ занятій часть оброка, упадавшая на 1-ю десятину, опредѣлена была отъ 3 р. 50 к. до 4 руб., вторая же десятина, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ употреблялось искусственное удобреніе, оцѣнена была ниже первой, но выше остальныхъ; тамъ же, гдѣ искусственнаго удобренія не было, всѣ десятины, кромѣ первой, облагались поровну *).

Въ барщинныхъ имѣніяхъ для всей Россіи предполагалась

---

*) Въ докладѣ хоз. отд. № 17, эта градація была указана наглядно въ слѣд. разсчетѣ 9-ти рублеваго душевого оброка (въ нечерноземномъ пространствѣ):

a) при высшемъ надѣлѣ въ 3½ десятины:

4 р.—2 р. 50 к.—1 р. 66½ к.—83½ к.

b) при 4 десятинахъ:

4 р.—2 р. 40 к.—1 р. 30 к.—1 р. 30 к.

c) при 4½ десятинахъ:

4 р.—2 р. 30 к.—2 р. 8 к.—2 р. 8 к.—54 к.

d) при 5 десятинахъ:

4 р.—2 р. 20 к.—93⅓ к.—93⅓ к.—93⅓ к.

e) при 6 десятинахъ:

4 р.—2 р.—75 к.—75 к.—75 к.—75 к.

f) при 8 десятинахъ:

4 р.—1 р. 66 к.—56⅔ к.—56⅔ к.—56⅔ к.—56⅔ к.—56⅔ к.—56⅔ к.

за высшій надѣлъ издѣльная повинность въ размѣрѣ 40 дней мужскихъ и 30 женскихъ въ годъ. При отводѣ неполныхъ надѣловъ издѣльная повинность за нихъ должна была уменьшаться сообразно съ градаціею, принятою въ каждой мѣстности для денежнаго оброка.

Впослѣдствіи первоначально исчисленныя нормы надѣловъ нѣсколько разъ перерабатывались; нормы повинностей также были измѣнены, но система градацій удержалась. Въ сущности эта система, въ связи съ принятою редакціонной комиссіей системою выкупа, при которой выкупная сумма исчислялась не по стоимости земли, а по капитализаціи повинностей, вела къ тому, что помѣщики нечерноземныхъ губерній получали, такимъ образомъ, вознагражденіе не только за землю, но и за потерю цѣнности ихъ имѣній отъ уничтоженія личнаго крѣпостного права. Она сыграла въ концѣ концовъ ту самую роль въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, которую А. И. Левшинъ возлагалъ, при составленіи рескрипта 20 ноября 1857 г., на отдѣльный выкупъ усадебъ. Но нельзя не замѣтить, что, распространивъ эту систему на чисто земледѣльческія черноземныя губерніи, редакціонная комиссія допустила крупную несправедливость въ отношеніи малоземельныхъ крестьянскихъ обществъ. Въ этихъ губерніяхъ никакихъ неземледѣльческихъ заработковъ не существовало, и земля цѣнилась вся болѣе или менѣе одинаково; поэтому малоземельные крестьяне, которымъ приходилось платить относительно дороже, благодаря повышенной оцѣнкѣ первой десятины, поставлены были въ явно невыгодное положеніе по сравненію со своими болѣе обезпеченными землей и потому и безъ того болѣе богатыми сосѣдями. Здѣсь, безъ сомнѣнія, сыграло большую роль то чисто бюрократическое стремленіе къ единообразію, къ подведенію всѣхъ мѣстностей подъ одну систему, за которое редакціонная комиссія получила впослѣдствіи не мало упрековъ со стороны депутатовъ дворянскихъ комитетовъ *).

*) Ср. письмо *А. А. Головачева* къ *Джаншіеву*, напечатанное послѣднимъ въ „Эпохѣ великихъ реформъ“, 7-е изд., стр. 172, примѣчаніе.

Какъ мы видѣли, по программѣ, преподанной редакціонной комиссіи Ростовцевымъ, помѣщичьимъ крестьянамъ по ихъ освобожденіи предположено было дать „самоуправленіе въ ихъ сельскомъ быту". Редакціонной комиссіи поэтому предстояло, во-первыхъ, выработать внутреннюю организацію этого самоуправленія и, во-вторыхъ, опредѣлить отношеніе его къ внѣшнему міру. Эта задача исполнена была административнымъ отдѣленіемъ комиссіи въ восьми докладахъ, положенныхъ впослѣдствіи въ основаніе соотвѣтствующаго отдѣла положенія 19 февраля. Въ первомъ же докладѣ, обсуждая „общія основанія образованія сельскихъ обществъ", административное отдѣленіе признало, что „замѣна прежней полицейской безотчетной власти и безотчетнаго суда помѣщика правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ" составляетъ „одно изъ важнѣйшихъ условій улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и самаго выхода ихъ изъ крѣпостной зависимости". Но на ряду съ этимъ въ докладѣ указывалось, что вопросъ этотъ „имѣетъ первостепенную важность и въ видахъ сохраненія общаго порядка и спокойствія". Докладчикъ находилъ, что эта двойная цѣль административнаго устройства крестьянъ лучше всего будетъ достигнута, *если въ правительственныхъ и административныхъ видахъ* будутъ созданы особыя „*сельскія общества*", какъ учрежденіе, главнымъ образомъ, полицейско-административное, а для удовлетворенія хозяйственныхъ и бытовыхъ нуждъ крестьянъ сохранены будутъ „*поземельныя общины*", основанныя на пользованіи міромъ господской землей *).

Это искусственное раздѣленіе крестьянскаго „міра" на *общество* и *общину* мотивировалось тѣмъ, что въ видахъ удобства управленія, въ составъ сельскаго общества, какъ административной единицы, должны были входить, по мнѣнію ад-

---

*) Матеріалы редакц. комиссіи т. II, кн. 2, гл. I. Ср. мою статью „Объ администр. устройствѣ крестьянъ" въ „Сар. Земск. Недѣлѣ" за 1904 годъ № 1, стр. 57.

министративнаго отдѣленія, во всякомъ случаѣ цѣлыя селенія безъ раздробленія ихъ на части, а *поземельныя общины* приходилось брать такъ, какъ создала ихъ жизнь по имѣніямъ, и соединять ихъ было нельзя, потому что надѣлы и повинности въ разныхъ имѣніяхъ были различны.

Первоначально предполагалось, что обѣ эти единицы будутъ существовать параллельно и *не будутъ подчинены одна другой*, причемъ на административное сельское общество предполагалось возложить всѣ полицейскія и судебно-полицейскія обязанности, а на поземельныя общины исключительно ихъ мірскія хозяйственныя дѣла и внутреннее распредѣленіе повинностей, помѣщичьихъ и казенныхъ, между отдѣльными домохозяевами или дворами, связанными между собой въ отношеніи отбыванія этихъ повинностей круговою порукою.

Члены административнаго отдѣленія, повидимому, понимали нераціональностъ приложенія бюрократическихъ началъ къ организаціи сельскаго административнаго устройства и относились весьма критически къ устройству государственныхъ крестьянъ, отвергая пользу инстанціоннаго устройства крестьянской общинной администраціи. Самъ Ростовцевъ, когда одинъ изъ членовъ заикнулся о пользѣ контроля волостного управленія надъ мірскимъ обществомъ, очень нетерпѣливо отвѣтилъ, что этотъ контроль вреденъ: „нѣтъ—сказалъ онъ—ужъ вы отнимите и эту піявку у народа"!...

Однако же принципъ независимости общинъ отъ сельскихъ обществъ могъ быть выдержанъ лишь при строгомъ разграниченіи компетенціи тѣхъ и другихъ.

Между тѣмъ при первомъ же обсужденіи доклада административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи редакціонной комиссіи раздались голоса о необходимости и для поземельныхъ общинъ имѣть свою полицію и удовлетворять нѣкоторыя административныя нужды. Тутъ же признано было необходимымъ, въ отношеніи *отбыванія* повинностей, подчинить общины надзору сельскихъ обществъ. Единственный органъ и представитель поземельной общины староста сдѣланъ былъ

полицейской властью и въ качествѣ таковой подчиненъ былъ сельскому старшинѣ. Наконецъ, самыя названія *поземельная община* и *сельское общество* признаны были неудобными, и въ концѣ концовъ сельское общество переименовано было въ *волость*, а поземельная община въ *сельское общество*. Въ результатѣ сельское общество (прежняя поземельная община) явилось подраздѣленіемъ волости. Между тѣмъ, сама волость, въ томъ видѣ какъ она была задумана и проектирована въ редакціонной комиссіи, отнюдь не можетъ быть названа самоуправляющейся единицей. Задумана она была (подъ именемъ административнаго сельскаго общества), по словамъ самаго доклада административнаго отдѣленія, *въ видахъ правительственныхъ и административныхъ*. Въ соотвѣтствіе съ этимъ на волостное правленіе и на волостного старшину возложена была масса полицейскихъ обязанностей, ничего общаго съ нуждами самихъ крестьянъ не имѣвшихъ. Независимо отъ этого было установлено, что „волостной старшина обязанъ исполнять *безпрекословно* всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, земской полиціи и *всѣхъ* установленныхъ властей, по предметамъ ихъ вѣдомства". Волостному же старшинѣ подчинялись всѣ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія, какъ волостного, такъ и сельскаго и ему предоставлялось налагать на нихъ, а равно и на всѣхъ крестьянъ его волости, различныя взысканія, отчего все крестьянское управленіе и все крестьянское населеніе ставилось въ зависимость отъ различныхъ административныхъ и полицейскихъ начальствъ.

Мировому посреднику предоставлено было подвергать волостного старшину и прочихъ должностныхъ лицъ за маловажные проступки по должности замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней. Всѣ прочія начальствующія лица могли заявлять требованія о подобныхъ же взысканіяхъ мировому посреднику.

Въ тоже время волостные и сельскіе сходы, выборными органами и агентами которыхъ, по своему значенію и по ха-

рактеру своей дѣятельности, были волостные старшины и сельскіе старосты, не могли подвергать ихъ отвѣтственности и, хотя сходамъ былъ предоставленъ учетъ этихъ должностныхъ лицъ, но этотъ учетъ могъ касаться однихъ лишь ихъ хозяйственныхъ дѣйствій и находившихся на рукахъ у этихъ лицъ общественныхъ суммъ. Замѣчательно, что при обсужденіи докладовъ административнаго отдѣленія въ общемъ собраніи комиссіи Милютинъ и Соловьевъ настаивали на ограниченіи правъ схода въ отношеніи контроля и учета должностныхъ лицъ *).

Такимъ образомъ редакціонная комиссія, высказавъ первоначально мысль о необходимости учрежденія двухъ параллельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ, организацій,—одной для завѣдыванія поземельными общинными распорядками и другой—для правительственныхъ административныхъ цѣлей, въ концѣ концовъ незамѣтно пришла къ тому, чего сама опасалась вначалѣ,—къ учрежденію двухъ инстанцій крестьянскихъ учрежденій, изъ которыхъ обѣ оказались учрежденіями административными, причемъ въ обѣихъ *принципъ самоуправленія парализовался подчиненностью ихъ общимъ бюрократическимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ.* Нѣкоторая самостоятельность предоставлена была сельскимъ сходамъ лишь по хозяйственнымъ дѣламъ; по дѣламъ же административнымъ подъ видомъ самоуправленія выработана была, въ сущности, система выборныхъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, вполнѣ подчиненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ общей полиціи и администраціи.

Ю. Ф. Самаринъ, по болѣзни не участвовавшій въ этихъ работахъ административнаго отдѣленія, былъ такъ пораженъ участью крестьянскаго самоуправленія, проектированной этими постановленіями, что высказался даже за полное освобожденіе волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей.

---

*) См. *Н. П. Семеновъ* „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи“, т. I, стр. 500—501.

„Я боюсь—сказалъ онъ—чтобы должностныя лица не развратились, чтобы изъ нихъ не вышли чиновники. Полицейскія обязанности помѣшаютъ ихъ самостоятельному развитію". Въ горячемъ спорѣ съ кн. Черкасскимъ Самаринъ сказалъ ему: „Вы положили создать новую единицу *въ видахъ правительства* для его удобства, отнюдь не въ хозяйственныхъ интересахъ крестьянъ и сдѣлали ошибку" *). Столь же рѣзко напалъ на эти постановленія другой членъ-экспертъ редакціонныхъ комиссій А. Д. Желтухинъ, который въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи указывалъ, что все учрежденіе волостей направлено, главнымъ образомъ, „*противъ* помѣщика и въ *пользу* правительственной администраціи", а что „интересы самихъ крестьянъ отодвинуты на второй планъ, они разсматривались не самостоятельно, а по отношеніямъ внѣшнимъ" **).

---

*) *Тамъ же*, т. II. стр. 327 и 329. Въ литературѣ рѣзко напалъ на эти доклады административнаго отдѣленія *К. С. Аксаковъ*, который напечаталъ по этому поводу заграницей брошюру-памфлетъ съ страстными нападками на членовъ административнаго отдѣленія, въ числѣ которыхъ были его пріятели Самаринъ и кн. Черкасскій. Эта статья перепечатана была съ небольшими пропусками въ „Руси" за 1883 г. №№ 1—3 И. С. Аксаковымъ. Пропуски эти указаны и возстановлены у *Н. П. Семенова*, н. с. I, стр. 505. Замѣчательно, что эти доклады, составленные при участіи кн. В. А. Черкасскаго и защищавшіеся имъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ противъ нападокъ Ю. Ф. Самарина, совершенно противорѣчили статьямъ самого кн. Черкасскаго въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" за 1858 г. Въ этихъ статьяхъ („Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія") кн. Черкасскій писалъ между прочимъ, что „мѣстное устройство должно быть непремѣнно основано на спасительномъ для государства началѣ мѣстнаго самоуправленія, въ ущербъ всякой мертвящей централизаціи"; что „первообразной единицей сельской жизни и установленій, должно быть признано не вымышленное какое-либо географическое подраздѣленіе, но единица живая, уже существующая, носящая извѣстный историческій характеръ"; что „вся общинная автономія должна быть здѣсь сосредоточена и потому не должно воздвигать другъ надъ другомъ нѣсколько общинъ, какъ бы нѣсколько административныхъ ярусовъ или инстанцій, порождающихъ лишь лишніе проволочки и расходы".

**) *Семеновъ*, II, 963—968, *Скребицкій*, I, 343—346.

Въ этомъ упрекѣ было, дѣйствительно, много правды. Самые преданные и пылкіе сторонники радикальной реформы увлеклись въ редакціонной комиссіи отстаиваніемъ интересовъ крестьянъ противъ владѣльческихъ интересовъ и такъ какъ они были въ то же время не свободны отъ бюрократическихъ тенденцій и предразсудковъ, то и попали въ этомъ вопросѣ „изъ огня да въ полымя". Они, правда, очень радикально упразднили всѣ виды вотчинной власти. Въ докладѣ № 8 категорически отрицалась совмѣстимость идеи самоуправленія крестьянскихъ обществъ съ присвоеніемъ помѣщику начальническаго званія и опредѣленно указывалось, что всякое вмѣшательство помѣщика въ дѣла „міра" будетъ грозить самостоятельности крестьянскаго самоуправленія и такимъ образомъ въ корнѣ подорветъ его самобытность и жизнь. Въ результатѣ, согласившись съ положеніемъ этого доклада, редакціонная комиссія положила совершенно упразднить вотчинную власть, сохранивъ лишь на время срочно-обязаннаго періода нѣкоторыя права помѣщика на особый почетъ со стороны крестьянъ и право оказанія имъ защиты и покровительства въ извѣстныхъ случаяхъ *). Но, къ сожалѣнію, на мѣсто помѣщичьей власти и помѣщичьяго вліянія она поставила власть и вліяніе чиновничье.

Что касается личныхъ правъ освобождаемыхъ крестьянъ, то въ этомъ отношеніи редакціонная комиссія осталась на почвѣ Позеновской программы, и постановленія ея по этому отдѣлу всего менѣе уклонялись отъ постановленій, проектированныхъ губернскими комитетами.

Первый періодъ занятій редакціонной комиссіи окончился въ началѣ сентября 1859 г. черезъ полгода послѣ ея открытія. Къ этому времени были приглашены въ Петербургъ

---

*) Докладъ адм. отд. № 8. „Матеріалы редакціонныхъ комиссій" 2-е изд. т. II, стр. 265. Ср. мою статью „Объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы" въ „Саратов. Земской Недѣлѣ" за 1904 г. № 1, стр. 51—75.

депутаты отъ тѣхъ 21 комитетовъ, проекты которыхъ были разсмотрѣны комиссіей въ этотъ періодъ.

„Матеріалы редакціонныхъ комиссій" печатались въ 3000 экземплярахъ и широко разсылались повсюду. Поэтому дворянство имѣло полную возможность слѣдить за ходомъ дѣлъ въ редакціонной комиссіи. Оно очень быстро могло убѣдиться, что, хотя мнѣнія губернскихъ комитетовъ приводились въ видѣ справки въ докладахъ отдѣленій редакціонной комиссіи по каждому вопросу, но что комиссія отнюдь не признаетъ себя обязанной считаться съ *волей* дворянства по многимъ вопросамъ. Естественно, что помѣщикамъ не могло нравиться такое отношеніе къ трудамъ дворянскихъ комитетовъ, а толки о повсемѣстномъ ихъ недовольствѣ въ преувеличенныхъ размѣрахъ охотно распространялись въ Петербургѣ различными интриганами съ цѣлью запугать и смутить правительство. Поэтому предстоящее прибытіе депутатовъ и ожидавшаяся съ ихъ стороны оппозиція стали серьезно безпокоить и правительство, и друзей реформы. Подъ такимъ впечатлѣніемъ Ланской, по совѣту Милютина, представилъ передъ самымъ прибытіемъ депутатовъ Государю записку съ суровой критикой дѣятельности губернскихъ комитетовъ и съ указаніемъ на опасность допущенія сплоченной оппозиціи правительству со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ. Въ запискѣ подчеркивалось, что депутаты вызываются „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть", относительно мѣстныхъ особенностей разныхъ губерній, а вовсе не для разрѣшенія „какихъ либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ" *). Государь одобрилъ эту записку и въ результатѣ для депутатовъ составлена была инструкція, которая низводила ихъ значеніе до степени простыхъ экспертовъ, которые должны были только отвѣчать на предла-

*) Записка эта напечатана у *Семенова*, н. с., т. I, прилож. стр. 826.

гаемые имъ вопросы. Обиженные депутаты сгоряча составили было адресъ, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ жаловались на происки бюрократіи и просили возстановить то ихъ значеніе, которое они предполагали имѣть на основаніи словъ, сказанныхъ Государемъ, во время его путешествія, въ Твери и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Адресъ этотъ однако же не былъ представленъ оффиціально, а въ замѣнъ того они ходатайствовали черезъ Ростовцева, чтобы имъ было разрѣшено имѣть между собой совѣщанія и чтобы всѣ ихъ соображенія „поступили на судъ высшаго правительства". Частныя совѣщанія имъ были разрѣшены, но безъ права дѣлать постановленія, и было обѣщано именемъ Государя, что всѣ соображенія ихъ дойдутъ черезъ главный комитетъ до него. На первый разъ депутаты этимъ удовлетворились; но за то въ замѣчаніяхъ своихъ, которыя составили 3 толстыхъ тома, они подвергли труды редакціонной комиссіи суровой и безпощадной критикѣ*).

Необходимо впрочемъ имѣть въ виду, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія было настроено въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были крѣпостниками. Большая часть ихъ принадлежали къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ или получерноземныхъ губерній. Они высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей. Но почти всѣ они были безусловно противъ отвода надѣловъ въ безсрочное пользованіе за разъ на всегда установленныя повинности. Они опасались, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти совершенно невозможно, установленіе же постоянныхъ оброковъ.

---

*) Независимо отъ этого депутаты были приглашаемы поочередно и для словесныхъ совѣщаній въ редакціонныя комиссіи, но и эти совѣщанія имѣли характеръ простыхъ разговоровъ и никакихъ оффиціальныхъ слѣдовъ не оставили (Ср. *Семеновъ* н. с. т. II и III и *Кошелевъ* „Записки", прилож. VI, стр. 80—181).

безъ права персоброчки, они признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Большая часть изъ нихъ требовала обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе депутаты (петербургскіе, псковскіе) предпочитали систему вѣчнонаслѣдственнаго пользованія, но съ правомъ періодической персоброчки и лишь нѣсколько человѣкъ выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода.

Многіе депутаты возражали также противъ проектированныхъ комиссіей максимальныхъ и минимальныхъ нормъ земельныхъ надѣловъ, указывая, что редакціонная комиссія произвольно устранила изъ расчета всѣ мелкія имѣнія менѣе 100 душъ, въ которыхъ надѣлъ отводился при крѣпостномъ правѣ гораздо ограниченнѣе, нежели въ крупныхъ, и приняла въ то же время безъ всякой скидки цифры надѣловъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ иногда вся земля отдавалась въ распоряженіе крестьянъ. Поэтому нормы надѣловъ, по мнѣнію депутатовъ, были выведены слишкомъ повышенныя и для помѣщиковъ разорительныя, благодаря тому, что нормальные оброки были назначены лишь за высшіе надѣлы и, слѣдовательно, во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ окажется ниже высшаго, повинности будутъ черезчуръ понижены. Депутаты промышленныхъ губерній, особенно Ярославской, сильно отстаивали выведенныя ими нормы оброковъ.

Но единодушнѣе и рѣзче всего были нападки депутатовъ 1-го приглашенія на проектъ административнаго устройства крестьянъ. Нападать на эту часть постановленій редакціонной комиссіи депутатамъ было тѣмъ удобнѣе, что имъ не приходилось обращаться къ защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ, чтобы обнаружить всю несостоятельность и нераціональность проектированнаго комиссіей устройства. Большинство депутатовъ 1-го приглашенія стояло въ этомъ во-

просѣ на либеральной и демократической почвѣ, и эти нападки ихъ произвели большое впечатлѣніе на многихъ членовъ редакціонной комиссіи и на всѣхъ благомыслящихъ людей въ Россіи. Отмѣтивъ, что редакціонная комиссія рѣшила совершенно упразднить помѣщичью власть, рязанскій депутатъ Кошелевъ заявляетъ въ своемъ отзывѣ: „конечно, не плачъ по ней подниму я здѣсь, нѣтъ! *Вѣчная память*, которую мы ей теперь поемъ, налагаетъ на насъ обязанность de mortuis aut bene, aut nihil"; а потому онъ избираетъ послѣднее. Но его занимаетъ вопросъ: къ кому же эта власть перейдетъ? „Сельскія общества получатъ часть ея, относящуюся до хозяйственнаго устройства и до первоначальныхъ полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій; но остальная затѣмъ часть, та, которая и этой, такъ сказать, домашней, даетъ жизнь и значеніе, въ чьи руки она поступитъ? Неужели къ чиновникамъ"?...

Изъ депутатовъ 1-го приглашенія самую основательную критику волостного устройства, проектированнаго комиссіями, представилъ тверской депутатъ А. М. Унковскій. Главный недостатокъ этого проекта Унковскій видѣлъ въ томъ, что волости предполагалось образовать изъ однихъ лишь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, совершенно уединенныхъ отъ прочихъ сословій и отъ крестьянъ другихъ категорій. Что такія волости не могутъ достигнуть своей цѣли, т. е. быть единицами мѣстнаго сельскаго самоуправленія,—это въ глазахъ Унковскаго доказывалъ опытъ волостей и сельскихъ обществъ у государственныхъ крестьянъ. Эти волости, по словамъ Унковскаго,—„будутъ ни болѣе, ни менѣе какъ массы, механически и насильственно связанныя внѣшнею силою. Что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ? Свои общіе интерессы? Но они не имѣютъ общихъ отдѣльныхъ интересовъ, такихъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей мѣстности"... „Съ другой стороны,—спрашиваетъ Унковскій,—какая надобность и какая польза отдѣлять крестьянъ отъ высшихъ просвѣщенныхъ со-

словій? Вѣдь это значитъ отнимать у мѣстныхъ обществъ весь разумъ, всю способность пользоваться своими правами"... „Это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи обществъ"...

Но этимъ Унковскій не ограничился; въ своемъ отзывѣ на труды административнаго отдѣленія комиссіи онъ представилъ подробный разборъ и рѣзкую критику всей существовавшей тогда системы управленія. Онъ предлагалъ упразднить всѣ существовавшія тогда вѣдомства, присутственныя мѣста, канцеляріи и сословные суды и замѣнить все это широкой и послѣдовательно проведенной системой самоуправленія и общимъ для всѣхъ сословій судомъ присяжныхъ. Для обузданія же чиновничьяго произвола и злоупотребленій онъ требовалъ введенія отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ не по распоряженію ихъ начальствъ, а по жалобамъ частныхъ лицъ *).

Такова же была точка зрѣнія и большинства другихъ депутатовъ 1-го приглашенія **). Впрочемъ, среди этихъ депутатовъ были и совершенные крѣпостники, какъ князь И. В. Гагаринъ, воронежскій предводитель дворянства ***), и изворотливые интриганы, какъ Позенъ, и аристократы съ олигархическими тенденціями, какъ симбирскій депутатъ Шидловскій; но большинство было проникнуто либеральными взглядами.

Убѣдившись къ концу своего пребыванія въ Петербургѣ, которое длилось нѣсколько недѣль, что возраженія ихъ не будутъ приняты редакціонной комиссіей, и опасаясь, что исписанныя ими кипы бумаги не прочтутъ не только государь, но и члены главнаго комитета, депутаты эти рѣшились передъ отъѣздомъ еще разъ ходатайствовать, чтобы имъ

*) *Скребицкій*, н. с., т. I. стр. 780, а также 785—799 и 878—885.

**) Тамъ же, стр. 665—669 и 768—785.

***) См. мнѣніе его о правѣ собственности помѣщиковъ у *Скребицкаго* т. I, стр. 147—152.

предоставлено было представить главному комитету свои замѣчанія на окончательный проектъ редакціонныхъ комиссій, когда онъ будетъ готовъ. Они составили объ этомъ адресъ на высочайшее имя, но при подписи его возникли несогласія относительно его редакціи и въ концѣ-концовъ депутаты раздѣлились на три группы. 18 человѣкъ подали адресъ съ ходатайствомъ о допущеніи ихъ къ разсмотрѣнію окончательныхъ трудовъ редакціонной комиссіи. Шидловскій представилъ письмо государю въ олигархическомъ духѣ, а пять депутатовъ (2 ярославскихъ, 2 харьковскихъ и тверской А. М. Унковскій) изложили въ своемъ адресѣ свой взглядъ на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны *).

Одновременно съ этими адресами депутатовъ подалъ государю записку не принадлежавшій къ числу депутатовъ помѣщикъ Петербургской губерніи, аристократъ (племянникъ кн. Орлова) и камергеръ высочайшаго двора Мих. Алекс. Безобразовъ. Записка эта являлась несомнѣнно наиболѣе яркимъ выраженіемъ олигархическихъ стремленій, охватившихъ въ то время часть высшаго придворнаго и провинціальнаго дворянства. Тонъ этой записки, представленной черезъ помощника шефа жандармовъ генерала Тимашева, былъ необыкновенно развязенъ и дерзокъ, почему и неудивительно, что онъ взбѣсилъ императора Александра, испещрившаго всю записку гнѣвными и рѣзкими резолюціями и замѣтками, въ родѣ: „вздоръ!“, „непомѣрная наглость!“, „хорошъ софизмъ!“ и т. п. Можно думать, что гнѣвъ, вызванный въ государѣ этой запиской, отразился и на отношеніи его къ адресамъ депутатовъ, которые были составлены въ тонѣ весьма лояльномъ и корректномъ и тѣмъ не менѣе встрѣчены были также враждебно и рѣзко.

---

*) Записка *А. И. Кошелева* „Депутаты и редакціонныя комиссіи“ приложеніе VI къ его „Запискамъ“, стр. 184. Этотъ адресъ приведенъ также у *Семенова* въ прилож. къ т. II и у *Иванюкова*.

Въ своей запискѣ Безобразовъ утверждалъ, что при вызовѣ и прiемѣ депутатовъ царская воля была искажена бюрократiей, и, стараясь затѣмъ представить дворянство самой надежной и прочной опорой престола, требовалъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ было „обуздано" и чтобы представители дворянства были приглашены не въ редакцiонную комиссiю, а въ главный комитетъ для обсужденiя нужныхъ мѣръ и опредѣленiя *законнымъ образомъ* размѣра потребныхъ отъ дворянства пожертвованiй. Далѣе онъ требуетъ возстановленiя стариннаго права земли посылать своихъ представителей для совѣщательнаго участiя въ государственныхъ дѣлахъ. Въ стремленiи своемъ очернить ненавистное ему министерство внутреннихъ дѣлъ, Безобразовъ не останавливается передъ самыми неблаговидными намеками и клеветами, имѣвшими значенiе доносовъ, и обвиняетъ въ неблагонадежности и цензуру (!), и передовые наши журналы, и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и членовъ редакцiонной комиссiи; обвиняетъ даже правительственныя учрежденiя въ сообщничествѣ съ „заграничными памфлетистами" и увѣряетъ при этомъ, что корень крамолы „глубоко зарытъ въ замыслахъ иностранныхъ"; тутъ же бросаетъ онъ тѣнь и на нѣкоторыхъ изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, называя ихъ „сочинителями конституцiй по образцамъ запада".

Хотя самъ Безобразовъ старательно отгораживалъ себя отъ либеральной оппозицiи, главнымъ представителемъ которой среди депутатовъ являлся А. М. Унковскiй, и отъ славянофильской „Русской Бесѣды", которую онъ обвинялъ даже въ разсылкѣ эмисаровъ съ цѣлью бунтовать народъ, однако правительство смѣшало всѣ такiя заявленiя, записки и адресы въ одну кучу и отнеслось ко всѣмъ одинаково, какъ къ опаснымъ и тревожнымъ проявленiямъ дворянской фронды, которую слѣдовало немедленно подавить и прекратить.

Всѣ они были обсуждены въ главномъ комитетѣ исклю-

чительно съ этой точки зрѣнія, и единственный результатъ ихъ былъ тотъ, что лица, ихъ подписавшія, получили черезъ губернаторовъ замѣчанія и выговоры.

Такой исходъ этихъ ходатайствъ и заявленій произвелъ на дворянство большей части губерній чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Возбужденіе и недовольство противъ бюрократіи еще усилилось, когда министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ особымъ циркуляромъ обсуждать крестьянскій вопросъ на предстоявшихъ очередныхъ собраніяхъ. Мѣра эта признана была дворянами—и не безъ основанія—нарушеніемъ законныхъ ихъ правъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ протестовъ и демонстрацій, изъ которыхъ одинъ—именно протестъ тверского дворянскаго собранія—повлекъ за собой неожиданно весьма суровую мѣру: губернскій предводитель дворянства Унковскій и помѣщикъ Европеусъ высланы были административнымъ порядкомъ въ Вятскую и Пермскую губерніи *). Мѣра эта произвела на общество удручающее впечатлѣніе **).

Между тѣмъ редакціонная комиссія вступила во 2-й періодъ своей дѣятельности. Въ этотъ періодъ она изучила проекты остальныхъ 25 губернскихъ комитетовъ и пересмотрѣла свои постановленія перваго періода съ принятіемъ во вниманіе этихъ проектовъ. Затѣмъ вызваны были депутаты отъ этихъ 25 комитетовъ.

Но прежде чѣмъ они прибыли, въ положеніи редакціонной комиссіи произошла крупная перемѣна: 6 февраля 1860 года умеръ Ростовцевъ послѣ долгой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго напряженія ***).

Вмѣсто Ростовцева назначенъ былъ гр. В. Н. Панинъ, извѣстный своею приверженностью къ дореформенному строю

*) Тамъ же.

**) *Кошелевъ* н. с., прил. VI, стр. 187.

***) Ходъ болѣзни Ростовцева и всѣ обстоятельства, съ нею связанныя, подробно разсказаны у Семенова, въ т. II.

и къ крѣпостнымъ порядкамъ. Хотя Панину поставлено было государемъ условіе ничего не измѣнять въ ходѣ и направленіи дѣла, установившемся при Ростовцевѣ, однако же назначеніе его чрезвычайно окрылило надежды крѣпостниковъ и страшно возмутило искреннихъ сторонниковъ реформы.

Депутатъ 1-го призыва (А. И. Кошелевъ) въ письмѣ къ депутатамъ 2-го приглашенія, напечатанномъ заграницей, давалъ послѣднимъ въ то же время, на основаніи своего опыта, мудрый совѣтъ, какъ имъ слѣдуетъ вести себя въ Петербургѣ.

Онъ совѣтовалъ имъ принять съ покорностью то положеніе, которое создала для депутатовъ инструкція, не тратить времени и силъ на борьбу съ ней, но за то постараться дойти до единодушія въ частныхъ своихъ совѣщаніяхъ. При этомъ онъ рекомендовалъ имъ бросить всякія мечты о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и даже объ уменьшеніи существующихъ надѣловъ, а добиваться обязательнаго выкупа, отвергнувъ систему безсрочнаго пользованія землей за неизмѣнныя повинности. Особенно же онъ приглашалъ ихъ сосредоточиться на отстаиваніи народной самобытности и народнаго самоуправленія противъ чиновничьяго бюрократическаго режима.

Но депутаты 2-го приглашенія не послушались Кошелева. Между ними преобладали члены комитетовъ земледѣльческихъ черноземныхъ и западныхъ губерній; они не сочувствовали выкупной системѣ; многіе изъ нихъ стремились, напротивъ, къ обезземеленію крестьянъ, и мечтали о сохраненіи вотчинныхъ правъ дворянства. Въ этихъ стремленіяхъ своихъ они дѣйствительно достигли значительнаго единодушія и подали отзывы по большей части вопросовъ за общимъ подписомъ 34—40 лицъ. Ихъ надежды на коренное измѣненіе основаній реформы, принятыхъ редакціонной комиссіей, сильно поддерживались распространившимися тогда слухами о полной перемѣнѣ въ настроеніи высшаго правительства, вслѣдствіе смерти Ростовцева и назначенія на его мѣсто Панина. На труды редакціонной комиссіи они написали очень

рѣзкую критику, причемъ всего сильнѣе обрушились на надѣленіе крестьянъ землей и на образованіе независимыхъ отъ помѣщичьей власти крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ. Они не брезгали въ этихъ своихъ отзывахъ никакими аргументами и всячески старались набросить тѣнь на труды редакціонной комиссіи съ охранительной точки зрѣнія, выискивая въ ея предположеніяхъ республиканскія соціалистическія и даже коммунистическія начала, которыхъ на самомъ дѣлѣ, разумѣется, не было и слѣда.

Однако, весь этотъ походъ не удался; слухи о перемѣнѣ въ настроеніи правительства не оправдались, и хотя гр. Панинъ старался впослѣдствіи кое въ чемъ испортить дѣло редакціонной комиссіи, пытаясь подѣйствовать на ея членовъ силою своего авторитета и служебнаго положенія, но изъ этого ничего серьезнаго не вышло.

Возраженія и отзывы депутатовъ, какъ 1-го, такъ и 2-го приглашенія, спеціально обсуждались лишь въ 3-мъ періодѣ занятій редакціонной комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, когда уже было приступлено къ кодификаціи принятыхъ комиссіей постановленій; но по нѣкоторымъ вопросамъ, особенно о нормахъ надѣла, отзывы депутатовъ приняты были во вниманіе уже и во 2-мъ періодѣ занятій. Главныя уступки, сдѣланныя комиссіей депутатамъ, касались матеріальной стороны реформы. Они сводились: къ болѣе или менѣе значительному пониженію нормъ надѣловъ во многихъ уѣздахъ, къ повышенію нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ съ 8 до 9 рублей на душу, и, наконецъ, къ допущенію *переоброчки* черезъ 20 лѣтъ (т. е. переоцѣнки повинностей согласно измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ) въ имѣніяхъ, гдѣ полевая земля находится въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ *).

*) Любопытная оцѣнка взглядовъ, высказанныхъ депутатами 1-го и 2-го приглашенія, сдѣланная редакціонной комиссіей, приведена у *Скребицкаго*, т. I, стр. 822 и слѣд.

Съ самаго открытія 3-го періода занятій редакціонной комиссіи гр. Панинъ попробовалъ убѣдить большинство членовъ комиссіи отказаться отъ категорическаго постановленія, что надѣлы отводятся въ *безсрочное* пользованіе крестьянъ; онъ, видимо, старался замѣнить это выраженіе такимъ неопредѣленнымъ оборотомъ рѣчи, который открывалъ бы возможность впослѣдствіи, по окончаніи срочно-обязаннаго періода, перейти къ системѣ пользованія надѣломъ по добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ съ помѣщиками. Систему безсрочнаго пользованія упорно защищали Милютинъ, кн. Черкасскій и др., и такъ какъ гр. Панинъ возвращался при каждомъ удобномъ случаѣ къ своей мысли, то они представили даже особую записку съ обоснованіемъ системы безсрочнаго пользованія, подписанную 19-ю членами комиссіи, а Панинъ представилъ объ этомъ разномысліи въ особомъ докладѣ государю; но государь не далъ категорическихъ указаній, и Панину такъ и не удалось сломить въ этомъ важномъ вопросѣ упорство своихъ оппонентовъ. Въ концѣ-концовъ рѣшено было лишь выраженіе „*безсрочное* пользованіе“ замѣнить выраженіемъ „*постоянное* пользованіе“ *).

Такимъ образомъ, не смотря на перемѣну предсѣдателя комиссій въ самый разгаръ дѣла, главныя основанія реформы, окончательно опредѣлившіяся еще при Ростовцевѣ, остались въ сущности неизмѣненными.

10-го октября 1860 г. комиссіи были закрыты, проработавъ безъ отдыха около 20 мѣсяцевъ, и выработавъ проекты 16-ти положеній съ объяснительными записками, указателями и проч. Печатные доклады отдѣленій, журналы общихъ присутствій, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ и другіе „труды редакціонныхъ комиссій составили 18 объемистыхъ томовъ (въ первомъ изданіи) и сверхъ того 6 томовъ стати-

*) Всѣ попытки гр. Панина измѣнить постановленіе редакціонной комиссіи по этому предмету подробно изложены у *Семенова* въ т. III ч. I, passim.

стическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ *).

Изъ редакціонной комиссіи проекты поступили въ главный комитетъ, который началъ свои засѣданія по ихъ разсмотрѣнію въ самый день закрытія комиссіи. При представленіи членовъ редакціонной комиссіи государю, онъ сказалъ имъ въ своей благодарственной рѣчи, что многое, быть можетъ, придется измѣнить. Враги реформы, понимая, что совершенно отклонить преобразованіе теперь уже невозможно, старались оттянуть дѣло и устранить изъ проектовъ редакціонной комиссіи многое существенное. Но государь настойчиво требовалъ окончанія всѣхъ работъ въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ къ 15-му февраля 1861 года.—Валуевъ, служившій въ то время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, спѣшно вырабатывалъ, по порученію М. Н. Муравьева, для него и для кн. В. А. Долгорукова въ противовѣсъ проекту редакціонной комиссіи свой проектъ, въ основу котораго онъ принялъ положеніе Лифляндской губерніи. На защиту трудовъ редакціонной комиссіи выступилъ съ большою энергіей и знаніемъ дѣла вел. кн. Константинъ Николаевичъ, назначенный предсѣдателемъ главнаго комитета вмѣсто кн. Орлова, заболѣвшаго незадолго передъ тѣмъ. Великій князь основательно изучилъ работы редакціонной комиссіи, пользуясь помощью главнѣйшихъ ея дѣятелей: Милютина, Самарина, кн. Черкасскаго и П. П. Семенова. Самыя сильныя нападенія были на нормы надѣловъ, принятыя редакціонной комиссіей, причемъ подвергались большимъ сомнѣніямъ и статистическія данныя, на которыхъ онѣ основывались. Противъ нормъ, выведенныхъ комиссіей, возсталъ и гр. Панинъ, бывшій предсѣдатель комиссіи. Съ большимъ трудомъ, послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ совѣщаній, при участіи бывшихъ членовъ редакціонной комиссіи, удалось, наконецъ,

*) *Семеновъ*, н. с., т. III, ч. II, стр. 748.

великому князю привести гр. Панина къ соглашенію, сдѣлавъ ему нѣкоторыя уступки относительно цифръ надѣльныхъ нормъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

Въ концѣ концовъ проекты редакціонной комиссіи прошли черезъ главный комитетъ безъ большихъ измѣненій и 14-го января переданы были на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, засѣданія котораго открылись 28-го января 1861 г. замѣчательной рѣчью императора Александра. Государь требовалъ, чтобы все дѣло было окончено въ первой половинѣ февраля съ тѣмъ, чтобы манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права могъ быть изданъ къ началу полевыхъ работъ.

„Взгляды на представленную работу—между прочимъ сказалъ Императоръ—могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ...“ *).

Засѣданія государственнаго совѣта, происходившія подъ предсѣдательствомъ престарѣлаго гр. Блудова, были очень бурны; но проекты редакціонной комиссіи прошли и здѣсь безъ большихъ измѣненій. Самое существенное заключалось въ предложенномъ кн. П. П. Гагаринымъ и принятомъ единогласно—четвертномъ даровомъ надѣлѣ. На основаніи этого постановленія помѣщикамъ было предоставлено оканчивать по добровольному соглашенію съ крестьянами всякія обязательныя съ ними отношенія предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность безвозмездно четвертой части высшаго или въ степныхъ мѣстностяхъ указнаго надѣла, опредѣленнаго въ положеніяхъ.

17-го февраля было послѣднее засѣданіе совѣта, и 19-го государь подписалъ всѣ представленныя на его утвержденіе положенія.

---

*) „Русск. Стар.“ за 1880 г. № 2, стр. 375.

По внѣшности положенія также изданы были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были кодифицированы въ редакціонной комиссіи *).

Основныя начала реформы были изложены во введеніи къ „общему положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости": въ томъ же положеніи были опредѣлены: личныя и имущественныя права крестьянъ, образованіе сельскихъ и волостныхъ обществъ и устройство въ нихъ управленія и суда, а также порядокъ отбыванія крестьянами казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей. Такое же общее для всѣхъ губерній значеніе имѣли положенія: о выкупѣ крестьянами усадебъ и поземельныхъ угодій, о дворовыхъ людяхъ, о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, а также „правила" о порядкѣ введенія въ дѣйствіе положеній. Поземельное устройство крестьянъ и повинности, отбывавшіяся ими въ пользу помѣщиковъ, опредѣлялись „мѣстными положеніями". Такихъ мѣстныхъ положеній издано было четыре: одно—для великорусскихъ, бѣлорусскихъ и новороссійскихъ губерній, гдѣ преобладало общинное землепользованіе: другое—для малороссійскихъ губерній: Полтавской, Черниговской и части Харьковской; третье—для трехъ юго-западныхъ губерній и, наконецъ, четвертое—для трехъ литовскихъ губерній, Минской и лифляндскихъ уѣздовъ Витебской. Сверхъ того были тогда изданы особыя „дополнительныя правила": а) о крестьянахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, б) о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ, в) о крестьянахъ на частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ, г) о крестьянахъ и дворовыхъ въ Области Войска Донского, д) о крестьянахъ и дворовыхъ въ Ставропольской губерніи, е) о бывшихъ крѣпостныхъ людяхъ въ Бессарабской области и, наконецъ, ж) о крестьянахъ и дворовыхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Сибири.

---

*) Ср. „Матеріалы редакц. комиссій", т. XVIII.

Императоръ Александръ II заявилъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 28 января 1861 года, что проекты положеній, составленные въ редакціонной комиссіи, основаны на тѣхъ главныхъ началахъ, которыя были указаны въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года. Мы видѣли, какимъ измѣненіямъ подверглись первоначальные виды правительства по мѣрѣ разработки основныхъ положеній реформы въ губернскихъ комитетахъ, въ главномъ комитетѣ и въ редакціонной комиссіи. Но съ формальной точки зрѣнія государь имѣлъ полное основаніе указать, что главныя начала рескрипта 20 ноября были положены въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ работъ. Слѣды руководящихъ началъ отчетливо сохранились и въ положеніи 19 февраля.

Освобожденнымъ отъ крѣпостного права крестьянамъ оставлены были *усадьбы* и *полевые надѣлы* въ *постоянное* пользованіе. Сохранено было даже право отдѣльнаго выкупа усадебъ, хотя, въ сущности, было очевидно, что едва-ли кто изъ крестьянъ воспользуется этимъ правомъ, при возможности впослѣдствіи выкупить усадьбу вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ надѣломъ.

Изъ освобожденныхъ крестьянъ были образованы *общества* и учреждено у нихъ сельское общественное управленіе.

По рескрипту помѣщикамъ предполагалось оставить вотчинную полицію. Буква рескрипта была соблюдена и въ этомъ отношеніи, хотя самая сущность намѣреній законодателя въ этомъ именно отношеніи измѣнилась весьма рѣшительно. Въ общее положеніе включена была особая глава о вотчинной власти помѣщиковъ въ селеніяхъ *временно-обязанныхъ крестьянъ*; но права, предоставленныя здѣсь помѣщикамъ, не говоря о томъ, что они давались лишь до выкупа,—были и по содержанію своему болѣе или менѣе почетнаго характера и реальнаго значенія имѣть не могли, тѣмъ болѣе что власть наложенія взысканій *даже въ барщинныхъ имѣніяхъ* не была, въ концѣ концовъ, предоставлена помѣщикамъ.

Правильность отбыванія казенныхъ и земскихъ повинно-

стей обезпечивалась *круговою* порукою и различными экзекуціонными мѣрами.

Огромнымъ шагомъ впередъ, по сравненію съ главными началами рескрипта, явилась идея выкупа повинностей, проведенная Ростовцевымъ. Благодаря этому новому началу реформа пріобрѣла свой радикальный характеръ, и вопросъ о переходномъ срочномъ-обязанномъ періодѣ утратилъ свое значеніе. Благодаря усвоенію этого начала правительствомъ, совершенно измѣнился, какъ мы видѣли, и взглядъ его на необходимость и полезность сохраненія вотчинной власти.

Крестьяне до выкупа повинностей, опредѣленныхъ за пользованіе ихъ надѣломъ, считались по положенію 19 февраля *временно-обязанными*. Терминъ *срочно-обязанные* былъ отброшенъ, потому что никакого срока для выкупа назначено не было. Впрочемъ, нѣкоторый слѣдъ прежнихъ предположеній о переходномъ періодѣ въ положеніи 19 февраля сохранился въ видѣ постановленія о томъ, что въ теченіе первыхъ *девяти* лѣтъ крестьяне не имѣли права отказываться отъ пользованія надѣломъ за обязательныя повинности.

Выкупъ для помѣщика сдѣланъ былъ необязательнымъ; но за то крестьяне настолько были ограждены отъ помѣщичьяго произвола, а необходимость обращаться при неисправности крестьянъ къ волостному начальству или къ мировому посреднику въ виду уничтоженія всякихъ способовъ домашней расправы,—казалась для большинства помѣщиковъ настолько тягостной, что можно было, дѣйствительно, разсчитывать на то, что выкупныя сдѣлки или обязательный для крестьянъ выкупъ, по требованію помѣщиковъ, осуществятся въ непродолжительномъ времени.»

Что касается матеріальной стороны крестьянской реформы, то самые большіе нападки, какъ мы ниже увидимъ, вызвали противъ себя нормы надѣловъ, установленныя положеніями 19 февраля, и обременительность выкупныхъ платежей.

Въ *правовомъ отношеніи* крестьянская реформа была безъ

сомнѣнія самымъ колоссальнымъ шагомъ впередъ во всей новѣйшей русской исторіи. Упразднивъ крѣпостное право надъ личностью крестьянина, она открыла широкій путь къ полному освобожденію народа. Дѣятели и современники великой реформы любили указывать, что она впервые вывела народъ на историческую арену. До тѣхъ поръ народъ былъ въ отечествѣ нашемъ лишь вполнѣ пассивною массою, матеріаломъ, изъ котораго выжимались питательные соки. Онъ „значился“ лишь, — по мѣткому выраженію Погодина, — „по вѣдомостямъ казенной палаты“. Съ паденіемъ крѣпостного права для народа открывались широкія перспективы совсѣмъ иного существованія.

Однако же и въ самомъ положеніи 19 февраля сохранены были нѣкоторыя ограниченія, сильно стѣснявшія свободу народа и противорѣчившія идеѣ гражданской равноправности крестьянъ съ остальными сословіями. Освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщичьей, крестьянская реформа тотчасъ же подчинила ихъ взамѣнъ того деспотической власти міра и опекѣ чиновничьей. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ паденіемъ крѣпостного права не были уничтожены сословныя привилегіи, и крестьяне уравнены были въ правахъ не съ прежними ихъ господами— дворянами, а лишь съ другими *податными* сословіями. Податныя же сословія, въ силу существовавшей податной системы, находились въ то время тоже въ своего рода крѣпостномъ состояніи. Такъ какъ предметомъ обложенія являлось не имущество, а лицо, то государство естественно заинтересовано было въ томъ, чтобы лица, обложенныя податями и обязанныя нести натуральныя повинности, не ускользали отъ ихъ отбыванія. А потому выходъ изъ податнаго состоянія былъ не свободенъ и перечисленіе изъ одного податнаго сословія въ другое допускалось лишь съ соблюденіемъ разныхъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ условій. Такъ какъ предметомъ обложенія было не имущество, а лицо, то и обезпеченіемъ правильнаго поступленія казенныхъ и земскихъ сборовъ не могло служить имущество. Его замѣняло обязатель-

ное ручательство другъ за друга обложенныхъ податями лицъ извѣстной группы. Это и обосновывало государственную необходимость круговой поруки. Круговая же порука не могла, конечно, существовать безъ установленія надъ каждымъ податнымъ лицомъ власти извѣстнаго круга лицъ, несущихъ совокупную за него отвѣтственность.— Эта же податная система вела, въ связи съ несовершенствомъ полицейской организаціи, къ большимъ ограниченіямъ въ правахъ передвиженія. Наконецъ, такъ какъ государство было заинтересовано въ сохраненіи платежеспособности податныхъ единицъ, то понятно, что оно не могло относиться равнодушно къ хозяйственной состоятельности этихъ податныхъ единицъ. Отсюда административная и правительственная опека, ограничивавшая крестьянина въ правѣ отказываться отъ земельнаго надѣла и, такимъ образомъ, существенно препятствовавшая свободному выбору крестьяниномъ рода занятій.

Крѣпостное право, отмѣненное 19 февраля 1861 года, стояло въ полномъ противорѣчіи съ идеями свободы и равенства, начавшими проникать въ передовые круги русскаго образованнаго общества послѣ французской революціи и въ особенности послѣ наполеоновскихъ войнъ. Первые сторонники освобожденія крестьянъ въ Россіи требовали отмѣны крѣпостного права во имя правъ человѣка и гражданина. Именно съ этой точки зрѣнія выступали противъ крѣпостного права Александръ Радищевъ, Николай Тургеневъ и большая часть декабристовъ.—Но въ подготовленіи крестьянской реформы при Николаѣ I и въ осуществленіи ея послѣ Крымской кампаніи гораздо болѣе могущественную роль играли иные, чисто матеріальные факторы.

Члены редакціонной комиссіи были въ большинствѣ искренніе и убѣжденные эмансипаторы; многіе изъ нихъ были не чужды гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ; но исходили они въ своихъ соображеніяхъ не изъ деклараціи правъ человѣка и гражданина, а изъ сознанія необходимости реформы съ государственной, патріотической и, если можно

употребить здѣсь этотъ терминъ—народнической точки зрѣнія. Въ ихъ соображеніяхъ надъ вопросами свободы личности преобладали, съ одной стороны, вопросы благосостоянія крестьянъ, съ другой, интересы государства, Россіи.

Они имѣли передъ собой опредѣленнаго врага; этотъ врагъ былъ—крѣпостное право.

По скольку дѣло шло о его упраздненіи, они являлись, разумѣется, либералами; но въ созидательной своей дѣятельности они не могли вполнѣ отрѣшиться отъ той системы опеки, въ которой они были воспитаны. Чѣмъ сильнѣе стремились они оградить крестьянина отъ произвола прежняго его господина—вотчинника, тѣмъ необходимѣе казалось имъ поставить его подъ опеку чиновника, хотя нѣкоторые изъ нихъ отлично понимали вредныя стороны такого исхода дѣла.

Эта слабая сторона работъ редакціонной комиссіи была очень вѣрно и очень рѣзко подчеркнута депутатами перваго призыва; но голосъ ихъ не произвелъ, къ сожалѣнію, должнаго впечатлѣнія на правительство и смѣшанъ былъ съ воплями плантаторовъ и крѣпостниковъ, стремившихся къ сохраненію вотчинной власти и къ олигархическому устройству государства.

Однако, каковы бы ни были дѣйствительные факторы крестьянской реформы и каковы бы ни были причины, ограничившія личныя права крестьянъ, очевидно, что само по себѣ паденіе крѣпостного права должно было расчистить дорогу къ полному торжеству принциповъ свободы и гражданской равноправности. На это, конечно, и расчитывали дѣятели реформы. Логическимъ продолженіемъ реформы съ ихъ точки зрѣнія должны были явиться уничтоженіе самаго понятія „податнаго состоянія“ вмѣстѣ съ отмѣной подушной подати, и полное паденіе системы административной опеки надъ личностью и самоуправленіемъ освобожденныхъ крестьянъ. Этого ожидали и требовали всѣ передовые люди шестидесятыхъ годовъ.

ГЛАВА VII.

Отношеніе общества и литературы къ реформѣ 19 февраля.—Критика радикаловъ.—Настроеніе крестьянъ.—Безпорядки при объявленіи воли.—Введеніе крестьянской реформы.—Мировые посредники перваго призыва.—Недовольство помѣщиковъ.-Реакція въ высшихъ сферахъ.—Отставка Ланского и Милютина.—Политика Валуева.—Тверская исторія.—Конституціонное движеніе въ дворянской средѣ.—Польское возстаніе и реакція въ обществѣ.

Критиковать положенія 19 февраля печати не было дозволено.—Даже выраженіе ликованій по поводу паденія крѣпостного права въ газетахъ не было совершенно свободно *). Поэтому по газетамъ и журналамъ того времени невозможно составить себѣ вѣрнаго представленія о томъ, какъ отнеслись независимые общественные круги къ результату напряженныхъ четырехлѣтнихъ работъ всѣхъ комиссій и комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

Настроеніе интеллигенціи было несомнѣнно приподнятое и радостное. Въ день объявленія воли въ Москвѣ и въ Петербургѣ многіе, встрѣчаясь съ знакомыми, христосовались, какъ въ свѣтлый праздникъ **). Въ театрѣ была устроена публи-

---

*) *Джаншіевъ* указываетъ, какъ „Московскія Вѣдомости", редактировавшіяся тогда въ либеральномъ духѣ В. Ф. Коршемъ, вмѣсто передовой привѣтственной статьи помѣстили нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о великомъ событіи въ отдѣлѣ библіографіи, въ статьѣ подъ названіемъ „Крѣпостное населеніе въ Россіи" („Эпоха великихъ реформъ" изд. 7-ое, стр. 94).

**) Дневникъ *А. В. Никитенки*, т. II (1-е изд.), стр. 246, *Барсуковъ* „Жизнь и труды Погодина" ч. XVIII, стр. 9.

кой шумная манифестація *). По поводу объявленія воли Катковъ писалъ въ „Современной Лѣтописи“:

„Великое, величайшее слово въ русской исторіи произнесено!

„Послѣдствія этого слова будутъ неизмѣримо благодѣтельны и память народная сохранитъ имя того, кто рѣшился произнести это слово и снять узы, которыя были наложены на русскій народъ исторической необходимостію государственнаго начала.

„Вспомнимъ съ благодарностію о тѣхъ многочисленныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ дѣятеляхъ, которые своими трудами подготовляли разрѣшеніе труднаго вопроса и способствовали скорому и справедливому разрѣшенію его“ **).

„Совершилось дѣйствительно великое дѣло—писалъ тогда же въ частномъ письмѣ И. С. Аксаковъ—крѣпостнаго права уже не существуетъ, оно вычеркнуто изъ законодательства и изъ жизни. Только теперь возможны реформы и движеніе впередъ самого народа, и онъ двинулся, тронулся, какъ вешній ледъ. Черезъ полгода вы его не узнаете. Какъ *они* ни недовольны *положеніемъ*, но выберутъ изъ него повѣрьте, все, что послужитъ къ ихъ выгодѣ; и проникнутся сознаніемъ своихъ правъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ сдается, что народъ проснулся и инстинктивно чувствуетъ, что онъ призывается къ дѣйствію, что его чередъ наступаетъ, и спѣшитъ вооружиться, запасается деньгами и грамотой ***)...“

Герценъ, во время работъ по крестьянскому дѣлу нѣсколько разъ измѣнявшій свое отношеніе къ императору Александру—въ виду колебаній въ ходѣ самого дѣла,—по прочтеніи манифеста 19 февраля снова привѣтствовалъ Алек-

*) „Матеріалы для біогр. кн. В. А. Черкасскаго“ т. I, ч. II, приложенія, стр. 85—письмо баронессы Э. Ф. Раденъ къ кн. Черкасской отъ 6 марта 1861 г.

**) *Барсуковъ*, XVIII, 5.

***) Тамъ-же, 15.

сандра II, именуя его „Освободителемъ"*). Извѣстно восторженное отношеніе къ манифесту 19 февраля декабристовъ, возвратившихся изъ ссылки, а также Николая Тургенева, трогательный образъ котораго во время чтенія манифеста въ церкви парижскаго посольства сохранилъ намъ въ художественномъ некрологѣ его однофамилецъ и почитатель И. С. Тургеневъ**).

Но въ болѣе радикальныхъ сферахъ, группировавшихся въ то время въ Петербургѣ вокругъ Чернышевскаго, уже не было того свѣтлаго настроенія, которымъ эти сферы были захвачены послѣ рескрипта 20 ноября 1857 года. Направленіе работъ большинства губернскихъ комитетовъ, а отчасти и редакціонныхъ комиссій вызвало, какъ мы уже указывали, въ этихъ сферахъ рѣзко оппозиціонное настроеніе и крайне скептическое отношеніе къ исходу всего дѣла. Однако, когда манифестъ появился, то содержаніе его и въ этихъ кругахъ произвело гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели можно было расчитывать. Рѣшеніе крестьянскаго вопроса, вынесенное положеніемъ 19 февраля, было во всякомъ случаѣ гораздо радикальнѣе и справедливѣе того, какого можно было ожидать послѣ программы, данной въ 1858 г. губернскимъ комитетамъ. Дѣло рѣшено было наотрѣзъ, и потому отдѣльные промахи и невыгодныя стороны положенія невольно отодвинулись на второй планъ передъ великимъ историческимъ значеніемъ того факта, что крѣпостное право было уничтожено окончательно и безповоротно. Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія воли въ радикальныхъ кругахъ былъ формулированъ вполнѣ сложившійся къ тому времени взглядъ на реформу 19 февраля. Взглядъ этотъ былъ выраженъ совершенно свободно въ іюнѣ 1861 г. въ брошюрѣ Н. А. Серно-Соловьевича, напечатанной въ Берлинѣ за полной подписью автора подъ заглавіемъ: „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса". Въ этой брошюрѣ авторъ

*) „Колоколъ", мартъ 1861 г.
**) „Сочиненія" т. X., стр. 454.

представляетъ прежде всего обстоятельную и ѣдкую критику тѣхъ соображенiй финансовой комиссiи, которыми она старалась, согласно камертону, данному ей свыше, доказать невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа и обосновать выкупъ добровольный. Серно-Соловьевичъ указываетъ, что редакцiонная комиссiя, принявши эти соображенiя, не могла именно благодаря этому устранить тѣхъ невыгодныхъ и опасныхъ сторонъ срочно-обязаннаго перiода, которыя сама она прекрасно понимала. Поправить допущенный такимъ образомъ капитальный промахъ можно было, по мнѣнiю Серно-Соловьевича, только немедленнымъ введенiемъ обязательнаго выкупа, проектъ котораго онъ и представилъ въ заключенiе своей брошюры. „Я публикую проектъ потому—писалъ онъ въ предисловiи—что крестьянскiй вопросъ, нерѣшенный, или правильнѣе, искаженный положенiями 19 февраля, разрѣшимъ только двумя способами: или общею выкупною мѣрою, или топорами: третьяго исхода нѣтъ, а нерѣшеннымъ вопросъ оставаться не можетъ; стало быть люди не желающiе насилiя, должны употреблять все, что только въ ихъ власти, для содѣйствiя выкупу" *)... На настроенiе Серно-Соловьевича, видимо, сильно повлiяли тѣ волненiя, которыя вызваны были среди крестьянъ многихъ губернiй объявленiемъ манифеста и положенiй 19 февраля. Описанiю этихъ волненiй онъ посвятилъ значительную часть своей брошюры. Осенью того же 1861 года онъ выпустилъ уже въ Петербургѣ рядъ нелегальныхъ прокламацiй подъ общимъ названiемъ „Великоруссъ", въ которыхъ заявлялъ прямо, что если правительство не введетъ обязательнаго выкупа надѣловъ и при томъ съ уплатою вознагражденiя помѣщикамъ не одними крестьянами, а всѣми платежеспособными классами населенiя, то въ 1863 г. непремѣнно разразится

*) „Окончательное рѣшенiе крестьянскаго вопроса". Берлинъ, iюнь 1861 г. стр. III.

повсемѣстное возстаніе и рѣзня *). Впрочемъ критическое отношеніе къ положеніямъ 19 февраля присуще было не однимъ радикаламъ. Ив. С. Аксаковъ въ томъ самомъ письмѣ, выписку изъ котораго мы привели выше, сознавая вполнѣ великое значеніе реформы 19 февраля, въ то же время не стѣснялся весьма рѣзко критиковать положеніе, причемъ высказывалъ въ сущности почти такія же мысли, какъ и Серно-Соловьевичъ въ своей заграничной брошюрѣ и нелегальныхъ петербургскихъ листкахъ. „...Это дурацкое *положеніе* писалъ между прочимъ Аксаковъ—на первой страницѣ объявляетъ, что земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика, и такимъ образомъ идетъ прямо на перекоръ народнымъ понятіямъ, выработаннымъ его историческою жизнью. Тутъ очень важенъ провозглашенный принципъ. Скажите крестьянину, что земля его, но что помѣщика слѣдуетъ вознаградить за эту землю,—вознаградить обязано государство (а не крестьянъ—выкупать!). Государству для этого нужны деньги, и участвовать въ этомъ вознагражденіи, наравнѣ съ другими, готовы и крестьяне. Это я слышалъ отъ мужичковъ. Вотъ теперь велѣно распространить на государственныхъ крестьянъ это же *положеніе*, и заставятъ, пожалуй, и ихъ выкупать землю. Это все равно, что заставить дерево выкупать ту землю, на которой и изъ которой оно растетъ. Признаюсь, чѣмъ больше я читаю *положеніе*, тѣмъ мнѣ грустнѣе становится, грустнѣе именно потому, что въ составленіи его участвовали близкіе мнѣ люди“ **)..

Сами крестьяне отнеслись къ реформѣ въ разныхъ мѣстахъ различно. Въ большинствѣ случаевъ *положеніе* понято

---

*) О прокламаціяхъ этихъ упоминается въ воспоминаніяхъ *Л. Ф. Пантелѣева*. Спб. 1905 г., стр. 230 и др. Текстъ прокламацій былъ напечатанъ по русски въ сборникѣ „За сто лѣтъ“ *Бурцева* и по французски въ приложеніяхъ къ книгѣ кн. *П. В. Долгорукова* „Des Reformes en Russie“ Paris, 1862, p. 286—310.

**) Письмо это приведено у *Барсукова* н. с. XVIII, стр. 15—16.

было превратно или вовсе не понято. Повсемѣстно большую горечь испытывали дворовые, которымъ, по положенію, приходилось еще два года нести ихъ рабскую службу господамъ. Очень непріятно поразила барщинныхъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ необходимость по прежнему отбывать барщину въ теченіи двухъ лѣтъ. Крестьяне не могли согласить понятіе о личной свободѣ съ сохраненіемъ, хотя бы на время, подневольнаго труда. Недоразумѣніе и путаница увеличивались еще самымъ порядкомъ объявленія новыхъ законодательныхъ актовъ. Государь подписалъ манифестъ, указъ сенату и положенія 19 февраля, а объявлена была воля въ столицахъ лишь 5 марта; въ провинціи же манифестъ объявлялся 9, 10, 11 и 12 марта, а положенія дошли по назначенію лишь черезъ нѣсколько недѣль. Мѣстныя власти лишь въ очень немногихъ губерніяхъ организовали это дѣло удовлетворительно и, кажется, въ одной только Калужской,— гдѣ губернаторомъ былъ В. А. Арцимовичъ,—заранѣе сформированъ былъ необходимый персоналъ вѣстниковъ-добровольцевъ, хорошо подобранный и подготовленный *). Въ остальныхъ губерніяхъ положенія вручались крестьянамъ помѣщиками, которымъ крестьяне не вѣрили, или полиціей, которая сама плохо понимала новый законъ—безъ всякихъ разъясненій **). Приглашались чтецы-грамотѣи, иногда за большія деньги, и вычитывали изъ положеній нерѣдко то, чего вовсе тамъ не было. При такихъ условіяхъ можно удивляться не тому, что послѣдовали въ разныхъ мѣстахъ волненія и безпорядки, а скорѣе тому, что волненія эти улеглись сравнительно довольно легко и, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, не доходили до кровавыхъ

---

*) *В. А. Арцимовичъ* — „Характеристики, воспоминанія". См. мою статью „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ", гл. VI, стр. 260—295.

**) „Объявленіе воли" у *Джаншіева* въ „Эпохѣ великихъ реформъ" изд. 7-ое, стр. 82 и слѣд.

столкновеній съ войсками. За то случаевъ сѣченія розгами, заточенія въ острогъ десятками человѣкъ сразу и тяжелыхъ для крестьянъ воинскихъ постоевъ—была масса. Самый трагическій кровавый исходъ получился въ селѣ Безднѣ Казанской губерніи. Здѣсь возставшими крестьянами руководилъ фанатикъ изъ старовѣровъ Антонъ Петровъ. Крестьяне были усмирены однимъ ружейнымъ залпомъ; но при этомъ было убито 55 человѣкъ и ранено 71. Антонъ Петровъ былъ тутъ же осужденъ полевымъ судомъ и разстрѣлянъ. Подобная же исторія, хотя и съ меньшимъ числомъ жертвъ, произошла въ Пензенской губерніи*). Бездненская катастрофа произвела на общество гнетущее впечатлѣніе**).

Главной причиной безпорядковъ и недоразумѣній почти повсемѣстно являлся отказъ крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала барщина, выходить на работы. Не будучи въ состояніи уразумѣть положенія, народъ, по образному выраженію Черкасскаго, пробовалъ, до какой степени простираются дарованныя ему новыми законами права***). Почти также изображалъ дѣло Самаринъ.

„Безграмотному люду—писалъ онъ въ письмѣ къ Кошелеву отъ 29 іюля 1861 г.—нужно было узнать, до какой степени можно теперь безнаказанно не слушаться приказчиковъ, грубить нарядчикамъ, не выходить на работу и дразнить помѣщиковъ. Народъ началъ расправлять свои усталые члены и потягиваться во всѣ стороны, но какъ скоро онъ ударялся объ стѣну, такъ онъ немедленно убиралъ свои

---

*) Довольно полный мартирологъ всѣхъ этихъ волненій и усмиреній приведенъ у *Серно-Соловьевича* въ назв. брошюрѣ, стр. 38—53. Сжатое и превосходное по рельефности описаніе Бездненской драмы, принадлежащее неизвѣстному автору и найденное въ бумагахъ *К. В. Чевкина*, помѣщено въ „Русск. Старинѣ“ за 1904 г., № 5, стр. 452.

**) См. описаніе общественнаго настроенія послѣ этой катастрофы у *Барсукова* н. с. XVIII, стр. 66—67.

***) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I. ч. II, стр. 449.

раскинутыя руки и ноги. Встрѣтивъ отпоръ, онъ зарубалъ себѣ на память: А! значитъ далеко зашелъ, этого нельзя. Согласитесь, это больше ничего, какъ своего рода процессъ чтенія Положенія... *Твердой стачки*, рѣшимости не работать и не слушаться—мы не встрѣтили нигдѣ" *)...

Черкасскій вынесъ эти впечатлѣнія изъ объѣзда своихъ имѣній, расположенныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Самаринъ описывалъ положеніе дѣлъ, наблюдавшееся имъ въ Самарской и Симбирской губерніяхъ, а корреспондентъ ихъ обоихъ, Кошелевъ, жившій въ Рязанской губерніи, подтверждалъ въ свою очередь справедливость этихъ наблюденій**).

Помѣщики во многихъ мѣстахъ преувеличивали стремленіе крестьянъ къ уклоненію отъ барщины и утверждали даже, что помѣщичьи поля останутся, благодаря положенію 19 февраля, безъ обработки. Но въ дѣйствительности это произошло лишь въ относительно ничтожныхъ размѣрахъ ***).

Самаринъ, отмѣчая въ письмахъ къ Кошелеву, что въ самое первое время послѣ объявленія воли въ народѣ циркулировало много „сумасбродныхъ толковъ, нелѣпыхъ ожиданій, Богъ вѣсть откуда всплывшихъ историческихъ воспоминаній и *угрозъ*", спѣшитъ тутъ же прибавить, что угрозы эти были далеко не искреннія, а такъ „пущенныя на вѣтеръ"****). Пора эта миновала довольно быстро безъ большихъ потрясеній.

С. И. Носовичъ, бывшій членомъ отъ правительства въ трехъ мировыхъ съѣздахъ Новгородской губерніи, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что крестьяне интересовались, главнымъ образомъ, хозяйственной перемѣной, введенной реформой; административная сторона, по его словамъ, интересовала ихъ

*) „Матеріалы для біогр. кн. Черкасскаго" I, ч. II, стр. 257.

**) Тамъ же стр. 149, примѣчаніе 1-ое

***) „В. А. Арцимовичъ" и проч., стр. 317 и слѣд. „Матеріалы для біографіи Черкасскаго", т. I, ч. II, стр. 265, 284 passim, „Записки" Носовича passim.

****) „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго" т. I, ч. II, 236.

гораздо меньше, а на юридическую они почти совсѣмъ не обратили вниманія *). Князь Черкасскій утверждалъ, однако же, что, напротивъ, крестьянъ чрезвычайно сильно поразила отмѣна помѣщичьяго права наказывать ихъ розгами. „Это ихъ обрадовало, —писалъ онъ—несказанно, значительно возвысило ихъ духъ и, кладя рѣзкую черту между ихъ прошедшимъ и будущимъ, болѣе всего, содѣйствовало къ развитію въ настоящую минуту самостоятельности въ крестьянствѣ“ **). Это свидѣтельство Черкасскаго, основанное на впечатлѣніяхъ его отъ объѣзда пяти губерній (Ярославской, Владимірской, Пензенской, Саратовской и Тульской), имѣетъ тѣмъ большую силу, что самъ онъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ сохраненія права „домашней расправы“ въ барщинныхъ имѣніяхъ. Подтвержденіе вѣрности подмѣченнаго имъ факта мы встрѣчаемъ также въ подробныхъ донесеніяхъ командированныхъ В. А. Арцимовичемъ лицъ для объявленія положеній во всѣхъ уѣздахъ Калужской губерніи ***). Вообще можно, сказать, что на эту сторону положеній крестьяне обращали тѣмъ больше вниманія, чѣмъ тяжелѣе приходилось испытывать имъ помѣщичій произволъ при крѣпостномъ правѣ. Поэтому, тогда какъ въ нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣніяхъ положеніе встрѣчалось равнодушно и даже съ опасеніемъ „не было бы хуже“, въ расположенныхъ рядомъ барщинныхъ имѣніяхъ вѣстниковъ воли встрѣчали съ колокольнымъ звономъ и съ радостными чаяніями ****).

Введеніе крестьянской реформы возложено было на губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, уѣздные мировые съѣзды и мировыхъ посредниковъ. Мировые посредники, отъ которыхъ, главнымъ образомъ, зависѣло осуществленіе

*) „Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки *С. И. Ноговича*“, стр. 19—20.

**) „Матеріалы и проч.“ т. I, ч. II, стр. 252.

***) „В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія—характеристики“, стр. 268 и и слѣд.

****) Тамъ же, стр. 270.

крестьянской реформы на мѣстахъ, по закону должны были избираться изъ числа мѣстныхъ дворянъ губернаторами по совѣщанiи съ предводителями дворянства и окончательно утверждались въ должности сенатомъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской разослалъ губернаторамъ 22 марта 1861 г. особый циркуляръ, въ которомъ обращалъ ихъ вниманiе на необходимость особенно осмотрительнаго выбора этихъ должностныхъ лицъ. „Нравственныя качества, требуемыя отъ должности мироваго посредника—писалъ министръ—показываетъ самое ея названiе. Главное ея назначенiе—быть примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословiй. Столь высокое призванiе не можетъ быть съ успѣхомъ выполняемо ни лицами, которыя своею прежнею общественною дѣятельностью или вообще своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного лишь сословiя, ни еще менѣе обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые по службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственныя, нерѣдко корыстныя выгоды“...

Указавъ далѣе, что для успѣха дѣла необходимо, чтобы посредники пользовались не только *властью* надъ крестьянами, но и полнымъ ихъ *довѣрiемъ*, министръ рекомендовалъ губернаторамъ въ этихъ видахъ приглашать въ посредники лишь такихъ лицъ, „*которыя извѣстны несомнѣннымъ сочувствiемъ къ преобразованiю и хорошимъ обращенiемъ съ крестьянами* *).

Этотъ циркуляръ былъ конечно очень полезною мѣрою, хотя далеко не всѣ губернаторы исполнили его въ точности. Многiе изъ нихъ не нашли въ себѣ нравственныхъ силъ противиться выбору дворянства**), другiе сами принимали дворянскiе интересы гораздо ближе къ сердцу, нежели крестьянскiе. Такiе губернаторы, какъ Арцимовичъ—въ Калугѣ, Гротъ—въ Самарѣ, Муравьевъ—въ Нижнемъ, Купрiяновъ—въ Пензѣ

*) „В. А. Арцимовичъ и проч.“, стр. 310—311.

**) Записки *С. И. Носовича*, стр. 7—16.

и Барановскій—въ Оренбургѣ—были на перечетъ. Остальные были по большей части далеко не на высотѣ положенія *). Тѣмъ не менѣе въ составъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва попали почти вездѣ, на ряду съ людьми болѣе или менѣе равнодушными, и тѣ идейные сторонники крестьянской реформы, которые искренно желали послужить великому дѣлу. Хорошему составу первыхъ посредниковъ благопріятствовала и та независимость этой должности отъ административныхъ властей, которая обезпечена ей была по закону.

Обязанности мировыхъ посредниковъ по введенію въ дѣйствіе крестьянской реформы были чрезвычайно сложны и разнообразны. Задачею ихъ съ одной стороны являлось устройство матеріальнаго быта крестьянъ, съ другой введеніе новыхъ крестьянскихъ выборныхъ должностей, организація правильныхъ сходовъ, открытіе волостныхъ судовъ, разъясненіе крестьянамъ ихъ новыхъ правъ и обязанностей, а равно надзоръ за правильнымъ ходомъ всѣхъ этихъ учрежденій и разборъ многочисленныхъ споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными.

---

*) „Пересматривая именной списокъ этихъ важныхъ должностныхъ лицъ—писалъ въ 1858 г. авторъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія въ Россіи"—можно утвердительно и по строгой совѣсти сказать, что въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія; изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности; изъ остальныхъ 21 десять могутъ быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши, и только два могутъ быть названы образцовыми: самарскій Гротъ и калужскій Арцимовичъ", т. II, стр. 462. Я. А. Соловьевъ къ числу хорошихъ губернаторовъ причислялъ еще нижегородскаго А. Н. Муравьева и оренбургскаго—Е. II. Барановскаго. Кромѣ того, доброжелательны къ реформѣ, хотя и не такъ энергичны, были, по его словамъ, казанскій — Козляниновъ, владимірскій—Тиличеевъ, тверской—гр. Барановъ и таврическій — Жуковскій. Записки Соловьева, „Русская Старина" за 1882 годъ № 10, стр. 135—137.

Изъ этихъ дѣлъ самымъ важнымъ и самымъ сложнымъ являлось составленіе и повѣрка уставныхъ грамотъ. Въ уставныхъ грамотахъ опредѣлялось, какъ поземельное устройство крестьянъ, такъ и размѣръ возложенныхъ на крестьянъ повинностей. Составленіе грамотъ предоставлено было помѣщикамъ, которые могли составлять ихъ или по добровольному соглашенію съ крестьянами, или согласно опредѣленнымъ въ положеніяхъ нормамъ. На представленіе грамотъ помѣщикамъ данъ былъ годичный срокъ, послѣ чего обязанность эта переходила къ посредникамъ, а помѣщикъ уже лишался права жаловаться на дѣйствія мирового посредника по существу. Жалобы крестьянъ на дѣйствіе помѣщиковъ разбирались посредниками и ими же провѣрялись и удостовѣрялись заключенныя между помѣщиками и крестьянами добровольвольныя сдѣлки. Составленіе и утвержденіе уставныхъ грамотъ должно было быть окончено къ веснѣ 1863 г. На дѣлѣ оно повсемѣстно нѣсколько запоздало. Не трудно себѣ представить, сколько приходилось при этомъ разрѣшить споровъ, побороть недоразумѣній и предубѣжденій, иногда самыхъ нелѣпыхъ, и сколько раскрыть и устранить злоупотребленій и корыстныхъ поползновеній. Нерѣдко приходилось мировымъ посредникамъ бороться съ предубѣжденіями крестьянъ и защищать противъ нихъ ихъ собственные реальные интересы. Такъ напримѣръ, возможность получить даровой четвертной надѣлъ, впослѣдствіи получившій наименованіе нищенскаго, соблазняла крестьянъ во многихъ губерніяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ земли было много и гдѣ слѣдовательно арендныя цѣны были невелики. Крестьянамъ казалось въ такихъ случаяхъ получить даромъ усадьбу и четвертую часть высшаго надѣла дѣломъ безусловно выгоднымъ, такъ какъ они полагали, что для пашни имъ всегда легко будетъ нанять землю по дешевой цѣнѣ у своихъ или у сосѣднихъ помѣщиковъ. К. Д. Кавелинъ подробно описалъ въ особой статьѣ, какъ его бывшіе крѣпостные въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи потребовали у него дарового чет-

вертнаго надѣла, причемъ взяли не пашню, а солончаковую степь (по 3 десятины солончаковъ за 1 десятину пашни) именно съ такимъ разсчетомъ, чтобы обезпечить свой скотъ выгономъ, а подъ пашню арендовать землю у него-же. Кавелинъ долго доказывалъ крестьянамъ невыгодность для нихъ такой операціи, но они все-таки его не послушали *). Подобныхъ случаевъ въ Самарской и Саратовской губерніяхъ было много. Были они и во многихъ другихъ губерніяхъ **).

Въ первое время мировымъ посредникамъ приходилось потратить больше всего хлопотъ и усилій на разъясненіе крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей по положенію и убѣдить ихъ въ необходимости выполнять опредѣленныя по закону повинности. При этомъ во многихъ мѣстахъ наблюдалось такое явленіе, что помѣщики, отчаявшись въ возможности добиться правильнаго отбыванія барщины, стали стремиться къ скорѣйшему переводу крестьянъ на оброкъ, или къ заключенію выкупныхъ сдѣлокъ, крестьяне же кое-гдѣ предпочитали оставаться на барщинѣ, расчитывая, что помѣщикъ при новыхъ порядкахъ не будетъ въ состояніи заставить ихъ работать, какъ слѣдуетъ. Помѣщики поднимали въ такихъ случаяхъ страшный шумъ, который, какъ мы увидимъ, производилъ на правительство довольно сильное впечатлѣніе.

Не мало хлопотъ для мировыхъ учрежденій вызывало на первыхъ порахъ открытіе волостей, организація выборовъ и устройство волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ. Здѣсь приходилось дѣйствовать часто ощупью и преодолѣвать цѣлый рядъ препятствій и вѣковыхъ предразсудковъ, сложившихся въ крестьянской средѣ. Тѣмъ не менѣе современники, стоявшіе близко къ дѣлу въ разныхъ губерніяхъ,

---

*) Собраніе сочиненій *К. Д. Кавелина*, т. II, стр. 707 и слѣд.

**) *Янсонъ* „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“ стр. 47 и слѣд. Подробное выясненіе причинъ этого явленія см. у *Д. Ф. Самарина* „Собраніе статей, рѣчей и докладовъ“, стр. 56—60 (въ статьѣ по поводу книги Янсона).

удостовѣряютъ что *первые* выборы волостныхъ старшинъ были произведены довольно удачно. На введеніе въ дѣйствіе сельскаго и волостнаго управленія въ положеніи назначенъ былъ восьмимѣсячный срокъ; но во многихъ мѣстахъ открытіе волостей послѣдовало гораздо скорѣе *). И помѣщики, и правительство очень опасались отсутствія на мѣстахъ близкой къ народу власти и торопили посредниковъ съ этимъ дѣломъ.

Въ общемъ реформа вошла въ жизнь гораздо спокойнѣе и скорѣе, нежели можно было ожидать, особенно если принять во вниманіе, что *чаяній и мечтаній крестьянъ положенія 19 февраля нигдѣ вполнѣ не удовлетворили* **). Многіе опасались повторенія волненій въ средѣ крестьянъ весной 1863 года, такъ какъ крестьяне, объясняя по своему сроки, назначенные въ законѣ для прекращенія барщины и обязательной службы дворовыхъ, надѣялись, во многихъ мѣстахъ, что черезъ два года послѣ объявленія манифеста 19 февраля, объявлена будетъ „чистая воля", при чемъ не только прекратятся всякіе повинности и платежи въ пользу помѣщиковъ за отведенные крестьянамъ надѣлы, но отъ помѣщиковъ будетъ отобрана и подѣлена между крестьянами и вся остальная занадѣльная земля, а самихъ помѣщиковъ царь возьметъ на жалованье. Что толки подобнаго рода циркулировали во многихъ мѣстахъ, объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ и указаній современниковъ; кое гдѣ среди крестьянъ распространялись такъ называемыя „золотыя грамоты", въ которыхъ отъ имени Царя имъ предлагалось отобрать у помѣщиковъ землю. Однако же на дѣлѣ никакихъ особенныхъ волненій весною 1863 года не послѣдовало.

---

*) „В. А. Арцимовичъ", стр. 324. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго" I, ч. II, стр. 259, 265 и др.

**) „В. А. Арцимовичъ", стр. 320—321. „Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго" I, ч. II, passim. „Записки" *А. И. Кошелева*, стр. 130 „Записки" *С. И. Никовича*, стр. 84—86 и passim.

Крестьяне, скрѣпя сердце, приняли положеніе, не зная еще хорошенько, какъ отзовется оно на ихъ матеріальномъ бытѣ.

Но борьба крѣпостниковъ и плантаторовъ противъ эмансипаціи съ изданіемъ положеній 19 февраля не прекратилась. Тревожные крики о разореніи и одичаніи страны, о разнузданности крестьянъ и о близкомъ наступленіи пугачевщины и рѣзни продолжались по прежнему, и утомленное напряженной четырехлѣтней борьбой правительство, мечтая объ успокоеніи и отдыхѣ, стало явно обнаруживать готовность идти на уступки въ пользу помѣщиковъ. Первыми жертвами наступившей реакціи оказались тѣ люди, которые, стоя въ центрѣ крестьянскаго дѣла, считались главными врагами дворянства. Ланской и Милютинъ получили отставку, которой сами они не просили *). Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. А. Валуевъ, писавшій въ 1860 г. по заказу М. Н. Муравьева и кн. В. А. Долгорукаго критику на проектъ редакціоныхъ комиссій и охотно поддерживавшій своими совѣтами въ 1859 году представителей дворянской аристократической партіи въ ихъ оппозиціи Ростовцеву **).

„И Ланского, и меня—писалъ Н. А. Милютинъ кн. Черкасскому—устранили отъ министерства, не дождавшись иниціативы съ нашей стороны. Намъ объявили, что это необходимо для примиренія съ дворянствомъ, и, кажется, серіозно думаютъ, что такая скромная жертва утѣшитъ благородное сословіе. Валуевъ, въ свою очередь, громогласно заявляетъ со свойственнымъ ему классическимъ краснорѣчіемъ, что онъ будетъ исполнять Положеніе *строго* и *буквально*, но *въ духѣ примиренія*. Задача, какъ видите, нелегкая! Что изъ всего этого выйдетъ, трудно предсказать. Но, кажется несомнѣнно, что опять начинается то трагикомическое *qui pro quo*, котораго мы были свидѣтелями: между государемъ, съ одной стороны и его многочисленною дворнею—съ другой. Онъ искренно

---

*) *A. Leroy-Beaulieu* „Un homme d'état russe, p. 73 ets.

**) „Дневникъ“ *П. А. Валуева* „Русск. Стар.“ за 1891 г. №№ 5 и 6.

желаетъ, какъ по всему видно, добросовѣстнаго введенія реформы; *она*, т.-е. дворня, хотя и привыкла ставить вопросъ личнаго вліянія выше всѣхъ другихъ, но на этотъ разъ хранитъ, очевидно, затаенную надежду передѣлать то, что сдѣлано, на свой ладъ. Кто выйдетъ побѣдителемъ?..

„Истинная борьба—писалъ далѣе Милютинъ—теперь будетъ не здѣсь, а на мѣстахъ. Отъ души желаю, чтобы люди передовые не уклонились отъ нея, и тогда всѣ придворныя и канцелярскія ухищренія будутъ также безсильны, какъ безсильна до сихъ поръ крамольная оппозиція чиновныхъ помѣщиковъ“ *)...

Предсказанія Милютина оказались справедливыми, и борьба за плантаторскіе интересы и привилегіи, дѣйствительно, сосредоточилась, главнымъ образомъ, на мѣстахъ. Крѣпостники стали направлять свои нападки на тѣхъ мировыхъ посредниковъ, на тѣ губернскія присутствія и на тѣхъ губернаторовъ, которые желали точно придерживаться положеній 19 февраля и отстаивали законные права и интересы вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Вся политика новаго министра внутреннихъ дѣлъ заключалась въ томъ, чтобы елико возможно успокоить и ублаготворить дворянъ-помѣщиковъ и всячески подтянуть и обуздать крестьянъ при малѣйшихъ признакахъ неповиновенія. Въ проведеніи этой политики Валуевъ встрѣтилъ однако же препятствіе со стороны нѣсколькихъ начальниковъ губерній, которыхъ онъ сталъ дѣятельно преслѣдовать. Лучшіе изъ губернаторовъ, не сочувствовавшіе новому курсу, принуждены были удалиться. Такъ ушли со своихъ мѣстъ одинъ за другимъ: А. Н. Муравьевъ—изъ Нижняго-Новгорода, Гротъ—изъ Самары, Барановскій—изъ Оренбурга, Купріяновъ—изъ Пензы. Дольше и упорнѣе всѣхъ оказывалъ сопротивленіе новому курсу В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ, но Валуеву удалось, наконецъ, свести и его съ губернаторскаго поста, хотя и не безъ труда,

*) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, ч. II, стр. 277.

путемъ назначенія его въ сенаторы *). Слѣдуетъ отмѣтить, что калужскіе дворяне, ненавидѣвшіе Арцимовича и сформированный имъ персоналъ мировыхъ учрежденій, звали его атаманомъ, а мировыхъ посредниковъ шайкою разбойниковъ, хотя дѣятельность этихъ людей была глубоко проникнута гуманитарными началами и основывалась на строгомъ и нелицепріятномъ уваженіи къ закону **).

Съ мировыми посредниками министерству внутреннихъ дѣлъ было труднѣе справиться, нежели съ непокорными губернаторами. Институтъ этотъ былъ поставленъ настолько независимо, что члены его не боялись никакихъ министерскихъ воздѣйствій и нерѣдко отказывались выполнять тѣ циркулярныя предписанія, которыя они находили несогласными съ дѣйствующимъ закономъ ***). Пожеланіе же Н. А. Милютина, чтобы люди передовые не уклонились отъ этой борьбы, исполнилось въ значительной мѣрѣ: всѣ лучшіе участники крестьянской реформы, ратоборствовавшіе въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ за интересы крестьянъ, приняли дѣятельное участіе въ проведеніи реформы въ жизнь, въ качествѣ мировыхъ посредниковъ и членовъ губернскихъ присутствій. Это осуществилось благодаря тому, что учрежденія эти были сформированы до вступленія въ должность П. А. Валуева ****). Къ прежнимъ дѣятелямъ губернскихъ комитетовъ присоединилось много молодыхъ людей, недавно кончившихъ университеты и вынесшихъ изъ нихъ стремленіе къ идеаламъ правды и добра *****). Заставить этихъ дѣятелей удалиться съ своего поста было почти невозможно, такъ какъ удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ должности и наложеніе на нихъ дисципли-

*) „В. А. Арцимовичъ“ стр. 274—384.

**) Ibidem, стр. 321.

***) Ibidem, стр. 402.

****) Срав. ст. *П. М. Страховскаго* въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, стр. 382 и слѣд.

*****) Воспоминанія *П. Н. Обнинскаго* „В. А. Арцимовичъ въ Калугѣ въ 1861—1863 гг.“, сборникъ въ память В. А. Арцимовича, стр. 109 и слѣд.

нарныхъ взысканій зависѣло по закону не отъ министерства, а отъ сената. Желая избавиться отъ непріятныхъ мировыхъ посредниковъ, Валуевъ пытался соблазнить нѣкоторыхъ изъ нихъ предложеніемъ выгодныхъ должностей вдали отъ мѣста ихъ дѣятельности, но неудачно *). Въ тоже время онъ вошелъ въ главный комитетъ по дѣламъ сельскаго состоянія съ проектомъ измѣненія порядка увольненія мировыхъ посредниковъ отъ должности, въ видахъ ближайшаго подчиненія ихъ министерству внутреннихъ дѣлъ **). Но главный комитетъ отклонилъ это предположеніе справедливо указавъ, что осуществленіе его оттолкнуло бы отъ этихъ должностей лучшія мѣстныя силы. Тогда Валуевъ употребилъ въ дѣло довольно коварную уловку; онъ поднялъ вопросъ о необходимости сократить число мировыхъ участковъ, будто бы въ видахъ экономіи, и провелъ эту мѣру черезъ губернскія присутствія при содѣйствіи покорныхъ ему губернаторовъ. Уничтожались при этомъ какъ разъ тѣ участки, въ которыхъ сидѣли наиболѣе независимые посредники ***). Однако же, прежде нежели Валуевъ успѣлъ привести это въ исполненіе, большая часть уставныхъ грамотъ была уже составлена и утверждена и, такимъ образомъ, мировые посредники перваго призыва успѣли таки почти вездѣ съ честью исполнить принятыя на себя отвѣтственныя обязанности. Мѣры, пущенныя въ ходъ Валуевымъ, не могли поэтому исказить слишкомъ значительно примѣненіе положеній на мѣстахъ; но за то стремленіе его сломить независимость мировыхъ учрежденій отразилось въ концѣ-концовъ на пониженіи нравственнаго уровня ихъ личнаго состава, а это въ свою очередь не могло не подѣйствовать на ходъ дѣлъ въ только что образованныхъ волостныхъ правленіяхъ и судахъ, дѣятельность которыхъ зависѣла въ боль-

*) Ibidem, стр. 401.
**) „Крестьянскій строй", стр. 389.
***) „В. А. Арцимовичъ", стр. 403.

шой мѣрѣ отъ характера и порядка надзора и руководства, осуществлявшихся мировыми посредниками.

Редакціонныя комиссіи, хотя и признавали необходимымъ дать освобожденнымъ крестьянамъ самоуправленіе въ ихъ сельскомъ быту, поставили однако же это дѣло—какъ мы видѣли— на очень шаткія основанія, лишивъ съ самаго же начала выборныя крестьянскія учрежденія всякой самостоятельности. Лучшія губернскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ пытались въ первое время послѣ изданія Положенія поправить это дѣло при помощи руководящихъ разъясненій о необходимости для мировыхъ посредниковъ тщательной охраны самостоятельности рѣшеній крестьянскихъ сходовъ и волостныхъ судовъ отъ всякаго вмѣшательства въ сферу ихъ дѣятельности различныхъ правительственныхъ властей, въ томъ числѣ и самихъ мировыхъ посредниковъ, которые, по разъясненію, напримѣръ, Калужскаго губернскаго присутствія, отнюдь не должны были считать себя начальниками волостныхъ судовъ и сельскихъ сходовъ *). Но взглядъ этотъ совершенно не соотвѣтствовалъ бюрократическимъ тенденціямъ, восторжествовавшимъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Валуевѣ, и крестьянскія выборныя учрежденія, образованныя по положенію 19 февраля, очень скоро утратили всѣ черты органовъ самоуправленія и превратились въ низшіе полицейскіе органы, вполнѣ подчиненные уѣзднымъ полицейскимъ и административнымъ властямъ.

Якобы „примирительная" политика Валуева никого однако же не примирила и, на ряду съ радикально-демократическимъ движеніемъ, сильно распространившимся въ кругу

---

*) *Тамъ-же*, стр. 327. Срав. ст. г. *Страховскаго* въ сборникѣ „Крестьянскій строй", стр. 394. Г. Страховскій упоминаетъ о случаѣ, когда одно губернское присутствіе, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, возбудило дисциплинарное производство противъ мирового посредника, который произвелъ, по просьбѣ крестьянъ, учетъ суммъ въ волостномъ правленіи. Присутствіе усмотрѣло въ этомъ незаконное вмѣшательство въ мірскія дѣла.

молодежи и выразившимся осенью 1861 г. въ студенческихъ безпорядкахъ,—въ дворянскихъ кругахъ также развилось въ это время всеобщее недовольство и возбужденіе, выразившееся въ конституціонномъ движеніи. Дворянское конституціонное движеніе, выросшее изъ оппозиціонныхъ адресовъ и заявленій 1859 года, съ самаго же начала раздѣлилось на двѣ струи, изъ которыхъ одна выражала собою олигархическо-крѣпостническія тенденціи дворянъ аристократовъ, представителями которыхъ являлись Безобразовы, Орловы-Давыдовы, Мальцовы, Шуваловы и имъ подобные; а другая отражала въ себѣ либерально-демократическія стремленія, выразителями которыхъ явились наиболѣе образованные представители средняго помѣщичьяго круга, главнымъ образомъ, нечерноземныхъ губерній. Главными дѣятелями этого направленія оказались тверскіе помѣщики, имѣвшіе въ своей средѣ такихъ замѣчательныхъ представителей, какъ Унковскій, Европеусъ, Головачовъ, братья Бакунины и др. Къ нимъ примыкали многія лица и въ другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ (Владимірской, Новгородской, Калужской). Представители этого направленія отказывались отъ всякихъ дворянскихъ привилегій и преимуществъ, желали скорѣйшаго уничтоженія всякихъ сословныхъ перегородокъ и требовали, чтобы вмѣстѣ съ полнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостного права, и прочія сословія были освобождены отъ полицейскаго произвола и гнета бюрократіи. Въ цѣляхъ скорѣйшей и окончательной ликвидаціи крѣпостного строя, они требовали введенія обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, широкаго мѣстнаго самоуправленія, въ основу котораго они клали всесословную волость, немедленной податной реформы на справедливыхъ демократическихъ основаніяхъ, полной ликвидаціи дореформеннаго полицейско-административнаго строя и введенія правильнаго судебнаго устройства, въ основу котораго они принимали судъ присяжныхъ и право привлеченія къ судебной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ частными лицами. На ряду съ этимъ они требовали личной неприкос-

новенности гражданъ, свободы собраній, петицій, печати и слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждали, что бюрократія даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и при самомъ благожелательномъ настроеніи высшей власти не въ состояніи дать странѣ всѣ эти преобразованія и потому они требовали созыва народныхъ представителей, которые одни могли бы выработать правильное конституціонное устройство. Такія именно требованія были формулированы тверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ февралѣ 1862 года. Въ постановленіи своемъ, поставивъ во главу угла вопросъ о необходимости немедленнаго обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ и перечисливъ необходимыя преобразованія въ гражданскомъ строѣ страны, тверское дворянство высказывало убѣжденіе, что „осуществленіе этихъ реформъ невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. По сему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій“.

Соотвѣтственно съ этимъ былъ редактированъ и адресъ императору. На первомъ планѣ въ немъ также указывалось на необходимость обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ; заявляя далѣе о необходимости упраздненія всякой сословной розни, податели между прочимъ писали: „Дворяне, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей.

Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копѣйки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей соотвѣтственно состоянію каждаго.

„Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ, въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія".

Указавъ затѣмъ на отсутствіе взаимнаго пониманія между правительствомъ и дворянствомъ, податели адреса такъ заключили свои ходатайства:

„Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, не смотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благожелательности не только для удовлетворенія, но и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными, потому что принимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа.

„Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля".

Запѣвалами и вожаками движенія, выразившагося въ этомъ постановленіи и адресѣ, являлись въ Тверской губерніи ми-

ровые посредники, по инициативѣ которыхъ дворянское собраніе и разсмотрѣло эти вопросы. По окончаніи собранія тѣ же посредники, въ числѣ 10 —подъ предсѣдательствомъ новоторжскаго предводителя Алексѣя Александровича Бакунина и при участіи тверского уѣзднаго предводителя Балкашина и члена тверского губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Ник. Алекс. Бакунина,—постановили принять это постановленіе дворянскаго собранія къ руководству въ своей дѣятельности въ качествѣ мировыхъ посредниковъ. П. А. Валуевъ, не рѣшавшійся принять какихъ-либо мѣръ противъ дворянскаго собранія, обрушился на этихъ посредниковъ. Они были арестованы, отвезены въ Петербургъ, посажены въ Петропавловскую крѣпость и преданы суду Сената, который послѣ пятимѣсячнаго заключенія ихъ въ крѣпости, присудилъ ихъ всѣхъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на сроки отъ 2 лѣтъ до 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ и къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (въ томъ числѣ права участія въ общественныхъ выборахъ). Сидѣть въ смирительномъ домѣ этимъ посредникамъ не пришлось лишь благодаря заступничеству петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова, но въ правахъ нѣкоторые изъ нихъ такъ и не были возстановлены до самой смерти *).

Дворянство другихъ губерній прямо не поддержало этихъ заявленій тверскаго дворянства, но конституціонное движеніе вообще получило въ 1862 г. чрезвычайно сильное распространеніе въ дворянской средѣ. По рукамъ въ это время ходило множество проектовъ адресовъ и заявленій, составленныхъ самыми разнообразными по своимъ стремленіямъ группами и людьми. Въ числѣ ихъ былъ адресъ, составленный Серно-Соловьевичемъ съ программой, однородной съ выше-

*) Исторія эта изложена отчасти въ ст. *Ф. Л. Пантелѣева*, въ сборникѣ „На славномъ посту“; любопытный эпилогъ къ ней разсказанъ по воспоминаніямъ Н. П. Семенова у *Н. П. Барсукова* въ XIX части „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“, стр. 31—35.

приведенной программой „Великорусса", и адресъ, составленный въ Лондонѣ Н. П. Огаревымъ въ расчетѣ, главнымъ образомъ, на недовольныхъ крестьянской реформой помѣщиковъ; противъ послѣдняго адреса возстали К. Д. Кавелинъ и И. С. Тургеневъ.

Въ виду неумѣренныхъ нападокъ на положеніе 19 февраля, заключавшихся въ Огаревскомъ проектѣ адреса, Тургеневъ, указывая на безтактность такихъ нападокъ, писалъ, между прочимъ, что „съ Положенія начинается новая эра Россіи". Въ письмѣ отъ 16 окт. 1862 г. Тургеневъ заявлялъ по поводу того же адреса, что „Земля приняла Положеніе" и что въ весьма скоромъ времени она даже „сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о Положеніи и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ..." *). Противъ конституціонныхъ заявленій выступилъ въ 1862 г. Ю. Ф. Самаринъ. Его аргументація была чисто народническая. Онъ утверждалъ, что „народной конституція у насъ *пока* (т. е. въ 1862 г.) быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства—есть ложь и обманъ..." **). Наоборотъ Чернышевскій, высказывавшійся въ 1858 г. противъ конституціонныхъ увлеченій, именно съ народнической точки зрѣнія ***), въ 1862 г., послѣ тверскихъ заявленій, выразилъ имъ полное сочувствіе и полную свою солидарность съ ними въ любопытной статьѣ подъ заглавіемъ „Письма безъ адреса", напечатанной впрочемъ впервые лишь въ 1874 г. ****).

Неизвѣстно къ чему привело бы это движеніе, если бы оно не было неожиданно заглушено и задавлено польскимъ воз-

*) *Батуринскій* „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые". стр. 183 *Барсуковъ*, н. с., ч. XIX, стр. 25 и слѣд.

**) „Русь" за 1883 г.

***) Статьи его въ „Современникѣ" за 1858 г. о Кавеньякѣ и о политическихъ партіяхъ во Франціи.

****) Въ журналѣ „Впередъ", издававшемся П. Л. Лавровымъ заграницей.

станіемъ и сопутствовавшими ему угрозами иноземныхъ правительствъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, что вызвало въ свою очередь взрывъ патріотизма и шовинизма въ молодомъ русскомъ обществѣ, которое отвернулось тогда отъ Герцена и Чернышевскаго и пошло вслѣдъ за Катковымъ по пути реакціи.

Польское возстаніе вызвало экстренныя мѣры по крестьянскому вопросу въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ западномъ краѣ, въ силу указовъ 1 марта и 2 ноября 1863 г. и 28 апрѣля 1865 г., введенъ былъ обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, съ пониженіемъ выкупныхъ платежей на 20°/₀ противъ опредѣленныхъ въ уставныхъ грамотахъ оброковъ; кромѣ того допущено было въ особенныхъ случаяхъ пониженіе оброка болѣе чѣмъ на 15°/₀ противъ опредѣленнаго Положеніемъ 19 февраля; крестьянамъ повелѣно было отвести всю землю, находящуюся *дѣйствительно* въ ихъ пользованіи: неправильно составленные выкупные договоры и уставныя грамоты прежняго времени предписано было исправить, причемъ дѣло это поручено было вызваннымъ изъ Россіи мировымъ посредникамъ, за черезчуръ „красный" подборъ которыхъ Александръ II впослѣдствіи упрекалъ генералъ-губернатора Муравьева. Дѣйствіе этихъ законовъ распространено было на губерніи Витебскую и Могилевскую. Тогда же послѣдовало распоряженіе о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ сѣверо-западнаго края тремя десятинами земли на семью и объ устройствѣ быта батраковъ и бобылей западныхъ уѣздовъ Витебской губерніи.

Въ результатѣ этихъ мѣропріятій получилось увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ въ этихъ губерніяхъ на 25—70°/₀ и уменьшеніе повинностей отъ 60 до 182°/₀ въ юго западныхъ губерніяхъ и отъ 2 до 16°/₀ въ сѣверо-западныхъ *).

Въ Царствѣ Польскомъ введены были указы 19 февраля

*) *Янсонъ*, н. с., стр. 111—112.

1864 г., выработанные Милютинымъ при содѣйствіи Ю. Ф. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго на подобныхъ же основаніяхъ *).

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на оцѣнкѣ этихъ законодательныхъ актовъ, безъ сомнѣнія положившихъ прочное основаніе улучшенію матеріальнаго быта крестьянъ въ этихъ провинціяхъ, но въ то же время сознательно эксплоатировавшихъ антагонизмъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ и намѣренно поддерживавшихъ рознь между обоими классами, въ цѣляхъ обезпеченія побѣды въ этомъ краю русскому государственному началу. Но мы не можемъ однако же не отмѣтить теперь-же, что тѣ пріемы административныхъ воздѣйствій, которые здѣсь вырабатывались и пускались въ ходъ представителями крестьянской администраціи, не остались безъ вліянія на направленіе и настроеніе центральныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ крестьянскомъ дѣлѣ внутри имперіи. Многіе дѣятели крестьянскаго дѣла, здѣсь воспитавшіеся въ школѣ Милютина и Муравьева, переходя впослѣдствіи на службу въ центральныя учрежденія по крестьянскому дѣлу, уносили съ собой извѣстные навыки и пріемы репрессіи съ одной стороны и твердое убѣжденіе въ необходимости и полезности сохраненія крестьянской обособленности среди другихъ сословій и классовъ общества—съ другой. Эти реакціонныя тенденціи и привычки вливались питательной струей въ тотъ общерусскій потокъ реакціи, который образовался впервые послѣ польскаго возстанія и затѣмъ неудержимо ширился и разливался сплошной рѣкой послѣ 1866 года...

---

*) Срав. мою статью „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“ въ сборникѣ моихъ статей „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“ Спб. 1905 г.

ГЛАВА VIII.

Распространеніе Положенія 19 февраля на удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ.—Ходъ выкупной операціи.—Тяжесть крестьянскихъ повинностей.—Голодъ 1867 г.—Голосъ земства.—Тяжелое положеніе крестьянъ нечерноземныхъ губерній.—Черноземныя губерніи.—Малоземелье.—Арендный вопросъ.—Валуевская комиссія 1872 г.—Самарскій голодъ 1873 г.—Упраздненіе мировыхъ посредниковъ и введеніе уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ.—Итоги крестьянскаго дѣла въ первое десятилѣтіе послѣ 1861 года.

Когда, послѣ „усмиренія Польши", правительство снова обратилось на путь реформъ, на очереди стояли судебная, земская и университетская реформы, которыя и были проведены въ жизнь съ большими или меньшими урѣзками, въ періодъ 1863—1865 г. г. Крестьянское дѣло отошло на второй планъ. Мировые посредники 2-го призыва, усвоившіе себѣ въ значительной мѣрѣ Валуевскіе тенденціи и взгляды на дѣло и вообще относившіеся къ нему равнодушно, не возбуждали никакихъ острыхъ и общихъ вопросовъ и занимались больше возстановленіемъ дворянскаго престижа, воспитывая въ тоже время представителей такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія въ духѣ подчиненности властямъ предержащимъ...

Вопросъ податной, прямо вытекавшій изъ факта ликвидаціи прежнихъ крѣпостныхъ отношеній, былъ совершенно затертъ другими вопросами дня, а крестьяне и помѣщики приспособлялись потихоньку къ новымъ условіямъ сельскаго быта...

Въ 1863 г. принципы реформы 19 февраля были распространены на удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ кре-

стьянъ; въ 1866 тѣмъ же принципамъ были подчинены казенные (государственные) крестьяне, причемъ границы волостей крестьянъ разныхъ наименованій, прежде нерѣдко чрезполосныя, были исправлены, и крестьяне всѣхъ вѣдомствъ слились въ административномъ отношеніи въ одну общую группу населенія, подчиненную на одинаковыхъ правахъ общимъ полицейскимъ и административнымъ властямъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удѣльные крестьяне были въ сущности освобождены отъ крѣпостнаго права и сравнены въ правахъ съ казенными еще по указу 20 іюня 1858 г., но до 1863 г. они оставались въ управленіи удѣльнаго вѣдомства. 26 августа 1859 г. послѣдовалъ указъ о сравненіи въ правахъ съ казенными крестьянами крестьянъ государевыхъ и дворцовыхъ, но и они оставались въ управленіи удѣловъ до 1863 г.*).

Казенные (государственные) крестьяне получили административное устройство одинаковое съ бывшими помѣщичьими по указу 18 января 1866 г.; поземельное же устройство ихъ было окончательно опредѣлено нѣсколько позже—указомъ 24 ноября 1866 г.**).

Въ правовомъ и административномъ отношеніяхъ, какъ на государственныхъ, такъ и на удѣльныхъ крестьянъ, были распространены всѣ постановленія положенія 19 февраля. Въ отношеніи же поземельнаго устройства вначалѣ предположены были для тѣхъ и другихъ весьма значительныя урѣзки ранѣе существовавшихъ надѣловъ; но затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и въ особенности послѣ выхода въ отставку въ концѣ 1862 г. министра государственныхъ иму-

*) „Исторія удѣловъ“ т. II, стр. 525—527.

**) Впослѣдствіи оба эти указа соединены были вмѣстѣ и составили „Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ“ и въ такомъ видѣ вошли подъ № VII въ особое приложеніе къ IX тому свода законовъ. Въ изданіи *Горемыкина* (изд. 1900 г.) это Положеніе напечатано въ 2 части I тома, стр. 1037—1239 со всѣми дальнѣйшими измѣненіями и дополненіями.

ществъ, управлявшаго и удѣлами, М. Н. Муравьева, рѣшено было для крестьянъ обоихъ этихъ вѣдомствъ сохранить приблизительно прежнее ихъ землепользованіе. При этомъ, однако же, въ тѣ общества государственныхъ крестьянъ, гдѣ земельные надѣлы превышали установленную въ прежнее время норму (15 дес. на душу въ многоземельныхъ и 8 дес. въ малоземельныхъ губерніяхъ), правительство предоставило себѣ въ теченіи 3 лѣтъ переселить соотвѣтствующее число переселенцевъ*). Въ концѣ концовъ, какъ удѣльные, такъ и въ особенности государственные, крестьяне въ большей части губерній оказались матеріально гораздо лучше обставленными, нежели помѣщичьи **).

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что земли удѣльныхъ крестьянъ были по закону 1863 г. съ самаго же начала переданы имъ *въ собственность* на началахъ обязательнаго выкупа.

Земское положеніе 1 января 1864 г. открыло крестьянамъ доступъ къ участію вмѣстѣ съ другими сословіями и на равныхъ съ ними правахъ въ земскомъ (уѣздномъ и губернскомъ) самоуправленіи. Крестьяне были лишь нѣсколько обижены, по сравненію съ частными землевладѣльцами, при составленіи росписанія числа гласныхъ отъ каждаго избирательнаго съѣзда, т. е. отъ каждой группы уѣзднаго населенія ***).

---

*) Ходъ работъ по преобразованію удѣльныхъ крестьянъ подробно изложенъ въ „Исторіи Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“, изд. Удѣльнымъ вѣдомствомъ въ 1903 г., т. II, стр. 525 и слѣд.—Съ меньшей обстоятельностью изложенъ ходъ дѣла по преобразованію государственныхъ крестьянъ въ „Историческомъ обозрѣніи пятидесятилѣтней дѣятельности мин-ва госуд. имуществъ“, изд. въ 1888 г., ч. II отд. II, стр. 177 и слѣд.

**) Срав. *Янсона* „Опытъ статистич. изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“ Спб. 1881 (изд. 2-ое) passim.

***) Государственный совѣтъ при обсужденіи земской реформы въ 1863 г. призналъ необходимымъ уравнять права крестьянъ по выбору гласныхъ съ правами землевладѣльцевъ, установивъ, что какъ тѣ, такъ

Отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ волненій и безпорядковъ среди крестьянъ въ первые годы послѣ введенія уставныхъ грамотъ дѣйствовало успокоительно на правительство и на общество. Большое число выкупныхъ сдѣлокъ и случаевъ перехода на выкупъ по требованію помѣщиковъ признавалось также благопріятнымъ симптомомъ и какъ бы указывало на правильный ходъ крестьянскаго дѣла. Изъ позднѣйшаго отчета государственнаго банка о ходѣ выкупной операціи мы видимъ дѣйствительно, что уже въ первое пятилѣтіе послѣ введенія крестьянской реформы болѣе 1/3 крестьянскихъ надѣловъ поступило на выкупъ; въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе къ нимъ прибавилось почти столько же, такъ что черезъ 10 лѣтъ послѣ объявленія манифеста около 2/3 бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ перешли изъ разряда временно-обязанныхъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ *). Хотя выкупъ для помѣщиковъ по Положенію не былъ сдѣланъ обязательнымъ, однако же de facto онъ сдѣлался для большинства изъ нихъ необходимымъ. Не говоря о трудности

и другіе должны выбирать по одному гласному отъ пространства земли, равнаго 3000 душевыхъ надѣловъ. Но такъ какъ земли, состоявшія въ то время въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, не приступившихъ еще во многихъ имѣніяхъ къ выкупу надѣловъ, считались собственностью дворянъ, и это сильно увеличивало размѣры дворянскаго землевладѣнія, то госуд. совѣтъ постановилъ: 1) что при расчетѣ числа гласныхъ отъ каждаго избирательнаго съѣзда ни въ одномъ уѣздѣ число гласныхъ отъ одного съѣзда не должно превышать числа гласныхъ отъ двухъ другихъ, вмѣстѣ взятыхъ, и 2) что составленное такимъ образомъ росписаніе имѣетъ силу лишь на первое трехлѣтіе, а затѣмъ должно быть пересмотрѣно и измѣнено въ соотвѣтствіи съ ходомъ выкупной операціи, т. е. съ уменьшеніемъ количества земель, числившихся собственностью помѣщиковъ. Однако же постановленіе государственнаго совѣта о пересмотрѣ росписанія гласныхъ не было исполнено не только къ концу перваго трехлѣтія дѣятельности земскихъ учрежденій, но и во все время дѣйствія Положенія 1 января 1864 года. (Срав. статью мою „Изъ исторіи вопроса о земскомъ представительствѣ“ въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ за 1904 г. № 1, стр. 9 и слѣд.).

*) *П. П. Мигулинъ.* „Выкупные платежи.“ Харьковъ. 1904 г. стр. 32.

и непріятности обязанныхъ отношеній съ крестьянами, надъ которыми у помѣщиковъ не было уже вотчинной власти, огромное большинство помѣщиковъ сильно нуждалось въ деньгахъ, необходимыхъ для найма рабочихъ, а во многихъ мѣстахъ и для покупки инвентаря. Между тѣмъ казенные банки, кредитомъ которыхъ помѣщики пользовались при крѣпостномъ правѣ, были въ это время закрыты и заложить имѣніе было возможно лишь у частныхъ лицъ на самыхъ разорительныхъ для владѣльцевъ условіяхъ. При выкупѣ же помѣщикъ освобождался отъ большей части своего прежняго долга казеннымъ кредитнымъ установленіямъ и получалъ въ свое распоряженіе нѣкоторое количество денегъ и процентныя бумаги, которыя, хотя и съ трудомъ, можно было реализировать. Изслѣдователи хода выкупной операціи единодушно приписываютъ этому обстоятельству самое рѣшительное вліяніе на число выкупныхъ сдѣлокъ въ первые годы послѣ введенія реформы *). Выкупъ, по требованію помѣщиковъ, вначалѣ былъ нѣсколько затрудненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что право на полученіе выкупной ссуды отъ правительства ограничивалось по положенію тѣми имѣніями, гдѣ крестьяне переведены были съ барщины на оброкъ; между тѣмъ крестьяне во многихъ случаяхъ не соглашались — какъ мы уже упоминали — переходить на оброкъ и тѣмъ затрудняли окончательную ликвидацію временно обязанныхъ отношеній. Въ виду жалобъ на это помѣщиковъ, въ 1863 г. разрѣшено было выдавать выкупную ссуду и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне находились еще на барщинѣ, причемъ, однако же, предписывалось въ случаѣ требованія крестьянъ предоставлять имъ даровой четвертной надѣлъ **).

---

*) *Л. В. Ходскій* „Земля и земледѣлецъ“ т. II, стр. 47. *П. П. Мигулинъ*, н. с., стр. 5.

**) Введеніе этого закона, по свидѣтельству *Д. Ф. Самарина* (н. с., стр. 58), чрезвычайно усилило случаи требованія со стороны крестьянъ отвода имъ четвертного надѣла—„царской десятины“—въ степныхъ поволжскихъ губерніяхъ.

Быстрый ходъ выкупной операціи въ значительной мѣрѣ парализовалъ нападки на положеніе 19 февраля со стороны приверженцевъ обязательнаго выкупа: опасеніе, что ликвидація крѣпостныхъ отношеній затянется на долгіе годы, въ дѣйствительности оказывалось менѣе основательнымъ, нежели многіе разсчитывали.

Самой слабой стороной крестьянской реформы оказалось на дѣлѣ вовсе не то обстоятельство, что выкупъ надѣловъ поставленъ былъ de jure въ зависимость отъ доброй воли помѣщиковъ; гораздо болѣе реальнымъ и прискорбнымъ недостаткомъ Положеній 19 февраля вскорѣ пришлось признать то полное несоотвѣтствіе между крестьянскими платежами и доходностью отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ, которое явилось прямымъ и логическимъ слѣдствіемъ принятой редакціонной комиссіей системы опредѣленія размѣра крестьянскихъ повинностей. Первымъ яркимъ указаніемъ на это несоотвѣтствіе явился голодъ въ Смоленской губерніи, возникшій вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ въ цѣломъ рядѣ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній въ 1867 году.

Послѣдствія этого неурожая отозвались особенно тяжело именно въ Смоленской губерніи, потому что крестьяне западныхъ уѣздовъ ея при всей скудости почвы жили однимъ земледѣліемъ, не имѣя почти никакихъ внѣземледѣльческихъ заработковъ. Между тѣмъ надѣлъ имъ былъ отведенъ недостаточный для обезпеченія ихъ быта, а платежи за этотъ надѣлъ только на 1 рубль были ниже тѣхъ, которые платили крестьяне другихъ мѣстъ.

Здѣсь очень ярко обнаружилась произвольность нормъ, принятыхъ редакціонной комиссіей, установившей почти одинаковый размѣръ оброка для мѣстностей, находившихся въ весьма неодинаковыхъ экономическихъ условіяхъ. Голодъ 1867--1868 гг., явившійся для общества, какъ и для самой администраціи, полнѣйшей неожиданностью, принялъ въ тоже время такіе внушительные размѣры, что правительству пришлось прибѣгнуть къ общественной благотворительности,

для сосредоточенія и усиленія которой былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Александра Александровича особый комитетъ *). Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ тщетно старался доказать, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ плохо, какъ говорятъ и пишутъ. Это ему не удалось, и явная недостаточность мѣръ, принятыхъ министерствомъ къ устраненію общественнаго бѣдствія, повлекла за собой отставку краснорѣчиваго министра **). Вмѣстѣ съ тѣмъ стала выясняться крайняя несообразность платежей и налоговъ съ доходностью отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ не въ одной только Смоленской губерніи. Земскія учрежденія, какъ разъ въ это время начавшія функціонировать въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи, съ самаго же начала обратили на это свое вниманіе. Нѣкоторыя изъ земствъ произвели обстоятельныя изслѣдованія съ цѣлью выясненія платежныхъ силъ населенія и результаты этихъ изслѣдованій оказались чрезвычайно неутѣшительными. Выяснилось, что во многихъ нечерноземныхъ губерніяхъ платежи и повинности, возложенныя на крестьянъ, не только далеко превышаютъ доходность надѣловъ (—иногда въ нѣсколько разъ!), но съ трудомъ могутъ быть покрываемы *даже и при помощи внѣземледѣльческихъ заработковъ населенія*. Комиссія, изслѣдовавшая экономическое положеніе крестьянъ Смоленской губерніи, изобразила состояніе ихъ слѣдующими чертами: „Средства крестьянъ восточныхъ и западныхъ уѣздовъ различны. Душевой надѣлъ въ трехъ восточныхъ уѣздахъ 4 дес., въ западныхъ — $3^1/_2$—$4^1/_2$. Земля въ восточныхъ уѣздахъ менѣе истощена, скота у крестьянъ больше. *При развитіи промысловъ*, надѣлъ представляетъ достаточное обезпеченіе для ихъ семействъ. Напротивъ въ западныхъ уѣздахъ, *чисто земледѣльческихъ*, надѣлъ $3^1/_2$ и 4 дес. въ пяти уѣздахъ и въ $4^1/_2$ дес. въ трехъ—не предста-

---

*) *С. М. Середонинъ* „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“ т. III, ч. I, стр. 239 и слѣд.

**) *Татищевъ* „Александръ II“ т. II, стр. 29.

властъ достаточныхъ средствъ для продовольствія самихъ крестьянъ, рабочаго и домашняго скота. Положеніе крестьянъ далеко не хорошо; луговъ и кормовыхъ средствъ у нихъ мало: 8% крестьянскихъ дворовъ не имѣютъ ни одной коровы и 4% ни одной лошади; поэтому урожаи плохи и хлѣбъ начинаютъ крестьяне покупать съ января и даже съ декабря; крестьяне же, которые имѣютъ хлѣбъ круглый годъ (и то не своего надѣла, а съ принанимаемой земли) составляютъ такую рѣдкость, что извѣстны поименно въ окрестности"*).

Земства новгородское, тверское, вятское и др. собрали тогда же весьма важныя данныя о величинѣ крестьянскихъ заработковъ, отъ которыхъ зависѣла платежеспособность крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ. По разсчету, сдѣланному Новгородской управой, заработки всего сельскаго населенія губерніи составляли въ то время 8.855.100 руб. Нормальный доходъ отъ земли по оцѣнкѣ, сдѣланной земствомъ, равнялся 2.680.000 руб., такъ что промысловые заработки превышали его въ 3⅓ раза. Изъ заработанныхъ 8,9 мил. руб. прежде всего надобно было израсходовать на покупку недостающаго хлѣба (512.000 четвертей) — болѣе 3 мил. руб. Изъ остальныхъ 5 мил. приходилось уплатить 3.278.136 р. всякихъ налоговъ и сборовъ. Остающійся избытокъ (2,5 мил.) составлялъ на каждый дворъ 12 р. 65 коп., изъ которыхъ должны были покрываться всѣ расходы крестьянскаго хозяйства: на соль, платье, обувь, орудія и проч. **).

Въ шести уѣздахъ Тверской губерніи заработками, по свѣдѣніямъ земства, занимались 159.593 души; они зарабатывали, за покрытіемъ своего продовольствія, 1.265.630 руб. или около 8 руб. на работника, тогда какъ на каждую душу въ Тверской губерніи приходилось всѣхъ платежей отъ 11 р.

---

*) Приведено у *Янсона* „Опытъ статистич. изслѣдованія о крест. надѣлахъ и платежахъ", изд. 2-ое, стр. 22.

**) *Янсонъ*, н. с., стр. 38.

до 13 р. 30 к. *). Въ такомъ же родѣ были свѣдѣнія, доставленныя и прочими земствами **).

Данныя, собранныя земствами, сообщены были податной комиссіи, образованной еще въ 1859 г. при министерствѣ финансовъ. Комиссія эта, работавшая въ тиши канцеляріи, издала сорокъ объемистыхъ томовъ болѣе или менѣе цѣнныхъ матеріаловъ и предположеній, по большей части не получившихъ однако же осуществленія до конца царствованія Александра II-го. Въ 1870 г. ею былъ выработанъ проектъ о переложеніи подушной подати на дворы и землю, находившуюся во владѣніи податныхъ сословій ***). Проэктъ этотъ переданъ былъ на заключеніе земствъ, которыя отнеслись къ этому вопросу чрезвычайно серьезно и добросовѣстно. Въ земскихъ собраніяхъ и образованныхъ ими комиссіяхъ вопросъ этотъ поставленъ былъ принципіально и разрѣшенъ въ смыслѣ необходимости кореннаго измѣненія всей фискальной системы, на которой держалось до тѣхъ поръ русское государственное хозяйство. Однако широкая постановка вопроса, данная земствами, не нашла себѣ сочувствія въ министерствѣ финансовъ, которое относилось къ нуждамъ и интересамъ крестьянскаго хозяйства съ большимъ равнодушіемъ, и всѣ податные проекты, созданные творческою дѣятельностью земствъ, безслѣдно канули въ Лету ****).

Между тѣмъ, несоразмѣрность платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ доходностью отведенныхъ имъ надѣловъ подтверждалась сравненіемъ положенія ихъ съ положеніемъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ. На основаніи работъ податной комиссіи и данныхъ, собранныхъ земствами въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ, проф. Янсонъ вычислилъ,

---

*) Тамъ же, стр. 39.

**) Тамъ же стр. 39 и слѣд.

***) *Татищевъ* „Александръ II“, т. II, стр. 173.

****) *В. Ю. Скалонъ* „Земскіе вопросы“, стр. 12 и слѣд.

что у бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ падало платежей на каждую десятину надѣла болѣе, нежели у государственныхъ крестьянъ тѣхъ же губерній на 1—27%; у крестьянъ же помѣщичьихъ болѣе, нежели у государственныхъ—на 28—94,4%. При этомъ надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ превосходили надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ, по изслѣдованію того же проф. Янсона, въ губерніяхъ: Петербургской—на 60%, въ Смоленской—на 42%, Нижегородской—на 34%, Владимірской—на 24%, Новгородской и Калужской—на 23%, Костромской—на 18%, Московской—на 14%, Псковской—на 4% и Тверской—на 2,5% *).

Благодаря принятой при опредѣленіи крестьянскихъ повинностей системѣ градаціи, у помѣщичьихъ крестьянъ чѣмъ меньше былъ надѣлъ, чѣмъ меньше, слѣдовательно, онъ обезпечивалъ бытъ крестьянъ, тѣмъ болѣе возрасталъ размѣръ платежей съ десятины надѣла. Такъ, напр., въ Тверской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне платили при полномъ надѣлѣ—отъ 2 р. 21 коп. до 3 р. 33 к. съ десятины, а при низшемъ—платежи ихъ простирались до 7 р. 16 к. съ десятины **).

Истощенность крестьянской платежеспособности ознаменовалась къ началу 70-хъ годовъ значительными податными недоимками, которыя достигали къ 1 января 1872 г. въ Смоленской губерніи 129% оклада, въ Новгородской — 102, въ Петербургской—83, въ Псковской — 37, въ Московской — 30 и т. д. ***).

Не лучше обстояло дѣло и въ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Здѣсь средніе надѣлы у крестьянъ всѣхъ категорій были вообще ниже, нежели въ нечерноземной полосѣ, а у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и значительно ниже, такъ что разница между надѣлами этихъ крестьянъ и

*) *Янсонъ*, н. с., стр. 17.

**) Тамъ же, стр. 30.

***) Тамъ же, стр. 42.

бывшихъ государственныхъ здѣсь выходила еще гораздо большая, нежели въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ, по вычисленію Янсона, составляли въ началѣ 70-хъ годовъ отъ 30 до 148% доходности ихъ земли (по опредѣленію земствъ), а у бывшихъ помѣщичьихъ *превосходили* эту доходность на 24—124% при среднемъ надѣлѣ и до 200% при низшемъ. „Отсюда—справедливо замѣчалъ Янсонъ—для черноземнаго крестьянина тоже стремленіе, что и для нечерноземнаго, къ постороннимъ заработкамъ — не изъ желанія увеличить свое благосостояніе, а изъ нужды, чтобы прокормить, одѣть семью и уплатить подати *).

Но въ отношеніи постороннихъ заработковъ черноземная полоса находилась въ совершенно иныхъ условіяхъ, нежели нечерноземная. Никакихъ заработковъ внѣ земледѣлія здѣсь не было. За самыми ничтожными исключеніями (работа на заводахъ, въ то время весьма малочисленныхъ) для массы населенія здѣсь существовали одни лишь земледѣльческіе заработки: 1) наемъ въ работники и поденная работа въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; 2) съемка земель и 3) отхожіе земледѣльческіе промыслы. По даннымъ, установленнымъ извѣстнымъ изслѣдователемъ хлѣбной торговли Чаславскимъ, въ первые десять лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права цѣны на трудъ въ черноземной полосѣ увеличились на 50—100%, но въ то же время и цѣна на хлѣбъ увеличилась на 50—80%, а продажныя и арендныя цѣны на землю возрасли на 300—400%**). Изслѣдователи сельско-хозяйственныхъ отношеній указывали, что „такъ или иначе, вслѣдствіе ли малаго помѣщенія для труда или малой его выгодности, немедленно послѣ развязки прежнихъ обязательныхъ отношеній во всей трехпольной черноземной полосѣ крестьяне бросились на съемку земель и въ ней искали средствъ и для обезпеченія насущныхъ потреб-

---

*) Тамъ же, стр. 86.
**) Тамъ же, стр. 95.

ностей своихъ, которымъ не удовлетворялъ скудный надѣлъ, и для уплаты податей и поземельныхъ платежей, сразу легшихъ тяжелымъ бременемъ на крестьянскій трудъ". Въ первые годы послѣ отмѣны крѣпостного права здѣсь практиковалась испольная система аренды земли. При этой системѣ поземельная рента равнялась не менѣе $^{2}/_{3}$ урожая, остальная треть и менѣе представляла вознагражденіе за трудъ и капиталъ съемщика *). Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ наблюдался повсемѣстный переходъ натуральной аренды въ денежную и быстрое возрастаніе арендныхъ цѣнъ, которое въ короткое время достигло указанныхъ выше размѣровъ. Предѣлъ возрастанію арендныхъ цѣнъ уже въ началѣ 70-ыхъ годовъ клало лишь полное разореніе крестьянъ**).

Въ черноземной полосѣ особенно тяжело было положеніе тѣхъ крестьянъ, которые получили здѣсь низшіе надѣлы. Редакціонная комиссія распространила, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, систему градаціи при опредѣленіи повинностей крестьянъ и на чисто земледѣльческія черноземныя губерніи. Благодаря этому и здѣсь платежи крестьянъ, получившихъ низшіе надѣлы, оказались на 90—120% выше тѣхъ платежей, которые приходились на десятину у крестьянъ, получившихъ полный надѣлъ. Положеніе крестьянъ, получившихъ здѣсь низшіе надѣлы, оказалось гораздо хуже положенія тѣхъ, которые потребовали себѣ нищенскіе четвертные надѣлы, такъ какъ по размѣрамъ своимъ эти послѣдніе отличались отъ низшихъ всего на $^{1}/_{5}$—$^{1}/_{8}$ десятины, но за то, по крайней мѣрѣ, за нихъ не приходилось платить выкупныхъ платежей***).

Лучшей иллюстраціей къ печальному положенію крестьянскаго хозяйства въ черноземныхъ губерніяхъ, обнаружившемуся къ началу семидесятыхъ годовъ, служатъ тѣ показа-

*) Тамъ же, стр. 91.
**) Тамъ же, стр. 93.
***) Тамъ же, стр. 66.

нія объ уменьшеніи числа скота у крестьянъ Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Рязанской, Тульской и Курской губерній, которыя были сдѣланы разными экспертами передъ лицомъ правительственной комиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства, учрежденной въ 1872 г. по докладу Валуева, только что назначеннаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ *).

Комиссія эта, учрежденная якобы по образцу англійскихъ „Королевскихъ Комиссій", задумана была Валуевымъ, какъ остроумно замѣчаетъ г. Страховскій, „для ознаменованія начала его новой дѣятельности", но несмотря на легковѣсность замысла и случайность состава опрошенныхъ ею экспертовъ, дала неожиданно довольно интересный матеріалъ, которымъ правительство правда не воспользовалось для какихъ либо серьезныхъ мѣропріятій, но который былъ за то довольно основательно изслѣдованъ частными лицами и далъ много существенныхъ данныхъ для такихъ работъ, какъ книга кн. Васильчикова „Земледѣліе и землевладѣніе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ" и „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ" проф. Янсона.

Въ Валуевской комиссіи многіе эксперты указывали на чрезмѣрное и крайне неуравнительное обремененіе крестьянской земли налогами и платежами, какъ на главную, основную причину упадка крестьянскихъ хозяйствъ. Между прочимъ кн. А. И. Васильчиковъ прямо заявилъ, что фактъ обремененія крестьянскаго надѣла налогами свыше его доходности является „столь существеннымъ и такъ вполнѣ подразумѣвающимъ всѣ другія причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ, что разыскивать эти причины — напрасный и излишній трудъ" **).

Свѣдѣнія о сравнительномъ обремененіи налогами помѣ-

---

*) Тамъ же, стр. 80—81.

**) *П. М. Страховскій* „Крестьянскій строй", стр. 409.

щичьихъ и крестьянскихъ земель, имѣвшіяся въ распоряженіи Валуевской комиссіи, вполнѣ подтверждали заявленія этого рода. Изъ свѣдѣній этихъ оказывалось, что тогда какъ на 90 мил. десятинъ частновладѣльческихъ земель приходилось 13 милліоновъ рублей, т. е. менѣе 14½ коп. съ десятины, на 105 мил. дес. крестьянскихъ земель приходилось 104 мил. руб. поземельныхъ налоговъ, т. е. болѣе 95½ коп. съ десятины. Кромѣ того крестьянское населеніе обязано было уплачивать около 90 мил. руб. разныхъ сборовъ, взимавшихся подушно, что составляетъ еще по 85½ коп. на десятину *).

Кн. Васильчиковъ взялъ, какъ говорится, быка прямо за рога; но такой пріемъ отнюдь не соотвѣтствовалъ вкусамъ и наклонностямъ предсѣдателя комиссіи П. А. Валуева. Въ заключеніи, редактированномъ по его указаніямъ, докладчикъ замялъ этотъ непріятный фактъ и вмѣсто указанія на необходимость реорганизаціи всей нашей податной системы, проектировалъ цѣлый рядъ мелкихъ паліативовъ, которые, впрочемъ, также остались лишь на бумагѣ. Валуевская комиссія кончилась ничѣмъ. „Иного исхода,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Страховскій, — нельзя было и ожидать, такъ какъ самое созваніе комиссіи было не результатомъ ясно сознанной потребности во внутреннихъ реформахъ, а просто — личнымъ служебнымъ ходомъ инціатора этой комиссіи въ шахматной игрѣ высшихъ административныхъ комбинацій“ **).

Между тѣмъ, грознымъ подтвержденіемъ крестьянскаго оскудѣнія явился голодъ, обнаружившійся въ 1873 году уже не въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, а въ хлѣбородной Самарской губерніи, считавшейся одной изъ житницъ Европейской Россіи. Хотя голодъ этотъ былъ результатомъ трехъ неурожайныхъ годовъ къ ряду, однако же,

*) Тамъ же, стр. 410.

**) Тамъ же, стр. 412.

онъ очень встревожилъ и правительство, и общество. О томъ, что крестьяне сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, въ родѣ Смоленской, часто ѣдятъ хлѣбъ съ вредными для здоровья примѣсями, правительство знало давно и не особенно этимъ сокрушалось; но когда выяснилось, что крестьяне хлѣбородной Самарской губерніи вынуждены питаться желудями, лебедой и проч. суррогатами, и продавать для покупки хлѣба послѣдній скотъ за безцѣнокъ, правительство не на шутку встревожилось *). Въ 1872 г. пришлось уже отпустить ссуду изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала въ 600.000 руб.; а въ слѣдующемъ 1873 году положеніе еще болѣе ухудшилось. Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ безплодныхъ рѣчей въ комитетѣ министровъ объ организаціи общественныхъ работъ, пришлось отпустить еще около 2 мил. рублей въ ссуду и отсрочить сборъ податей и недоимокъ до осени 1875 года **). Была вновь призвана на помощь и частная благотворительность, откликнувшаяся на этотъ разъ довольно широко и радушно. Когда стали обсуждать въ комитетѣ министровъ причины этого бѣдствія и, главное, обратили вниманіе на отсутствіе у населенія всякихъ запасовъ, то мѣстный губернаторъ Климовъ попробовалъ было объяснить все дѣло пьянствомъ крестьянъ, но его очень рѣшительно опровергъ государственный контролеръ А. А. Абаза, доказавшій съ цифрами въ рукахъ, что Самарская губернія платила податей до начала неурожая болѣе 3% общей суммы податей по имперіи, а изъ общей суммы акцизнаго дохода въ то же время поступало не болѣе 1½%, слѣдовательно, какъ заключилъ государственный контролеръ, Самарское населеніе менѣе употребляло денегъ на вино и болѣе уплачивало податей ***). Тутъ же выяснилось, что одною изъ причинъ, способствовавшихъ обостренію нужды, было ревностное выколачи-

---

*) *Середонинъ*, к. с., т. III, ч. I., стр. 251–252.

**) Тамъ же, стр. 259.

***) Тамъ же, стр. 257.

ваніе податей и недоимокъ въ первый годъ неурожая. Замѣчательно, что какъ только рѣчь государственнаго контролера стала клониться къ выясненію реальныхъ причинъ бѣдствія, министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ поспѣшилъ заявить, что онъ не считаетъ возможнымъ останавливаться на дальнѣйшемъ обсужденіи общаго вопроса о причинахъ бѣдствія, и обѣщалъ взамѣнъ этого представить комитету подробное изложеніе своего взгляда на это дѣло послѣ провѣрки и собранія разнаго рода данныхъ. Данныя эти, повидимому, такъ и остались за нимъ въ недоимкѣ *). Самарскій голодъ, хотя и встревожилъ правительство, не повелъ, однако же, ни къ какимъ существеннымъ мѣропріятіямъ, которыя были бы направлены къ подъему народнаго благосостоянія.

Единственною сколько-нибудь крупною мѣрою, предпринятою правительствомъ по крестьянскому дѣлу въ теченіе 70-хъ годовъ, было преобразованіе административныхъ органовъ, завѣдывавшихъ крестьянскимъ дѣломъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Независимость мировыхъ учрежденій, хотя и „очищенныхъ“ въ значительной мѣрѣ П. А. Валуевымъ, путемъ сокращенія мировыхъ участковъ и оставленія за штатомъ наиболѣе непріятныхъ посредниковъ, продолжала безпокоить министерство внутреннихъ дѣлъ. Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ раскассировать этотъ институтъ, П. А. Валуевъ наконецъ примирился съ его существованіемъ. Но преемникъ его А. Е. Тимашевъ, по вступленіи своемъ въ должность, тотчасъ же поднялъ вопросъ о противорѣчіи независимости мировыхъ посредниковъ общимъ принципамъ бюрократической іерархіи и субординаціи. Указавъ, что судебныя функціи посредниковъ легко могутъ быть переданы мировымъ судьямъ и что политическая задача этого института—установленіе новыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами — уже исполнена, министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ замѣны мировыхъ посредниковъ особыми должно-

*) Тамъ же, стр. 258.

стными лицами, вполнѣ подчиненными министерству внутреннихъ дѣлъ, которымъ было бы ввѣрено наблюденіе за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ и за исполненіемъ крестьянами лежащихъ на нихъ обязанностей. Проектъ этотъ встрѣченъ былъ рѣзкой критикой со стороны министра государственныхъ имуществъ, который не безъ основанія усматривалъ въ немъ попытку возсозданія печальной памяти должностей окружныхъ начальниковъ, завѣдывавшихъ въ дореформенное время государственными крестьянами. Тимашевъ принужденъ былъ взять свой проектъ обратно и попробовалъ лишь, въ видѣ временной мѣры, провести измѣненіе въ порядкѣ назначенія мировыхъ посредниковъ и привлеченія ихъ къ дисциплинарной отвѣтственности въ смыслѣ предоставленія того и другого министерству внутреннихъ дѣлъ. Но и эта попытка не имѣла успѣха. Тогда, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ представилъ въ 1873 г. новый проектъ реорганизаціи мировыхъ учрежденій, по которому предположено было мировыхъ посредниковъ упразднить, судебныя функціи ихъ передать мировымъ судьямъ, для разбора и устройства поземельныхъ дѣлъ учредить особыя должности временныхъ разъѣздныхъ членовъ губернскаго присутствія, назначаемыхъ изъ числъ мѣстныхъ помѣщиковъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а руководство крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и взысканіе податей и сборовъ съ крестьянъ поручить уѣзднымъ исправникамъ.

Этотъ проектъ встрѣтилъ также большія возраженія въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, причемъ самой слабой стороной его признано было то, что онъ отдавалъ всѣ крестьянскія учрежденія въ фактическое завѣдываніе полиціи. Главный комитетъ признавалъ, что мировыя учрежденія не удовлетворяютъ болѣе своему назначенію; но при этомъ онъ считалъ необходимымъ поставить подъ чьенибудь руководство крестьянское общественное управленіе. Желая избѣжать упрека въ возстановленіи старыхъ должностей окружныхъ начальниковъ, комитетъ не призналъ воз-

можнымъ установить для этого какой-либо единоличный уѣздный органъ и предпочелъ учредить для этого особую комиссію, а чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ, онъ остановился на мысли ввести въ составъ этой коллегіи уже существующіе уѣздные органы разныхъ вѣдомствъ, усиливъ ихъ однимъ непремѣннымъ членомъ, могущимъ ближайшимъ образомъ осуществлять надзоръ за дѣйствіями крестьянскихъ общественныхъ учрежденій и разбирать въ первой инстанціи поземельныя дѣла. Коллегія эта получила наименованіе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства въ составѣ предсѣдателя уѣздной земской управы, одного почетнаго мирового судьи, уѣзднаго исправника и непремѣннаго члена, избираемаго на три года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа лицъ, имѣвшихъ право по Положенію 19 февраля занимать должности мировыхъ посредниковъ, и утверждаемаго въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ.

При этомъ главный комитетъ признавалъ необходимымъ предоставить уѣзднымъ присутствіямъ право издавать съ утвержденія губернскаго присутствія *особыя инструкціи должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ крестьянскаго управленія.*

Заботу о взысканіи податей и денежныхъ сборовъ съ крестьянъ комитетъ полагалъ возложить всецѣло на уѣзднаго исправника. При этомъ, признавая необходимымъ „поставить исправника въ такое по отношенію къ крестьянскимъ властямъ положеніе, чтобы они не могли оказать ему неповиновенія по предметамъ его вѣдомства и тѣмъ ввести его въ отвѣтственность“, главный комитетъ полагалъ *предоставить исправнику дисциплинарную власть надъ должностными лицами крестьянскаго управленія*“.

Предположенія Главнаго Комитета приняты были безъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій Государственнымъ Совѣтомъ и получили силу закона въ утвержденномъ 27 іюня 1874 г. „Положеніи объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“.

Изложенныя постановленія новаго закона были весьма знаменательны. Они окончательно подчинили крестьянское общественное управленіе „всеобъемлющему инструкціонному руководительству новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“, представлявшихъ изъ себя административный органъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они открыли доступъ широкому и властному вмѣшательству въ мірскія дѣла уѣзднаго исправника вмѣстѣ съ подчиненными ему низшими чинами полиціи.

— —

ГЛАВА IX.

Мнѣніе Янсона и кн. Васильчикова о положеніи крестьянъ въ 70-хъ годахъ. Настроеніе правительства. Движеніе молодежи въ народъ. Неудачи „народниковъ“ и борьба ихъ съ правительствомъ. Оживленіе общества послѣ войны 1877—1878 гг. „Диктатура сердца“. Реформы Н. Х. Бунге. Обязательный выкупъ и пониженіе выкупныхъ платежей. Отмѣна подушной подати. Крестьянскій банкъ. Переселенческая политика. Льготы по арендѣ казенныхъ земель. Вопросъ о преобразованіи крестьянскаго управленія. Кахановская комиссія. Идеи А. Д. Пазухина и гр. Д. А. Толстого. Земскіе начальники. Законы о семейныхъ раздѣлахъ, о неотчуждаемости крестьянской земли и о передѣлахъ мірской земли. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года.

Выше мы видѣли, каково оказалось хозяйственное положеніе крестьянъ по истеченіи первыхъ 15 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права. Положеніе это людямъ добросовѣстнымъ уже въ то время внушало серьезныя опасенія. Изслѣдовавъ на основаніи данныхъ двухъ правительственныхъ комиссій положеніе массы нашего крестьянства во всѣхъ областяхъ Европейской Россіи, проф. Янсонъ нашелъ въ немъ повсемѣстно „слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда. Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности,—писалъ почтенный профессоръ,—тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ и отсутствіемъ ея объясняющихся. Плохое питаніе, дурныя физическія и моральныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность — все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама, если и происте-

каетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ временъ; ее создало вѣковое крѣпостное состояніе; но поддерживаетъ ее тамъ скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе; здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого, низкое вознагражденіе труда; наконецъ, тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая едва кормитъ того, кто ее обрабатываетъ".

„Податная система и аграрное законодательство наше — заключалъ Янсонъ—не могутъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящаго и будущаго поколѣній"...

Но измѣненіе поземельныхъ отношеній представлялось ему „гораздо болѣе настоятельнымъ и существеннымъ вопросомъ настоящаго, чѣмъ какая бы то ни было реформа въ финансовомъ хозяйствѣ государства: безъ измѣненія, устраняющаго коренные недостатки этихъ отношеній, несбыточно — по его мнѣнію—мечтать о благихъ результатахъ самой правильной податной системы" *).

Впрочемъ, основныя черты того аграрнаго строя, который явился въ Россіи результатомъ крестьянской реформы, проф. Янсонъ склоненъ былъ считать безповоротно совершившимся фактомъ. Различные коррективы къ этому строю, которые представлялись ему осуществимыми въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, формулированы въ слѣдующихъ заключительныхъ строкахъ его книги: „Есть достаточно поводовъ къ пониженію поземельныхъ платежей для уравненія ихъ со средствами крестьянъ и тѣми хозяйственными отношеніями,

*) *Ю. Э. Янсонъ*, н. с., стр. 126—127.

какія опредѣлились 20-лѣтнимъ опытомъ; вопросъ о переселеніяхъ и направленіи ихъ ждетъ разрѣшенія, сообразнаго съ потребностями народа и выгодами государства; предоставленіе дешеваго кредита для пріобрѣтенія тѣхъ земель, которыя въ будущемъ придется снимать за дорогую цѣну, сходное съ выкупною операціею; самый пересмотръ выкупной операціи въ видахъ возможнаго пониженія выкупныхъ платежей; наконецъ, столь желанное и давно ожидаемое преобразованіе податной системы: вотъ тѣ громадной важности задачи, на которыхъ не могутъ не остановить своего вниманія и правительство и общество *).

Къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ относительно положенія вышедшихъ изъ крѣпостной неволи русскихъ крестьянъ пришелъ и другой изслѣдователь поземельныхъ отношеній середины 70-ыхъ годовъ — кн. А. И. Васильчиковъ. Разница между нимъ и Ю. Э. Янсономъ заключается въ томъ, что Васильчиковъ не считаетъ главнѣйшей причиной печальнаго положенія нашихъ крестьянъ недостаточность ихъ земельныхъ надѣловъ, а видитъ ее, главнымъ образомъ, въ той отчаянной податной системѣ, которая парализовала благіе результаты реформы 19 февраля. Приведя эпиграфъ, примѣненный Тэномъ къ характеристикѣ положенія крестьянъ во Франціи передъ самой революціей 1789 г. — „quand l'homme est misérable, il s'aigrit; mais quand il est à la fois propriétaire et misérable, il s'aigrit encore davantage“ — кн. Васильчиковъ находитъ въ этомъ отношеніи полную аналогію въ положеніи тогдашнихъ французскихъ и современныхъ ему русскихъ крестьянъ. Указавъ, что крестьяне во Франціи наканунѣ великой революціи усиленно скупали землю и въ то же время разорялись подъ тяжестью непомѣрныхъ налоговъ, обременявшихъ именно крестьянскую собственность, и подмѣтивъ тоже самое явленіе и у насъ въ семидесятыхъ годахъ, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ, что „положеніе русскихъ крестьянъ, въ настоящее

*) Тамъ же, стр. 166.

время совершенно схожее съ картиною, нарисованной Тэномъ, можетъ служить для насъ серьезнымъ предостереженіемъ: податная система можетъ подавить все благое дѣйствіе свободы и равноправности и довести мелкихъ владѣльцевъ противъ крупныхъ до такого же изувѣрства, какое проявилось во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія*).

Но правительство не было въ то время склонно отнестись со вниманіемъ къ подобнымъ предостереженіямъ.

Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивалось главное завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ, стоялъ тогда А. Е. Тимашевъ, замѣнившій Валуева въ 1868 г. и продержавшійся на посту министра внутреннихъ дѣлъ десять лѣтъ. Тимашевъ былъ однимъ изъ яркихъ представителей той придворной крѣпостнической клики, которая съ такимъ упорствомъ интриговала въ началѣ царствованія императора Александра II противъ крестьянской реформы. Въ то время онъ былъ товарищемъ шефа жандармовъ и вѣрнымъ соратникомъ кн. В. А. Долгорукова и М. Н. Муравьева; черезъ него представлялись тогда императору всѣ крѣпостническія записки, доносы и пасквили, направленные противъ эмансипаторовъ вообще и редакціонныхъ комиссій въ особенности. Понятно, что при немъ трудно было ожидать возникновенія въ правительственной средѣ настроенія, благопріятнаго крестьянству и его нуждамъ. Впрочемъ, долговременное нахожденіе у власти этого заклятаго врага эмансипаціи и всякой демократической идеи было отнюдь не случайно. Послѣ 1866 г. реакція прочно водворилась въ Россіи. Выстрѣлъ Каракозова произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на Александра II, и ранѣе склоннаго относиться недовѣрчиво и мнительно ко всякому общественному движенію; а окружавшіе его крѣпостники и ретрограды ревностно поддерживали и раздували въ немъ всѣми мѣрами это тяжелое настроеніе.

---

*) *Кн. А. И. Васильчиковъ* „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ", т. I, стр. 506 (изд. 2).

Изъ убѣжденныхъ сторонниковъ реформъ, занявшихъ министерскія мѣста въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ—такихъ, какъ братья Милютины, Головинъ, Татариновъ и др. — остался на своемъ мѣстѣ въ 70 годахъ лишь военный министръ Д. А. Милютинъ *). Руководительство внутренней политикой государства перешло къ завѣдомымъ врагамъ всякихъ преобразованій и къ обскурантамъ въ родѣ гр. Д. А. Толстого, гр. П. А. Шувалова и А. Е. Тимашева. Главной руководящей идеей правительства сдѣлалась охрана существующаго государственнаго строя противъ всякихъ дѣйствительныхъ, а часто и выдуманныхъ или раздутыхъ посягательствъ. Эта реакція захватила не однѣ только правительственныя сферы, но и обширные общественные круги, частью утомленные напряженной работой эпохи реформъ, частью испуганные внутренней смутой и возмущенные угрозами иноземнаго вмѣшательства, сопутствовавшими возстанію въ Польшѣ и Западномъ Краѣ. Героемъ дня сдѣлался тогда для многихъ Муравьевъ-Виленскій, а дирижерская палочка въ повременной печати перешла отъ Герцена и Чернышевскаго къ Каткову, который и самъ все болѣе и болѣе дѣлался реакціонеромъ.

Въ эти тяжелые годы, правда, произведены были, какъ бы по инерціи, еще двѣ реформы—городская и воинской повинности, подготовленныя предшествовавшимъ реформаціоннымъ періодомъ. Но изъ нихъ городская явилась въ искаженномъ видѣ. Въ сферахъ же судебной и земской слѣдовали одно за другимъ урѣзыванія и ограниченія недавно изданныхъ преобразованій. Многіе дѣятели, разочаровавшись въ возможности продуктивной работы, оставляли общественное поприще и уходили въ частную жизнь; иные съ жадностью набрасывались на полившіяся широкой рѣкой концессіи, пускались въ желѣзнодорожное строительство и различныя спекуляціи и

*) В. А. Татариновъ умеръ въ 1872 году.

коммерческія предпріятія, щедро поддерживавшіяся правительствомъ *).

Общественное движеніе было совершенно подавлено. За то въ средѣ молодежи, которая не могла помириться съ измѣненіемъ режима, дѣлала въ это время значительные успѣхи революціонная пропаганда. Въ этихъ сферахъ мимолетное увлеченіе мрачными и въ то же время поверхностными идеями Нечаева скоро смѣнилось серьезнымъ и идейнымъ глубоко этическимъ настроеніемъ, охватившимъ молодежь въ кружкахъ чайковцевъ **). Здѣсь преобладали идеи народничества, иногда неясныя и туманныя, у однихъ связывавшіяся съ анархическимъ ученіемъ Бакунина, у другихъ съ федеративно-соціалистическими выводами философски обоснованной доктрины Лаврова, но во всякомъ случаѣ ставившія цѣлью всякой идейной практической дѣятельности—народъ и его интересы. „Все для народа и при томъ посредствомъ самого народа“—таковъ былъ самый популярный лозунгъ, привлекавшій къ себѣ въ это время толпы самой лучшей идейно-настроенной молодежи. Весной 1874 г. значительные кадры этой молодежи двинулись въ народъ ***). Многіе изъ нихъ, быть можетъ большинство, отправились въ народъ не съ цѣлью какой-либо опредѣленной пропаганды. Они просто хотѣли слиться съ народомъ, войти въ него, изучить его нужды и его взгляды и въ особенности служить ему. Сами они были по своимъ взглядамъ соціалисты, но они полагали, что и народъ по своему міросозерцанію также долженъ стремиться къ осуществленію соціальнаго идеала, близкаго къ тому, который исповѣдывали они сами. Это движеніе совершенно не удалось, благодаря полному отсутствію какой бы то ни было организаціи ****). Къ лѣту того же 1874 года большая часть его

*) „Записки *А. И. Кошелева*“, стр. 189 и слѣд.

**) Записки *кн. П. А. Кропоткина*, стр. 285 и слѣд, а также стр. 252—276.

***) *Е. Серебряковъ* „Земля и воля“. *С. С. Татищевъ* „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 589.

****) Тамъ же. стр. 590.

участниковъ уже сидѣла по тюрьмамъ или была такъ или иначе выдворена изъ деревни. Но первый погромъ не охладилъ ихъ стремленій. Черезъ два года они сорганизовались въ тайное общество, подъ названіемъ „Земля и воля", и снова стали дѣлать попытки водвориться въ народной средѣ, принимая на себя для этого какія либо близкія къ народу обязанности, или устраивая для отвода глазъ полиціи различныя промышленныя или торговыя предпріятія въ деревнѣ. Однако и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Начальство безъ труда выслѣживало и извлекало этихъ пропагандистовъ, нерѣдко при помощи самихъ же крестьянъ. Народъ оказывался совершенно неподготовленнымъ къ воспріятію соціалистической пропаганды, во-первыхъ, потому, что она была недоступна его пониманію, во-вторыхъ, потому, что онъ не переставалъ еще ждать улучшенія тяжелой своей участи отъ правительства. Въ одномъ только случаѣ удалось пропагандистамъ-революціонерамъ побудить крестьянъ къ возстанію — въ Чигиринѣ, гдѣ революціонеры дѣйствовали отъ имени царя, пустивъ въ ходъ подложный манифестъ. Послѣ вторичной неудачи, вполнѣ сознанной пропагандистами, имъ оставалось два пути: или обратиться къ мирной культуръ-трегерской дѣятельности, или сосредоточить всѣ свои силы на прямой борьбѣ съ правительствомъ, служившимъ главнымъ оплотомъ существующаго строя. Первый путь отнюдь не соотвѣтствовалъ наклонностямъ и настроенію молодежи, революціонизированной крутыми и произвольными правительственными мѣрами часто еще на школьной скамьѣ; къ тому же и полиція фактически не допускала никакой мирной культурной дѣятельности въ крестьянской средѣ, относясь подозрительно и враждебно ко всякому интеллигенту въ деревнѣ. И вотъ, разочаровавшись въ возможности осуществленія своихъ идеаловъ этимъ путемъ, молодежь бросилась въ активную борьбу съ правительствомъ. Зародышъ террористической организаціи былъ уже въ партіи „Земля и воля" въ лицѣ такъ называемой дезорганизаторской группы. Вскорѣ эта группа

сосредоточила въ себѣ всѣ наиболѣе дѣятельныя силы революціонно-настроенной молодежи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и довольно упорной внутренней борьбы террористы одержали верхъ надъ народниками, относившимися отрицательно къ прямой политической дѣятельности. Партія „Земля и воля“ была реорганизована, причемъ главныя ея силы сосредоточились въ новой уже чисто боевой партіи „Народной воли“ и лишь незначительная часть осталась при старыхъ соціально-народническихъ идеалахъ и образовала группу „Чернаго передѣла“, не имѣвшую въ исторіи революціоннаго движенія большаго практическаго значенія. Партія „Народной воли“, хотя и унаслѣдовала отъ землевольцевъ ихъ народническіе идеалы, сосредоточила однако-же всѣ свои силы на активной борьбѣ съ государственной властью. Цѣлымъ рядомъ террористическихъ актовъ она вызвала сильное возбужденіе въ средѣ общества и большую смуту въ правительственныхъ рядахъ. Смута эта еще болѣе усилилась, когда въ отвѣтъ на воззваніе къ обществу, приглашавшее его содѣйствовать правительству въ подавленіи крамолы, послѣдовали земскіе адресы и заявленія, указывавшіе на невозможность для общества оказать правительству какое-либо содѣйствіе, пока правительство не оставитъ пути реакціи и не возвратится на путь реформъ. Въ общественныхъ кругахъ наступило тогда большое оживленіе, обусловливавшееся возбужденіемъ, вызваннымъ съ одной стороны русско-турецкой войной, съ другой—цѣлымъ рядомъ политическихъ убійствъ и покушеній. Русско-турецкая война была предпринята по настоянію общества, какъ результатъ возстанія, вспыхнувшаго въ 1876 г. среди славянъ Балканскаго полуострова, въ которомъ представители русскаго общества и даже многіе изъ революціонеровъ принимали непосредственное участіе. Она имѣла освободительный характеръ и потому сама по себѣ пользовалась въ обществѣ и даже въ народѣ большой популярностью. Однако же это не помѣшало обнаруженію во время войны тѣхъ неустройствъ, безпорядковъ и злоупотре-

бленій, которые являлись естественными спутниками системы самовластнаго и безконтрольнаго бюрократическаго хозяйничанія, прочно водворившагося въ странѣ при господствѣ реакціи. Эти безпорядки и злоупотребленія на ряду съ неуспѣшными дѣйствіями нашей дипломатіи, завершившимися Берлинскимъ конгрессомъ, сильно волновали обширные круги общества — вплоть до московскихъ славянофиловъ включительно. Въ земской средѣ броженіе развивалось все сильнѣе и правительство должно было убѣдиться, что благодаря усвоенной имъ системѣ реакціи и административнаго гнета въ странѣ не было сколько-нибудь надежныхъ элементовъ, на которые оно могло бы опереться въ борьбѣ съ революціонерами, становившейся все напряженнѣе.

Послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 8 февраля 1880 года рѣшено было учредить верховную распорядительную комиссію для разслѣдованія и устраненія причинъ смуты. Предсѣдателемъ этой комиссіи назначенъ былъ энергичный и талантливый администраторъ, генералъ-адъютантъ гр. Лорисъ-Меликовъ, заявившій уже себя въ бытность генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ сторонникомъ сближенія съ общественными элементами страны. Лорисъ-Меликовъ былъ снабженъ чрезвычайными полномочіями: министрамъ приказано было исполнять всѣ его требованія и оказывать ему всевозможное содѣйствіе. Въ первой же прокламаціи, обращенной имъ къ жителямъ столицы, Лорисъ-Меликовъ заявилъ, что на поддержку общества онъ смотритъ „какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія общественной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества“ *).

Призванный на свой отвѣтственный постъ въ самый разгаръ революціонной борьбы, Лорисъ-Меликовъ *непосредственной* своей задачей считалъ, однако же, не только уничтоженіе террористической организаціи, но и умиротвореніе

*) *Татищевъ* н. с. т. II, стр. 625.

общества. Въ цѣляхъ этого умиротворенія и выясненія нуждъ и потребностей народныхъ массъ, ему удалось принять нѣкоторыя мѣры и возбудить законодательные вопросы, не оставшіеся безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу крестьянскаго дѣла.

Въ одномъ изъ первыхъ программныхъ докладовъ своихъ императору Александру Лорисъ Меликовъ, указывая на неудовлетворительный ходъ и развитіе великихъ преобразованій начала царствованія, писалъ между прочимъ: „Крестьянское дѣло, послѣ кипучей дѣятельности первыхъ лѣтъ, вошло въ общую колею, а неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ создала такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которая могла казаться полезной лишь въ первые дни великой реформы“ *).

По закрытіи верховной распорядительной комиссіи, Лорисъ-Меликовъ уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ предложилъ назначить сенаторскія ревизіи въ цѣломъ рядѣ губерній для выясненія положенія дѣлъ на мѣстахъ. Въ инструкціи, данной ревизующимъ сенаторамъ, предложено было, между прочимъ, выяснить: настроеніе умовъ крестьянскаго населенія, въ особенности по поводу слуховъ о новомъ надѣленіи землей; экономическое положеніе мѣстнаго населенія въ связи съ причинами упадка народнаго благосостоянія и общественной нравственности; недостатки мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и въ частности общественнаго крестьянскаго управленія, а равно собрать свѣдѣнія о тяжести и недостаткахъ подушной подати, о причинахъ накопленія недоимокъ, какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ и о мѣрахъ къ ихъ предотвращенію; о вліяніи на благосостояніе крестьянъ нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ (акциза на соль): о вліяніи на бытъ крестьянъ сельскихъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ и т. д. *).

---

*) Ibidem, стр. 647.

Идя навстрѣчу многократнымъ заявленіямъ земствъ, предмѣстниками его оставлявшимися безъ вниманія, Лорисъ-Меликовъ предложилъ земскимъ собраніямъ обсудить, въ какой мѣрѣ крестьянскія учрежденія, созданныя въ силу закона 1874 г., удовлетворяютъ своему назначенію. Многія земства широко воспользовались даннымъ имъ полномочіемъ и разсмотрѣли этотъ вопросъ съ принципіальной точки зрѣнія, при чемъ высказанныя ими заключенія примыкали, по большей части, къ тѣмъ заявленіямъ, которыя еще въ 1859 г. высказывались въ редакціонныхъ комиссіяхъ депутатами перваго приглашенія.

Повременной печати былъ также предоставленъ нѣкоторый просторъ и она, разумѣется, спѣшила какъ можно полнѣе воспользоваться этой кратковременной передышкой. „Нѣтъ книжки журнала, нѣтъ нумера газеты — писалъ въ 1881 г. К. Д. Кавелинъ — гдѣ бы не говорилось о крестьянахъ и не предлагались мѣры для улучшенія ихъ быта". Кавелинъ полагалъ даже, что съ этой стороны вопросъ исчерпанъ и что „сводъ всего, что высказано въ печати, представилъ бы полную картину того, что предстоитъ дѣлать" *)

Крестьянскій вопросъ вновь выдвинулся такимъ образомъ на первый планъ. Мѣры, намѣченныя въ это время печатью и земствами, имѣли въ виду какъ коренное измѣненіе въ правовомъ и административномъ устройствѣ крестьянъ, такъ и необходимость существеннаго улучшенія экономическаго положенія народа. Нормальный ходъ этого движенія былъ, однако же, прерванъ катастрофою 1 марта, послѣ которой реакція возобновилась съ еще большею силою. Тѣмъ не менѣе выдвинутые въ это время вопросы и предложенія не остались безъ результата. Правда, тѣ изъ нихъ, которые касались правового и административнаго строя, претерпѣли въ концѣ концовъ, послѣ цѣлаго ряда перипетій, совершенное искаженіе; но вопросы экономическаго характера въ началѣ

*) *Кавелинъ*, сочиненія т. II, стр. 424.

новаго царствованія нашли себѣ вліятельнаго защитника въ лицѣ министра финансовъ Н. Х. Бунге. Хотя мѣры, имъ проведенныя, имѣли, по большей части, значеніе паліативовъ и потому не могли кореннымъ образомъ измѣнить экономическаго положенія крестьянства, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ были, по крайней мѣрѣ, направлены въ благопріятную для крестьянъ сторону.

Первою изъ этихъ мѣръ былъ законъ 28 декабря 1881 г. объ *обязательномъ* выкупѣ тѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, къ выкупу которыхъ еще не было до тѣхъ поръ приступлено. На основаніи положенія о выкупѣ по добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами и по одностороннему требованію помѣщиковъ къ 1880 году были переведены на выкупъ 85% всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; на оброкѣ оставались лишь 15%. 19 февраля 1881 года, согласно положенію о выкупѣ, предстояла переоцѣнка надѣловъ отведенныхъ этимъ крестьянамъ и переоброчка платимыхъ ими повинностей. Вмѣсто того чтобы приступить къ переоброчкѣ, рѣшено было сдѣлать обязательнымъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, при чемъ были примѣнены тѣ условія выкупа, которыя примѣнялись въ случаѣ выкупа надѣловъ по одностороннему требованію помѣщиковъ, т. е. правительство выплачивало помѣщикамъ 4/5 той суммы, которая вычислялась путемъ капитализаціи оброковъ, платившихся крестьянами, изъ 6%. Сумма эта взыскивалась затѣмъ съ крестьянъ въ видѣ выкупныхъ платежей, разсроченныхъ на 49 лѣтъ, причемъ крестьяне освобождались отъ всякихъ доплатъ помѣщикамъ. При этомъ Бунге считалъ необходимымъ поднять вопросъ и объ общемъ пониженіи выкупныхъ платежей въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ въ видахъ улучшенія благосостоянія сельскаго населенія. Такое пониженіе представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ и справедливымъ, что выкупная операція, какъ оказывалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, приносила правительству не убытокъ, какъ многіе опасались въ началѣ, а чистый доходъ. Хотя это

обстоятельство, благодаря запутанности счетовъ, въ то время не приведено было въ полную ясность, однако же Бунге удалось настоять на пониженіи выкупныхъ платежей въ великорусскихъ губерніяхъ на 1 рубль съ каждаго душевого надѣла, а въ малорусскихъ—на 16 коп. съ каждаго рубля установленнаго оклада *). Независимо отъ этого повелѣно было „собрать подробныя свѣдѣнія о тѣхъ селеніяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя, по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находятся въ особенно разстроенномъ хозяйственномъ положеніи". Общая сумма пониженія платежей была опредѣлена по закону 28 декабря 1881 г. въ 12 мил. руб. въ годъ. Часть этой суммы должна была быть употреблена на общее пониженіе платежей въ указанныхъ выше размѣрахъ, а другая часть — „на дальнѣйшее засимъ пониженіе выкупныхъ платежей тѣмъ изъ означенныхъ крестьянъ, для которыхъ это окажется необходимымъ" **). Опредѣленіе размѣра добавочнаго пониженія предоставлено было по каждому отдѣльному селенію земскимъ учрежденіямъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы пониженный окладъ платежей былъ не ниже оклада оброчной подати государственныхъ крестьянъ сосѣднихъ селеній. На основаніи этого закона съ 1 января 1885 г. изъ выкупныхъ платежей крестьянъ было исключено 26.328.826 рублей и тѣмъ не менѣе государству не только не пришлось понести при этомъ какихъ либо пожертвованій; но еще по произведенному впослѣдствіи подсчету выяснилось, что къ этому же сроку чистая прибыль государственнаго казначейства отъ выкупной операціи составляла 14.902.769 рублей. Такимъ образомъ первое пониженіе выкупныхъ платежей состоялось отнюдь не на общія средства государственной казны, а на тѣ избытки выкупной операціи, которые образовались въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ,

---

*) *Мигулинъ*, стр. 18.

**) Ibidem, стр. 19.

не смотря на недоимки крестьянъ по выкупнымъ платежамъ (достигавшія къ 1 января 1885 г. 11.890.271 руб. *).

Слѣдующая мѣра, предпринятая Н. Х. Бунге въ цѣляхъ пониженія налогового бремени, лежавшаго на крестьянствѣ, была отмѣна подушной подати. Упраздненіе подушной подати являлось вопросомъ капитальной государственной важности не только въ смыслѣ прямого облегченія тягла, лежавшаго на крестьянахъ, но еще болѣе потому, что съ нею связывалось существованіе податныхъ сословій, круговая порука, паспортная система—вообще цѣлый рядъ ограниченій свободы, вытекавшихъ изъ необходимости чѣмъ-либо гарантировать правильность поступленія платежей, лежавшихъ не на имуществѣ, а на лицахъ плательщиковъ. Необходимость скорѣйшаго упраздненія этого пережитка крѣпостной эпохи была, какъ мы уже упоминали, совершенно ясна всѣмъ дѣятелямъ великой реформы 1861 года. Но вопросъ объ уничтоженіи этого послѣдняго пережитка связывался съ вопросомъ о томъ, на какіе же источники переложить суммы, дававшіяся государству подушной податью. Самымъ прямымъ и естественнымъ отвѣтомъ на это былъ тотъ, который былъ данъ въ 1871 году наиболѣе прогрессивными и добросовѣстными дѣятелями земства: подушная подать должна быть замѣнена подоходнымъ налогомъ. Но установленіе подоходнаго налога отнюдь не улыбалось тѣмъ своекорыстнымъ представителямъ реакціи, которые находились у власти съ 1866 года. Министромъ финансовъ былъ въ то время М. Х. Рейтернъ, считавшійся въ шестидесятыхъ годахъ либераломъ, но свою финансовую политику основывавшій не на улучшеніи благосостоянія народныхъ массъ, а на развитіи крупной фабричной промышленности, и на усиленіи торговыхъ оборотовъ въ странѣ. Своими главными задачами Рейтернъ считалъ, повидимому, развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, созданіе фондовой биржи, поддержку частныхъ акціонерныхъ банковъ

*) Ibidem, стр. 23.

и вовсе не интересовался положенiемъ крестьянства *). Н. Х. Бунге, наоборотъ, считалъ вопросъ объ улучшенiи быта крестьянъ коренным вопросомъ здравой экономической политики; однако же, и онъ не былъ въ состоянiи провести замѣну подушной подати всесословнымъ подоходнымъ налогомъ при тѣхъ условiяхъ, въ какихъ ему приходилось дѣйствовать. Понимая, однако же, важность упраздненiя самого понятiя податныхъ сословiй, онъ задумалъ провести податную реформу хотя-бы на счетъ самихъ крестьянъ, а такъ какъ бывшiе помѣщичьи крестьяне были уже совершенно разорены непосильными податями и сборами, то онъ предложилъ большую часть суммы, доставлявшейся подушной податью, покрыть увеличенiемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ, а остальную ея часть возмѣстить увеличенiемъ налога на спиртъ. Возможность и справедливость увеличенiя оброковъ государственныхъ крестьянъ мотивировалась тѣмъ, что переоброчка повинностей допускалась и по закону 1866 г. (чрезъ 20 лѣтъ послѣ его изданiя, т. е. какъ разъ въ 1886 г.) и что государственные крестьяне платили въ среднемъ съ десятины только 56 коп. оброчной подати и 38 коп. подушной, тогда какъ одни выкупные платежи (послѣ пониженiя ихъ) у б. помѣщичьихъ крестьянъ составляли 1 р. 35 к. съ десятины, а у удѣльныхъ 74 коп. съ десятины. Государственный Совѣтъ согласился съ Бунге по существу; но опасаясь недовольства государственныхъ крестьянъ отъ такой операцiи, рѣшилъ ее замаскировать. Съ этою цѣлью признано было за благо предоставить бывшимъ государственнымъ крестьянамъ *выкупить* отведенные имъ надѣлы или точнѣе ту оброчную подать, которою они были обложены, причемъ размѣръ этой послѣдней при исчисленiи выкупныхъ платежей былъ повышенъ на 45%. Эта операцiя давала возможность произвести отмѣну подушной подати, не прибѣгая ни къ какимъ новымъ источникамъ обложенiя и не затрогивая интересовъ прочихъ сословiй въ государствѣ.

*) Срав. *Кошелева* „Записки“, стр. 129.

Впрочемъ, взиманіе подушной подати съ нѣкоторыхъ наиболѣе обездоленныхъ разрядовъ ея плательщиковъ было прекращено еще съ 1 января 1883 г. Затѣмъ, по закону 14 мая 1883 г., съ 1 января 1884 г. подушная подать была сложена съ крестьянъ безземельныхъ и фабричныхъ и уменьшена на половину для болѣе нуждающихся крестьянъ изъ числа получившихъ надѣлы, не превышавшіе половины указнаго. Всѣ эти скидки составляли сумму въ 19.000.000 руб. въ годъ. Полная же отмѣна подушной подати въ Европейской Россіи должна была уменьшить государственный доходъ еще на 39.100.000 руб. въ годъ. Этотъ ущербъ и былъ покрытъ повышеніемъ акциза на спиртъ и введеніемъ выкупныхъ платежей по повышенному разсчету у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Отмѣна подушной подати состоялась по закону 28 мая 1885 г. съ 1 января 1886 г.; законъ же о переводѣ государственныхъ крестьянъ на выкупъ былъ опубликованъ лишь 12 іюня 1886 г. Выкупные платежи съ государственныхъ крестьянъ были исчислены въ суммѣ до 49.000.000 руб. въ годъ, причемъ, однако же, на крестьянъ возложена была уплата только процентовъ на капиталъ, вычисленный путемъ капитализаціи повышенной оброчной подати, „средства же на его погашеніе министру финансовъ предоставлено было изыскать изъ другихъ источниковъ". Это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ, какъ справедливо указалъ проф. Мигулинъ, — что вся эта яко бы выкупная операція была въ сущности просто „замаскированнымъ увеличеніемъ оброчной подати" *). Несомнѣнно также, что Н. Х. Бунге пошелъ на такой въ сущности печальный исходъ этого дѣла, сознавая полную для себя невозможность осуществить въ восьмидесятыхъ годахъ правильную податную реформу съ замѣной подушной подати подоходнымъ налогомъ. Въ результатѣ налоговая тяжесть, обременявшая одну категорію крестьянскаго населенія, была переложена на

*) *Мигулинъ* н. с., стр. 31.

другую, правда болѣе обезпеченную, но едва ли отличавшуюся особеннымъ благосостояніемъ.

Отмѣчая „громадное" значеніе этой реформы въ правовомъ отношеніи, г. Страховскій приводитъ въ своей статьѣ, напечатанной въ сборникѣ „Крестьянскій строй", сужденія по этому поводу департаментовъ государственнаго совѣта, которые высказали, что осуществленіе этой мѣры должно вызвать: „прекращеніе счета сословій по ревизскимъ душамъ", „измѣненіе въ порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ" (круговая порука), „коренное преобразованіе паспортной системы" и, вообще, „внести въ гражданскій бытъ всего населенія измѣненія благодѣтельныя и серьезныя". Поэтому департаменты удостовѣряли, что реформа эта ожидается „съ равнымъ интересомъ и сочувствіемъ всѣми безъ изъятія состояніями въ государствѣ" *).

Эти сужденія департаментовъ, какъ и еще болѣе краснорѣчивыя сужденія общаго собранія государственнаго совѣта были бы вполнѣ справедливы, если бы податная реформа совершена была на тѣхъ широкихъ основаніяхъ, на какихъ ее проектировали въ началѣ семидесятыхъ годовъ лучшіе люди изъ среды земства; въ рамкахъ же, допущенныхъ въ 1885 г., она имѣла значеніе лишь паліатива, причемъ тѣ благія послѣдствія, которыя предвидѣлъ отъ этой реформы государственный совѣтъ, осуществились далеко не вполнѣ и отнюдь не сразу. Преобразованіе паспортной системы произошло лишь спустя нѣсколько лѣтъ и едва-ли можетъ назваться „кореннымъ", а круговая порука благополучно дожила до начала XX вѣка и отмѣнена, какъ извѣстно, лишь въ прошломъ 1904 году; крестьянская же обособленность съ тѣхъ поръ не только не прекратилась, но, наоборотъ, еще болѣе утвердилась, благодаря административнымъ преобразованіямъ конца 80-ыхъ и начала 90-ыхъ годовъ.

Доброжелательное отношеніе къ крестьянамъ Н. Х. Бунге,

---

*) „Крестьянскій строй". стр. 417.

выразившееся также въ нѣкоторыхъ попыткахъ упорядочить самую систему взысканія податей съ населенія, не ограничилось, впрочемъ, преобразованіями въ податной сферѣ. При содѣйствіи министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ (гр. Н. П. Игнатьева и М. Н. Островскаго) Н. Х. Бунге пытался посильно способствовать, если не устраненію, то, по крайней мѣрѣ, уменьшенію другой коренной нужды крестьянскаго населенія, также давно отмѣченной, какъ голосомъ земства, такъ и прогрессивной печатью — крестьянскаго малоземелья. Неотложность удовлетворенія или смягченія этой нужды отмѣчена была и въ отчетахъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, ревизовавшихъ по иниціативѣ Лорисъ-Меликова въ 1880 — 1881 гг. губерніи: Тамбовскую, Рязанскую, Самарскую и Саратовскую.

Мѣры, намѣченныя въ этомъ направленіи, также не выходили, впрочемъ, изъ рамокъ паліативовъ и сводились къ тремъ категоріямъ: 1) облегченіе нуждающимся крестьянамъ покупки земли въ дополненіе къ недостаточнымъ надѣламъ, 2) облегченіе аренды ими казенныхъ земель и оброчныхъ статей и 3) организація и регулированіе переселеній на свободныя казенныя земли малонаселенныхъ губерній. Въ видахъ облегченія крестьянамъ покупки земли и доставленіе имъ для этой цѣли дешеваго кредита Н. Х. Бунге проектировалъ устройство крестьянскаго банка.

По первоначальнымъ предположеніямъ, внесеннымъ въ государственный совѣтъ въ декабрѣ 1881 г. за подписью трехъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ, задачею проектированнаго банка ставилось оказаніе помощи только малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ. „Идти далѣе этой цѣли, открывать крестьянамъ обезпеченнымъ и зажиточнымъ средства къ покупкѣ земель въ неограниченномъ размѣрѣ, значило бы,— по словамъ представленія—не только отвлекать часть средствъ банка на удовлетвореніе менѣе настоятельной потребности, но даже затруднять доставленіе наиболѣе нуждающимся въ землѣ

крестьянамъ способовъ къ ея пріобрѣтенію, ибо имъ трудно было бы конкуррировать въ покупкѣ сосѣднихъ земель съ кулаками и болѣе зажиточными крестьянами, которые отбивали бы у нихъ нужныя имъ земли съ тѣмъ, чтобы потомъ имъ же сдавать эти земли въ наемъ за дорогую цѣну".

Поэтому нуждающимся крестьянамъ предполагалось выдавать ссуды въ такомъ размѣрѣ, чтобы съ ихъ помощью, при покупкѣ обществами или товариществами, могло быть пріобрѣтаемо количество земли, не превышающее, вмѣстѣ съ находящимся уже во владѣніи заемщиковъ, установленнаго для каждой мѣстности положеніемъ 19 февраля высшаго или указнаго надѣла; при покупкѣ же отдѣльными крестьянами — количество земли, равное полному подворному участку въ установленномъ закономъ или обычномъ, по мѣстности, размѣрѣ. При томъ, чтобы не обращать оказываемое банкомъ содѣйствіе въ „косвенное средство къ измѣненію существующихъ способовъ владѣнія землей" и не колебать общиннаго пользованія тамъ, гдѣ оно существуетъ, предполагалось „въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ коихъ надѣльная земля состоитъ въ общинномъ пользованіи", выдавать ссуды „или сельскимъ обществамъ въ полномъ составѣ, или товариществамъ изъ крестьянъ, если таковыми товариществами земля пріобрѣтается для выселенія;" тамъ же, „гдѣ земли крестьянскаго надѣла не состоятъ въ общинномъ пользованіи", допускалась выдача ссудъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, но только „безземельнымъ или владѣющимъ неполнымъ подворнымъ участкомъ установленнаго закономъ или обычнаго, по мѣстности, размѣра".

Но, какъ свидѣтельствуетъ В. Ю. Скалонъ — у котораго мы заимствовали вышеприведенныя выписки — политическія обстоятельства того времени не были благопріятны для осуществленія такого проекта: въ виду бродившихъ въ сельскомъ населеніи ожиданій новаго надѣла, возникло опасеніе, что установленіе нормы земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы при содѣйствіи банка, будетъ истол-

ковано какъ признаніе правительствомъ размѣра, до котораго должны быть доведены имѣющіеся надѣлы. Поэтому и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ задача крестьянскаго банка была значительно „расширена": его цѣлью поставлено облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земель „въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне—пріобрѣсти оныя" *). Насколько опасеніе крестьянскихъ волненій и самовольныхъ захватовъ помѣщичьихъ земель тревожило въ это время правительство, видно изъ извѣстной рѣчи, обращенной на коронаціи 1883 года императоромъ Александромъ III-ьимъ къ представителямъ сельскаго населенія — волостнымъ старшинамъ. И министръ финансовъ вынужденъ былъ удостовѣрить, что учрежденіе крестьянскаго банка имѣло двѣ главныя цѣли: во 1-хъ, практически противодѣйствовать убѣжденію крестьянъ, что они имѣютъ право на (новые) надѣлы, и поселить въ нихъ убѣжденіе, что всякое расширеніе ихъ землевладѣнія можетъ быть только результатомъ свободной сдѣлки съ землевладѣльцами о *покупкѣ* земли; во 2-хъ, способствовать распространенію *частно поземельной* собственности между крестьянами" **).

Между тѣмъ средства, отпускавшіяся банку съ самаго начала, были весьма ограниченны (не свыше 5 мил. рубл. въ годъ). На первыхъ порахъ администрація банка, въ составъ которой были назначены лица, искренно расположенныя къ крестьянству, при рѣшеніи вопроса, какимъ разрядамъ сельскаго населенія отдавать преимущество, стала было на точку зрѣнія первоначальнаго представленія трехъ министровъ, благодаря чему въ первые три года банкъ развивалъ свои операціи въ интересахъ наиболѣе нуждавшагося въ землѣ насе-

---

*) *В. Ю. Скалонъ* „Крестьянскій банкъ и недоимщики", стр. 5 во II выпускѣ „Очерковъ по крестьянскому вопросу", изд. г. Горяковымъ подъ редакц. проф. *А. А. Мануилова.*

**) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. IV, стр. 273.

ленія и дѣйствовалъ при этомъ довольно смѣло. Но съ 1886 г. операціи его стали сокращаться, совѣтомъ банка овладѣла робость въ виду значительныхъ недоимокъ въ уплатахъ заемщиковъ, обусловленныхъ сильнымъ неурожаемъ хлѣбовъ во многихъ губерніяхъ. По отношенію къ недоимщикамъ стали приниматься суровыя мѣры, такъ что въ концѣ перваго десятилѣтія изъ владѣнія крестьянъ—заемщиковъ банка было изъято 353 участка пространствомъ въ 133.731 десятину съ остаткомъ капитальнаго долга въ 7.804.104 р. 6 к. Изъ обзора дѣятельности банка за этотъ періодъ оказалось, что онъ достигъ ничтожныхъ результатовъ. Его девятилѣтняя дѣятельность выразилась въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія лишь на 1,2%, тогда какъ въ это же время, благодаря дѣятельности частныхъ банковъ, во многихъ мѣстностяхъ въ руки крестьянъ перешло количество земли, въ нѣсколько разъ превышающее размѣръ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ при помощи крестьянскаго банка; а во время предшествовавшее его учрежденію, съ 1862 по 1877 г., крестьяне по свѣдѣніямъ комиссіи, обозрѣвавшей дѣятельность банка, безъ всякой правительственной помощи, путемъ самостоятельныхъ покупокъ земли, увеличивали ежегодно площадь своего землевладѣнія на 0,3%, т. е. почти въ три раза больше, нежели составляло ежегодное приращеніе этой площади, совершавшееся при помощи крестьянскаго банка. Особенно съ 1889 г., когда при новомъ министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ измѣнился и составъ Совѣта крестьянскаго банка, операціи и пріемы дѣятельности его стали все болѣе и болѣе усваивать характеръ обыкновеннаго учрежденія ипотечнаго кредита *).

Переселенческій вопросъ, выдвинутый жизнью на первый планъ въ началѣ 80-ыхъ годовъ, въ сущности былъ далеко не новъ. При крѣпостномъ правѣ переселенія крѣпостныхъ крестьянъ совершались легально по волѣ помѣщи-

*) *В. Ю. Скалонъ* н. с., стр. 15 и слѣд.

ковъ, а нелегально—путемъ побѣга. Послѣдній способъ, не смотря на строгость законовъ, практиковался отнюдь не въ видѣ исключенія. Такъ напр., изъ Тамбовской губерніи по офиціальнымъ даннымъ съ 1838 по 1840 гг. самовольно выселилось 7.876 душъ, а изъ Полтавской—съ 1840 по 1847 г.—2.180 д. „Такія самовольныя переселенія весьма часто узаконялись впослѣдствіи правительствомъ и крестьяне приписывались къ мѣсту ихъ новаго водворенія" *).

Переселенія государственныхъ крестьянъ по закону были весьма детально урегулированы—по крайней мѣрѣ, въ теоріи (въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ) была выработана цѣлая система попечительныхъ мѣръ. На практикѣ она, конечно, не выполнялась. Система разрѣшенія переселеній, при которой переселенцы должны были пользоваться довольно существенными льготами, была сопряжена со столькими мытарствами и неизбѣжными проволочками, что крестьяне предпочитали обходиться безъ льготъ и чаще всего переселялись на новыя мѣста самовольно. Размѣръ переселеній казенныхъ крестьянъ былъ, однако же, значителенъ. Съ 1831 по 1866 г. было переселено не менѣе 320.000 душъ, т. е. въ среднемъ по 9.000 душъ ежегодно; но въ нѣкоторые года число переселенцевъ достигало 28.000 (въ 1856, 1857) **).

Съ отмѣной крѣпостного права самовольныя переселенія крестьянъ не прекратились. Въ 1862 г. въ цѣляхъ колонизаціи новопріобрѣтеннаго Приамурскаго края изданы были правила о переселеніяхъ на Амуръ съ значительными льготами и пособіями отъ казны; но крестьяне продолжали переселяться самовольно въ другія менѣе отдаленныя мѣстности, не смотря на то, что по положенію 19 февраля отказъ отъ надѣла безъ разрѣшенія помѣщика не допускался. Въ это время главная масса переселенцевъ осѣдала на свободныхъ

*) „Обзоръ законоположеній по переселенческому вопросу", составленный канцеляріей комитета министровъ, стр. 2.

**) Тамъ-же.

земляхъ Оренбургской и Уфимской губерній. Къ концу 1870 г. въ этихъ губерніяхъ число неустроенныхъ переселенцевъ достигло цифры 107.000 душъ. Правительство, начиная съ 1868 года, дѣлало попытки урегулированія этого движенія; но попытки оставались попытками, а движеніе шло своимъ чередомъ. Въ періодъ съ 1876 по 1881 годъ въ мин. госуд. имущ. поступило около 1000 прошеній отъ 11.000 душъ объ отводѣ имъ участковъ земли въ многоземельныхъ губерніяхъ, и большинство этихъ ходатайствъ оставлено было безъ послѣдствій, а между тѣмъ самовольное переселеніе на свободныя земли достигло въ это время нормы до 40.000 душъ ежегодно. Многіе изъ нихъ терпѣли большую нужду, попадали въ руки эксплоататоровъ, разорялись въ конецъ; нѣкоторые теряли совершенно привычку къ осѣдлой жизни и обращались въ бродягъ и скитальцевъ.

Стремясь урегулировать это дѣло и подчинить стихійное движеніе извѣстному планомѣрному руководству, министры: внутреннихъ дѣлъ — гр. Игнатьевъ, государственныхъ имуществъ—М. Н. Островскій и финансовъ—Н. Х. Бунге, проектировали въ 1881 г. особыя правила, по которымъ для переселенцевъ, получившихъ на переселеніе разрѣшеніе правительства, облегчался порядокъ приписки ихъ къ новымъ мѣстамъ; но за то самое разрѣшеніе ставилось въ зависимость отъ мѣстнаго изслѣдованія экономическаго быта переселяющихся и отъ соглашенія двухъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Понятно, что сопряженная съ этимъ порядкомъ волокита и переписка дѣлали его совершенно непримѣнимымъ. Проектированныя правила были, однако же, утверждены 10 іюля 1881 г. и согласно имъ было разрѣшено переселеніе въ 1881 г.—15 семьямъ, въ 1882 — 33, въ 1883 — 377, въ 1884 — 550, въ 1885 — 1277, въ 1886—5490, въ 1887—9094, въ 1888—13.109; тогда какъ число фактически переселяющихся крестьянъ достигло уже въ концѣ 70-ыхъ годовъ цифры 40.000 душъ и съ тѣхъ поръ ежегодно все увеличивалось.

Въ виду очевидной недостаточности правилъ 10 іюля 1881 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была тогда же учреждена комиссія для выработки общаго закона о переселеніяхъ подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова. Комиссія эта „по тщательномъ разсмотрѣніи переданнаго на ея обсужденіе вопроса" — „пришла къ убѣжденію, что переселенческое движеніе, обнаружившееся съ особой силой въ 1879—1880 гг. — представляется явленіемъ не случайнымъ, а вполнѣ естественнымъ, вызваннымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ".

Относясь къ крестьянству и его нуждамъ весьма доброжелательно, эта комиссія проектировала цѣлый планъ мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію малоземелья въ крестьянской средѣ при помощи разселенія, переселеній и даже арендъ владѣльческихъ земель съ правомъ ихъ выкупа; но при этомъ она вводила такую регламентацію и опеку и такую систему весьма сложныхъ сношеній между органами двухъ министерствъ, которыя неминуемо должны были сдѣлать всѣ ея благія предначертанія неисполнимыми. Проектъ этотъ былъ переданъ гр. Игнатьевымъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія „свѣдущихъ лицъ", — своеобразнаго суррогата независимаго мнѣнія страны, составившаго переходъ отъ чаяній эпохи диктатуры сердца къ мрачному режиму Толстого. Свѣдущіе люди забраковали всѣ правительственныя попытки регламентаціи переселенческаго движенія. Они заявили прежде всего, что „государство должно считаться съ фактомъ переселенія въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно создается жизнью", и что „всякая попытка подчиненія этого явленія какимъ-нибудь нормамъ превратила бы законъ, установляющій эти послѣднія, въ мертвую букву *).

Подробно обосновавъ это положеніе, „свѣдущіе люди" формулировали слѣдующія заключенія:

1) что законъ не можетъ долѣе молчать о переселеніи,

*) Тамъ-же, стр. 17 и слѣд.

какъ объ одномъ изъ весьма важныхъ явленій жизни народной;

2) что въ основу законодательства о переселеніи должно быть положено признаніе права каждаго лица на переходъ на новыя мѣста, и

3) что означенное право должно быть опредѣлено и ограничено законами лишь въ такой мѣрѣ, чтобы нормы, устанавляемыя этимъ правомъ, не препятствовали правильному и свободному теченію жизни.

Отвергая слишкомъ большую опеку надъ переселенцами, „свѣдущіе люди" признавали, однако-же, цѣлесообразнымъ установить различныя льготы и даже пособія для бѣднѣйшихъ изъ переселяющихся крестьянъ, которымъ они рекомендовали отводить и ближайшія къ ихъ мѣстности казенныя земли. Разверстку земель, предназначенныхъ для переселенцевъ, направляющихся съ пособіемъ отъ правительства, между различными губерніями они предполагали предоставить соглашенію между министерствами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ; заботу объ отправленіи переселенцевъ изъ мѣстъ выхода они возлагали на мѣстныя земства; для помощи переселенцамъ въ пути они проектировали конторы изъ уполномоченныхъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и представителей мѣстныхъ земскихъ учрежденій, а самое водвореніе переселенцевъ предполагали поручить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ.

Что касается крестьянъ разныхъ категорій, предпринимающихъ переселеніе на свой страхъ, то „свѣдущіе люди" предлагали отводить имъ земли въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ, ставя такой отводъ въ зависимость единственно отъ фактической къ тому возможности.

Независимо отъ этого, совѣщаніе „свѣдущихъ лицъ" признавало необходимымъ обратить вниманіе на крестьянъ, водворяющихся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и попытаться оградить ихъ отъ произвола собственниковъ и экономической

зависимости отъ нихъ. Съ этой цѣлью они предполагали установить для арендныхъ условій, заключаемыхъ между землевладѣльцами и переселенцами, 9-ти лѣтній срокъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ права выкупа арендуемыхъ участковъ по цѣнѣ и на условіяхъ, опредѣленныхъ въ контрактѣ *).

Мнѣнія „свѣдущихъ лицъ" не получили осуществленія, такъ какъ „сила власти" сосредоточилась съ 1883 года въ рукахъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого, принципіальнаго крѣпостника и реакціонера. Однако и онъ былъ, конечно, безсиленъ остановить стихійное движеніе переселеній. Возвращать самовольныхъ переселенцевъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, гдѣ они водворялись, въ мѣста приписки даже и гр. Толстой не рѣшался, и правительству приходилось волей-неволей легализировать періодически водворявшихся въ разныхъ мѣстахъ переселенцевъ путемъ формальной приписки ихъ къ соотвѣтствующимъ волостямъ и сельскимъ обществамъ, чтобы имѣть возможность. по крайней мѣрѣ, облагать ихъ податями. Въ концѣ концовъ министерство внутреннихъ дѣлъ признало, что единственнымъ способомъ побудить крестьянъ предпочесть законный путь переселеній, обставленный пособіями и льготами, переселенію самовольному, является обнародованіе соотвѣтствующихъ правилъ во всеобщее свѣдѣніе.

Тѣмъ не менѣе въ выработанномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ законѣ, утвержденномъ 13 іюля 1889 г., было сказано, что лица, предпринявшія переселеніе безъ разрѣшенія подлежащихъ министровъ, возвращаются въ мѣста приписки распоряженіями административныхъ властей. Въ сущности это была пустая угроза, въ дѣйствительности никогда не приводившаяся въ исполненіе. Лицамъ, переселявшимся на основаніи этого закона, въ губерніи Европейской Россіи, земля отводилась первоначально во временное пользованіе

*) Тамъ же, стр. 22 и слѣд.

на сроки отъ 6 до 12 лѣтъ, а по прошествіи этихъ сроковъ могла быть оставляема въ безсрочный надѣлъ. Лицамъ, переселявшимся въ сибирскія губерніи, земля отводилась сразу въ безсрочное пользованіе на одинаковыхъ со старожилами основаніяхъ. Въ уплатѣ податей переселенцы и здѣсь, образуя изъ себя сельскія общества, обязывались другъ за друга круговою порукою (ст. 9), независимо отъ того, получали ли они надѣлъ въ общинное или въ подворное пользованіе. Всѣ переселенцы, водворявшіеся по закону 13 іюля 1889 г., освобождались отъ казенныхъ податей и повинностей въ Европейской Россіи на *два*, а въ Сибири на *три* года, и въ последующіе *три* года платили ихъ въ половинномъ размѣрѣ. Кромѣ того они получали льготу по воинской повинности (отсрочку) въ Европейской Россіи на *два* года, а въ Сибири — на *три* (ст. 11).

Въ теченіи 7 лѣтъ съ 1 января 1887 г. по 1 января 1894 г. въ границы Сибири переселилось на основаніи этого закона и помимо его 67.041 семья, что составляетъ не менѣе 400.000 душъ обоего пола. Изъ этого числа болѣе 82% были выходцы изъ черноземныхъ-хлѣбородныхъ губерній. Въ послѣдующіе года, какъ мы ниже увидимъ, размѣры движенія еще болѣе увеличились.

Что касается облегченія крестьянамъ аренды земель въ Россіи, то въ этомъ отношеніи въ 1881 г. проведена была одна мѣра (по представленію министра государственныхъ имуществъ гр. Игнатьева): разрѣшено крестьянскимъ обществамъ снимать казенныя земли въ аренду съ торговъ на срокъ не свыше 24 лѣтъ, не стѣсняясь ихъ разстояніемъ отъ селенія; при чемъ дозволено было, въ обезпеченіе исправнаго платежа арендныхъ денегъ, взамѣнъ залога, принимать мірскіе приговоры *). По офиціальнымъ даннымъ въ первый же годъ послѣ этого въ 8 губерніяхъ Европейской Россіи крестьянскими обществами снято было 66,1% общаго количества предъ-

*) Историческій обзоръ дѣятельности Ком. М-ровъ, т. IV, стр. 259.

явленной къ торгамъ казенной земли, тогда какъ по предшествовавшей арендѣ за крестьянами состояло лишь 24,3% всѣхъ участковъ; но арендная плата при этомъ повысилась на 58% *).

9 ноября 1884 года (по представленію М. Н. Островскаго) министру государственныхъ имуществъ было предоставлено разрѣшать сдачу крестьянскимъ обществамъ въ аренду безъ торговъ казенныхъ земель, расположенныхъ не далѣе 12 верстъ отъ селенія арендаторовъ, на срокъ до 12 лѣтъ **).

Таковы были мѣры, принятыя въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ къ упроченію имущественнаго положенія крестьянъ.

Вопросъ объ упорядоченіи крестьянскаго управленія значительно затянулся и получилъ въ концѣ концовъ рѣшеніе уже вполнѣ реакціонное. Заключенія земскихъ собраній по вопросу о преобразованіи крестьянскаго управленія, переданному на обсужденіе ихъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова 22 декабря 1880 года, поступили вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ проектовъ и предположеній, возникшихъ въ средѣ земскихъ собраній, въ министерство внутреннихъ дѣлъ уже при гр. Игнатьевѣ. Земскія собранія поняли свою задачу весьма широко и вопросъ о преобразованіи управленія крестьянами связали съ коренной реформой всего мѣстнаго управленія. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ предположеній и составленія проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго управленія, по докладу гр. Игнатьева, была образована (4 сентября и 20 октября 1881 г.) особая внѣвѣдомственная комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. С. Каханова. Въ комиссію эту, на ряду съ заключеніями земскихъ собраній и крестьянскихъ присутствій, поступили и ревизіонные отчеты сенаторовъ вмѣстѣ со всѣми собранными ими матеріалами. Сами сенаторы назначены были членами этой комиссіи, а на

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же, стр. 260.

ряду съ ними въ составъ ея вошли представители вѣдомствъ (по большей части товарищи министровъ) и кромѣ того Каханову предоставлено было приглашать, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, къ участію въ ней различныхъ свѣдущихъ лицъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей. Собравшись три раза въ теченіе зимы 1881 — 1882 гг., комиссія намѣтила общій планъ работъ, разсмотрѣнный комитетомъ министровъ и утвержденный Императоромъ, а затѣмъ выдѣлила изъ среды своей особое „совѣщаніе", родъ подкомиссіи, въ составѣ Каханова, ревизовавшихъ губерніи сенаторовъ и еще нѣсколькихъ лицъ, въ которое и перешла фактически вся работа. Совѣщаніе это работало 2½ года и въ результатѣ выработало полный проектъ преобразованія всего мѣстнаго управленія. Въ основу этого проекта положены были предположенія о новомъ устройствѣ поземельной общины, сельскаго общества и волости, весьма существенно измѣнявшія весь строй крестьянскаго самоуправленія. Совѣщаніе предполагало сохранить черты спеціально крестьянскаго установленія лишь за поземельно-хозяйственными союзами крестьянъ подъ названіемъ „поземельныхъ общинъ" и „поземельныхъ союзовъ" участковыхъ владѣльцевъ; сельскія же общества, въ составъ которыхъ вводились всѣ обитатели деревень, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому сословію, должны были стать по мысли совѣщанія первой ячейкой мѣстнаго всесословнаго самоуправленія. Волости совѣщаніе придавало чисто территоріальное значеніе административнаго подраздѣленія уѣзда и во главѣ ея ставило особое должностное лицо, „волостеля", выбираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Такимъ образомъ, волость, по проекту совѣщанія, не только утратила бы свой сословный характеръ, но и вообще не являлась бы особой самоуправляющейся единицей. Признавая обособленныя крестьянскія учрежденія анахронизмомъ, потерявшимъ всякій смыслъ, не только не нужнымъ для охраны дѣйствительныхъ интересовъ крестьянъ, но даже во многихъ отношеніяхъ вреднымъ именно съ точки зрѣнія истинныхъ

нуждъ и интересовъ крестьянства, совѣщаніе находило совершенно излишнимъ существованіе какихъ либо спеціальныхъ учрежденій для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ. Разрѣшеніе дѣлъ, касающихся крестьянскихъ поземельныхъ союзовъ, по проекту совѣщанія, распредѣлялось между волостями, общимъ уѣзднымъ управленіемъ и мировыми судьями. Волостной судъ не упразднялся, но преобразовывался въ учрежденіе, аналогичное польскимъ всесословнымъ гминнымъ судамъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи и съ тѣмъ, что второю инстанціею по отношенію къ нему являлся бы съѣздъ мировыхъ судей.

Главный смыслъ преобразованій, намѣченныхъ совѣщаніемъ, заключался, такимъ образомъ, въ уничтоженіи сословной обособленности крестьянства въ административномъ отношеніи. Но такое направленіе работъ совѣщанія не встрѣтило сочувствія въ средѣ самой комиссіи, когда засѣданія ея возобновились осенью 1884 года, причемъ сама Кахановская комиссія была пополнена значительнымъ количествомъ свѣдущихъ лицъ, изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, главнымъ образомъ, губернаторовъ разныхъ губерній и предводителей дворянства. Къ этому времени реакція въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, начавшаяся послѣ 1 марта, окончательно опредѣлилась, окрѣпла и чрезвычайно усилилась. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ съ 1882 г. гр. Д. А. Толстой и режимъ, имъ направлявшійся, былъ уже въ полной силѣ.

Въ составѣ Кахановской комиссіи характернымъ выразителемъ новаго курса, отражавшимъ на себѣ черты не только правительственной, но и общественной реакціи 80-хъ годовъ, былъ А. Д. Пазухинъ, запоздалый хранитель сословныхъ традицій и отчаянный ненавистникъ того безсословнаго общества, которое именуется интеллигенціей; принципіальнымъ защитникомъ полицейскаго произвола и вмѣстѣ типичнымъ его представителемъ являлся въ Кахановской комиссіи черниговскій губернаторъ Анастасьевъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи весьма нелестную, но прочную славу. Всѣ предположенія совѣщанія

были жестоко раскритикованы въ комиссіи, которая на обсужденіе ихъ потратила девять засѣданій. Однако же новый проектъ не былъ выработанъ при этомъ, и комиссія была упразднена по докладу Толстого 28 февраля 1886 г., а матеріалы ея переданы въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь выработка новаго проекта поручена была Пазухину, который назначенъ былъ правителемъ канцеляріи министра.

Свои идеи Пазухинъ изложилъ еще въ 1885 г. въ особой статьѣ, напечатанной сперва въ „Русскомъ Вѣстникѣ", а затѣмъ появившейся въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ". Подобно тому, какъ Мальцевъ утверждалъ въ запискѣ своей 1858 года, что всѣ бѣды въ Россіи пошли отъ тѣхъ легкомысленныхъ преобразованій, которыми ознаменовалось начало царствованія Александра I, такъ Пазухинъ въ своемъ оригинальномъ памфлетѣ открыто объявляетъ причиной всѣхъ язвъ современной Россіи тотъ безсословный строй, который созданъ былъ реформами шестидесятыхъ годовъ, изъ которыхъ онъ особенно ненавистными считалъ земскую и судебную. „Соціальная нивеллировка, начавшаяся, по мнѣнію Пазухина, не съ крестьянской, а съ земской реформы, лишила дворянство всѣхъ служилыхъ правъ какъ по мѣстному, такъ и по государственному управленію. Утрата служебныхъ привилегій имѣла послѣдствіемъ ослабленіе связи дворянства съ правительствомъ, распаденіе дворянства, какъ корпораціи, и постепенное паденіе его авторитета среди населенія. Это ненормальное политическое положеніе отозвалось неблагопріятно на дворянской собственности". Тѣ же условія расшатали и другія сословія. Одновременно съ постепеннымъ разрушеніемъ сословій нарождается и разростается „безсословное общество, недавно получившее названіе *интеллигенціи*". Въ это понятіе по Пазухину „входитъ все то, что находится внѣ сословнаго быта. Это есть то безформенное общество, которое наполняетъ собою всѣ

щели, образовавшіяся въ народномъ организмѣ въ эпоху реформъ и которое лежитъ теперь довольно толстымъ пластомъ вверху Россіи". Антипатія Пазухина къ этому слою безгранична. Отличительная черта его—безпочвенность, отчужденность отъ народа. „Утрачивая всѣ сословно-бытовыя особенности, русскій человѣкъ утрачиваетъ и всѣ національныя черты". Пазухинъ огульно обвиняетъ всю интеллигенцію въ своекорыстномъ стремленіи къ потрясенію основъ. Установивъ, такимъ образомъ, діагнозъ болѣзни, причиненной Россіи реформами Александра II, Пазухинъ указывалъ въ своей статьѣ и путь къ исцѣленію. „Если, — писалъ онъ,—въ реформахъ прошлаго царствованія мы усматриваемъ великое зло въ томъ, что они разрушили сословную организацію, то задача настоящаго должна состоять въ возстановленіи разрушеннаго..."

Эти идеи очень понравились министру внутреннихъ дѣлъ гр. Толстому, и онъ поручилъ Пазухину выработать проектъ возможной реставраціи утраченнаго. Результатами этой работы явились впослѣдствіи, правда въ значительно видоизмѣненномъ видѣ, положенія 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ и 12 іюня 1890 г. о земскихъ учрежденіяхъ.

Для возстановленія правильныхъ отношеній между дворянствомъ и крестьянствомъ Пазухинъ обратился къ тѣмъ самымъ идеямъ попечительства, которыя выдвигались всѣми крѣпостниками въ эпоху выработки крестьянской реформы. Прежнія попытки сохраненія вотчинной власти и вотчиннаго вліянія въ лицѣ участковыхъ попечителей и волостныхъ или участковыхъ начальниковъ, которые развиты были разными губернскими комитетами на почвѣ Позеновской программы, теперь воплотились въ образѣ участковаго земскаго начальника, избираемаго, по проекту Пазухина, изъ числа мѣстныхъ дворянъ для надзора за правильнымъ ходомъ крестьянскаго управленія и для разбора тѣхъ мелкихъ, но въ сельско-хозяйственномъ быту существенно важныхъ судебно-полицейскихъ дѣлъ, которыя по положенію 19 февраля ввѣрены были мировымъ посредникамъ (дѣла по полицейскимъ проступ-

камъ, а также иски: о наймѣ на сельскія работы, о личныхъ обязательствахъ, кромѣ векселей, о вознагражденіи за ущербъ и убытки по потравамъ угодій и т. п. и о возстановленіи нарушеннаго владѣнія).

При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ онъ встрѣтилъ весьма сильную оппозицію со стороны его членовъ, въ противовѣсъ ему былъ выдвинутъ другой проектъ А. А. Абазы, который предлагалъ дать административную власть въ уѣздахъ мировымъ судьямъ, по примѣру англійскихъ. Въ то же время въ числѣ возраженій противъ проектированнаго Пазухинымъ института, указывалось на непосильность для населенія расходовъ, вызываемыхъ необходимостью содержать на ряду съ мировыми судьями еще и земскихъ начальниковъ. Эти возраженія навели императора Александра III, вполнѣ раздѣлявшаго точку зрѣнія гр. Толстого и Пазухина, на мысль о желательности упраздненія мировыхъ судей съ тѣмъ, чтобы ихъ компетенція была распредѣлена между земскими начальниками, волостными и окружными судами. Упраздненіе мировыхъ судей въ глазахъ Александра III представлялось удобнымъ еще и потому, что, уменьшая издержки населенія, оно въ тоже время освобождало довольно обширный контингентъ лицъ, могущихъ занять мѣста земскихъ начальниковъ. Остановившись на этомъ компромиссѣ, императоръ повелѣлъ сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ первоначальномъ проектѣ, и поторопиться скорѣйшимъ окончаніемъ всего дѣла. Воля императора, шедшая въ разрѣзъ съ мнѣніемъ огромнаго большинства государственнаго совѣта, была исполнена безъ замедленія и 12 іюля 1889 года положеніе о земскихъ начальникахъ стало закономъ.

Институтъ земскихъ начальниковъ долженъ былъ съ одной стороны, по идеѣ Пазухина, *возстановить и укрѣпить сословный строй* въ Россіи, поколебленный реформами шестидесятыхъ годовъ; съ другой стороны, онъ долженъ былъ создать въ рукахъ помѣстнаго дворянства *крѣпкую и вмѣстѣ съ тѣмъ близкую къ народу власть*, которая могла бы под-

держать, при помощи всесторонней опеки и руководительства крестьянами въ ихъ хозяйственномъ и гражданскомъ быту, падающее хозяйство и благосостояніе народа. Съ этою цѣлью на земскихъ начальниковъ, которые должны были назначаться администраціей изъ числа мѣстныхъ дворянъ*), было возложено „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи" крестьянъ ихъ участковъ (ст. 39) и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлена начальническая власть надъ всѣми лицами и учрежденіями крестьянскаго „самоуправленія", съ правомъ наложенія безапелляціонныхъ взысканій на всѣхъ должностныхъ лицъ этого „самоуправленія". Вмѣстѣ съ тѣмъ земскимъ начальникамъ предоставлено: разсмотрѣніе и дополненіе списковъ дѣлъ, назначенныхъ къ обсужденію на волостныхъ сходахъ; непосредственное утвержденіе нѣкоторыхъ общественныхъ приговоровъ и представленіе нѣкоторыхъ другихъ приговоровъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ; разсмотрѣніе по существу всѣхъ остальныхъ общественныхъ приговоровъ, съ правомъ представленія въ уѣздный съѣздъ для отмѣны тѣхъ изъ нихъ, которые постановлены несогласно съ законами, либо клонятся къ явному ущербу для общества, либо нарушаютъ права отдѣльныхъ его членовъ.

На ряду съ этимъ земскому начальнику, какъ опекуну и начальнику всего крестьянскаго населенія участка, предоставлена была дисциплинарная власть надъ всѣми лицами непривилегированныхъ сословій въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему участка; а именно ему предоставлялось, въ случаѣ

*) По ст. 9—15 пол. о земск. нач., земскіе начальники избираются изъ числа мѣстныхъ дворянъ съ извѣстнымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ губернаторами по совѣщаніи съ губ. и уѣздными предводителями дворянства: причемъ, однако же, если въ губерніи не найдется подходящихъ кандидатовъ съ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ, министръ можетъ, на основаніи ст. 15 и примѣчанія къ ней, назначить всякое лицо, которое онъ лично признаетъ подходящимъ.

неисполненія законныхъ его требованій и распоряженій лицами, подвѣдомственными крестьянскому управленію, подвергать виновныхъ безъ всякаго формальнаго производства, безапелляціоннымъ взысканіямъ: аресту до 3 дней и штрафу до 6 рублей.

Благодаря упраздненію мировыхъ судей, земскимъ начальникамъ переданы были не только тѣ судебныя функціи, которыя принадлежали до введенія судебной реформы мировымъ посредникамъ, но и значительная часть маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судьямъ. По той же причинѣ была сильно расширена компетенція волостныхъ судовъ, къ которымъ также перешла значительная часть дѣлъ, рѣшавшихся прежде мировыми судьями. „Волостной судъ, имѣвшій до тѣхъ поръ—по справедливому замѣчанію И. М. Страховскаго—значеніе неформальной домашней расправы и совѣстнаго суда съ очень ограниченной подсудностью, былъ преобразованъ въ постоянное судебное мѣсто съ широкой уголовной и гражданской подсудностью". При этомъ подчиненность волостныхъ судовъ административнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ не только не уменьшилась, но еще болѣе усилилась. Волостные судьи не только были подчинены дисциплинарной власти земскаго начальника, наравнѣ съ прочими должностными лицами крестьянскаго управленія, но и самое ихъ назначеніе изъ числа избранныхъ сходами кандидатовъ предоставлено было тому же земскому начальнику; а назначеніе предсѣдателя волостнаго суда изъ числа назначенныхъ земскимъ начальникомъ судей —уѣздному съѣзду земскихъ начальниковъ. Послѣднему предоставлено также возлагать предсѣдательствованіе въ волостномъ судѣ, буде онъ признаетъ это удобнымъ, и на волостного старшину.

На тѣхъ же принципахъ административной опеки, въ видахъ предотвращенія разоренія и деморализаціи крестьянъ, гр. Толстымъ проведенъ былъ еще въ 1886 г. законъ о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ сельскихъ

обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное землевладѣніе. Законъ этотъ, однако же, гр. Толстому не удалось провести въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ былъ первоначально задуманъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ виду выставленныхъ противъ него принципіальныхъ возраженій со стороны министерства финансовъ, законопроектъ, представленный въ государственный совѣтъ еще въ январѣ 1884 г., пришлось взять обратно и передѣлать, причемъ государственный совѣтъ въ концѣ-концовъ не согласился распространить его на тѣ общества, въ которыхъ надѣлы находятся въ подворномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ. Въ отвѣтѣ своемъ на отзывъ министерства финансовъ гр. Толстой заявилъ, что законопроектъ этотъ совершенно сознательно „присваиваетъ сходу обязанность *опеки* надъ отдѣльными членами общества“ и что такому характеру дѣятельности сходовъ министерство внутреннихъ дѣлъ „придаетъ особое значеніе“.

По закону 18 марта 1886 г. семейные раздѣлы въ обществахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ могутъ быть разрѣшаемы лишь приговорами сельскихъ сходовъ; причемъ, какъ сельскіе сходы, такъ и учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ (съ 1889 г. земскіе начальники) входятъ въ обсужденіе допустимости и желательности раздѣла въ каждомъ частномъ случаѣ по существу; семейства же, раздѣлившіяся безъ установленнаго разрѣшенія или вопреки запрещенію, признаются въ податномъ отношеніи за нераздѣльныя единицы.

Въ томъ же крѣпостническомъ духѣ выработанъ былъ въ это время и законъ о наймѣ на сельскія работы (12 іюня 1886 г.), по которому нарушеніе со стороны сельскохозяйственныхъ рабочихъ договора найма приравнивается къ уголовно-наказуемымъ проступкамъ.

Замѣчательно, что убѣжденіе въ необходимости охраненія и расширенія крестьянской обособленности и административной опеки крестьянъ, ради поддержанія ихъ благосостоянія, раздѣлялось въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка не только

правительственными сферами, гдѣ и проводилъ свои крѣпостническія тенденціи гр. Толстой, но и широкими общественными кругами. Типичнымъ образчикомъ этого настроенія представляется отчетъ, представленный въ 1890 г. императорскому вольно-экономическому обществу членомъ его Г. П. Сазоновымъ объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ по порученію общества въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи по поводу весьма прискорбной исторіи съ бывшими крѣпостными крестьянами порховскаго уѣзда, выкупившими,— при помощи значительнаго капитала, завѣщаннаго на эту цѣль мѣстнымъ помѣщикомъ Н. Н. Пантелѣевымъ (около милліона рублей),—свои надѣлы, а затѣмъ заложившими ихъ въ частныхъ банкахъ и въ концѣ-концовъ едва не потерявшими всѣ свои земли. Въ отчетѣ своемъ авторъ пришелъ къ выводу о необходимости государственной охраны неприкосновенности крестьянскаго землевладѣнія и предлагалъ вольно-экономическому обществу указать правительству на неотложность изданія закона о неотчуждаемости крестьянской земли *). Настроеніе автора этого доклада, стоящаго безусловно на точкѣ зрѣнія охраны и защиты крестьянскихъ интересовъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ настроеніемъ, которое выражалось во внутренней политикѣ правительства восьмидесятыхъ годовъ. Данныя и соображенія, представленныя г. Сазоновымъ въ его изслѣдованіи, послужили немаловажнымъ подкрѣпленіемъ для мотивировки законопроекта о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, сдѣлавшагося закономъ 14 декабря 1893 года. Настроеніе изслѣдователя, командированнаго вольно-экономическимъ обществомъ, совпадало въ этомъ случаѣ съ настроеніемъ членовъ правительственной комиссіи, образованной для разработки того же вопроса по докладу гр. Толстого 12 мая 1888 г. **).

По закону 14 декабря 1893 г. въ предупрежденіе отчужде-

---

*) *Г. П. Сазоновъ* „Крестьянская земельная собственность“, стр 214.
**) „Крестьянскій строй“, стр. 435.

нія крестьянскихъ надѣльныхъ земель приняты были слѣдующія мѣры: 1) продажа общественныхъ земель сельскими обществами поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія губернскихъ присутствій, если цѣна отчуждаемаго участка не превышаетъ 500 руб., и отъ разрѣшенія трехъ министровъ (внутр. дѣлъ, финансовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и госуд. имуществъ), если стоимость участка выше 500 рублей. 2) Выкупъ и выдѣлъ подворныхъ участковъ (на основаніи 165 ст. пол. о выкупѣ) поставленъ въ зависимость отъ согласія сельскихъ сходовъ. 3) Пріобрѣтеніе подворныхъ участковъ, отчуждаемыхъ отдѣльными крестьянами, дозволено только тѣмъ покупщикамъ, которые принадлежатъ или приписываются къ подлежащимъ сельскимъ обществамъ. Наконецъ, 4) залогъ надѣльныхъ земель кому бы то ни было совершенно запрещенъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ этотъ, особенно въ той его части, которая фактически дѣлала почти непримѣнимой ст. 165 пол. о выкупѣ, встрѣтилъ полное одобреніе со стороны такихъ независимыхъ органовъ печати, какъ „Русскія Вѣдомости“ и др.

Другой законъ, разрабатывавшійся параллельно съ этимъ также въ 80-ыхъ годахъ и получившій осуществленіе также лишь въ 1893 г.,—былъ законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли. Этимъ закономъ земскимъ начальникамъ предоставлено было право вмѣшательства и въ эту сферу мірскихъ хозяйственныхъ распорядковъ.

Въ близкой связи съ положеніемъ о земскихъ начальникахъ стоитъ предпринятая гр. Толстымъ, при содѣйствіи того же Пазухина, реорганизація земскихъ учрежденій. Уничтожить всякую ихъ самостоятельность гр. Толстой не успѣлъ, въ той мѣрѣ, какъ это ему хотѣлось, но положеніе и характеръ участія крестьянъ въ земствѣ былъ измѣненъ самымъ радикальнымъ образомъ. По положенію 1 января 1864 г. крестьяне пользовались правомъ имѣть своихъ представителей въ земствѣ наравнѣ съ другими сословіями. При этомъ крестьянскимъ обществамъ предоставлено было избирать въ

гласные какъ своихъ членовъ, такъ и лицъ прочихъ сословій, пользовавшихся избирательными правами въ данномъ уѣздѣ. Число гласныхъ отъ крестьянъ вмѣстѣ съ гласными отъ городовъ, по закону, не могло быть меньше числа гласныхъ отъ землевладѣльцевъ.

По положенію 1890 г., крестьяне потеряли право свободнаго и независимаго представительства своихъ интересовъ въ земствѣ. Имъ было предоставлено выбирать лишь кандидатовъ по одному отъ волости, изъ числа которыхъ нѣсколько человѣкъ на уѣздъ назначаются гласными губернаторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ земскихъ собраній введены ex officio земскіе начальники, присутствіе которыхъ при наличности имѣющейся у нихъ дисциплинарной безапелляціонной власти надъ крестьянами, хотя бы и облеченными званіемъ гласнаго, отнимаетъ всякую самостоятельность у этихъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, участіе крестьянъ въ земствѣ по положенію 1890 года хуже чѣмъ сведено къ нулю—оно поставлено въ такія условія, при которыхъ ихъ голосами могутъ фактически располагать въ своихъ видахъ земскіе начальники.

ГЛАВА X.

Голодъ 1891—1893 годовъ.—Пробужденіе общества.—Настроеніе правительства.—Развитіе переселенческаго движенія въ связи съ постройкой Сибирской желѣзной дороги.—Сознаніе необходимости значительныхъ коррективовъ къ крестьянской реформѣ 1861 года.—Вопросъ объ учрежденіи внѣвѣдомственной комиссіи.—Вопросъ о водвореніи правопорядка въ деревнѣ.—Взгляды на крестьянскій вопросъ С. Ю. Витте и В. К. Плеве.—Пересмотръ положенія 19 февраля.—Вопросъ объ „оскудѣніи центра". Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.—Сельскохозяйственные комитеты.—Аграрный вопросъ и аграрная программа земскихъ дѣятелей.—Рескриптъ И. Л. Горемыкину.—Положеніе крестьянскаго вопроса въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Политика административной опеки надъ крестьянами и охрана сословной обособленности крестьянства, развившіеся съ такой силой въ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, не спасли, однако, крестьянъ отъ хозяйственнаго упадка и разоренія. Не предохранили ихъ отъ этого и тѣ паліативныя мѣры, которыя были предприняты и отчасти осуществлены министерствомъ финансовъ при Н. Х. Бунге.

Несостоятельность всѣхъ этихъ мѣръ и вообще всей экономической политики, проводившейся у насъ послѣ 1861 года, доказалъ самымъ рѣзкимъ и грознымъ образомъ голодъ 1891—1893 годовъ, случившійся въ цѣломъ рядѣ губерній послѣ неурожаевъ 1891 и 1892 года. Бѣдствіе это охватило уже въ зиму 1891—1892 годовъ цѣлыхъ двадцать губерній; причемъ большая часть ихъ принадлежала къ числу черноземныхъ и наиболѣе хлѣбородныхъ, а между тѣмъ въ нихъ не

только не оказалось сколько-нибудь достаточныхъ мѣстныхъ запасовъ или продовольственныхъ средствъ, но и хозяйство крестьянъ оказалось настолько надломленнымъ и разстроеннымъ, что во многихъ мѣстахъ представлялось совершенно немыслимымъ спасти его отъ полнаго крушенія. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ обнаруженъ былъ огромный процентъ безлошадныхъ и безкоровныхъ крестьянскихъ дворовъ, которымъ въ первый же годъ неурожая нечего было продавать даже изъ хозяйственнаго инвентаря, чтобы купить необходимое пропитаніе. Многіе пошли „въ кусочки"; дворы, имѣвшіе репутацію средне-состоятельныхъ, спѣшили сбыть послѣдній скотъ, чтобы съ одной стороны купить себѣ продовольствіе, а съ другой не имѣть необходимости кормить скотину зимой. Тѣ, которые старались удержать необходимый въ хозяйствѣ рабочій скотъ, употребляли на кормъ ему соломенныя крыши, нерѣдко гнилыя, полуистлѣвшія. Сами крестьяне, даже сравнительно зажиточные, по крайней мѣрѣ считавшіеся таковыми, принуждены были питаться въ значительной мѣрѣ суррогатами, нерѣдко далеко небезвредными для здоровья. Начались повальныя болѣзни: цынга, брюшной и такъ называемый голодный тифъ. Передъ изслѣдователями, бросившимися въ деревню на помощь народу, открылась такая безысходная нужда, которой никто почти не ожидалъ встрѣтить въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстахъ. Оказалось, что нашъ собственникъ-крестьянинъ, которымъ такъ гордилась еще недавно значительная часть нашей литературы, живетъ и въ обычное время гораздо бѣднѣе и хуже, чѣмъ большая часть рабочихъ-пролетаріевъ на западѣ. Оказалось во многихъ мѣстахъ, что печка съ трубой представляется чуть не половинѣ крестьянъ центрально-черноземныхъ губерній—роскошью. Автору этой книги, лично производившему подворныя переписи крестьянъ въ эти годы въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Тульской, приходилось неоднократно встрѣчать деревни (особенно въ Тульской губерніи),

въ которыхъ половина дворовъ были безлошадные и три четверти избъ топились „по черному", т. е. безъ трубы... *).

На помощь голодающимъ не только были истрачены очень скоро всѣ мѣстныя продовольственныя средства, находившіяся въ рукахъ земствъ; не только ассигнованы были многомилліонныя ссуды изъ имперскаго продовольственнаго капитала и изъ общегосударственныхъ средствъ, но потребовалось широкое развитіе частной благотворительности и даже частной иниціативы въ дѣлѣ спасенія крестьянъ, погибавшихъ отъ голода. Полицейская администрація, ревниво оберегавшая до тѣхъ поръ народъ отъ всякаго соприкосновенія съ интеллигенціей, принуждена была пустить многочисленныхъ представителей этой интеллигенціи и даже столичной учащейся молодежи въ деревню...

Этотъ новый походъ въ народъ, предпринятый, можно сказать импровизированный, совершенно неожиданно, безъ всякой подготовки и безъ какой-либо опредѣленной идейной подкладки, не остался однако же безрезультатнымъ. Съ голода 1891—1893 г. г. начинается пробужденіе нашего общества изъ апатіи и застоя, въ которомъ оно находилось въ годы реакціи, наступившей съ начала восьмидесятыхъ годовъ. Повязка спала съ многихъ глазъ, и многіе, до тѣхъ поръ спокойно дремавшіе, увидѣли вдругъ, что положеніе народа, который считался возрожденнымъ для новой свободной и привольной жизни послѣ паденія крѣпостного права,—остается по прежнему бѣдственнымъ, безпомощнымъ и сѣрымъ и что вывести его изъ этого положенія нельзя тѣми жалкими паліативами и при помощи той системы административной опеки, которыя практиковались у насъ съ середины восьмидесятыхъ годовъ. Общество наше зашевелилось и первымъ признакомъ окончательнаго его пробужденія явилось оживленіе интереса къ идейнымъ вопросамъ на соціально-экономи-

*) Ср. мою книгу „Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ". М. 1893 г. passim.

ческія темы, отразившеся и въ литературѣ, и въ собраніяхъ и кружкахъ учащейся молодежи. Возникла шумная война марксистовъ съ народниками, которая ознаменовала собой начало и середину девяностыхъ годовъ.

Голодъ девяностыхъ годовъ заставилъ призадуматься и правительство, которое ясно увидѣло, что крестьянскій вопросъ не можетъ считаться оконченнымъ и что паліативы восьмидесятыхъ годовъ лишь отодвинули дѣло отъ настоящаго его разрѣшенія. Но и разочаровавшись въ значительной мѣрѣ въ идеяхъ, развивавшихся гр. Толстымъ и его соратниками, правительство никакъ не могло найти какой-нибудь новый, удовлетворительный путь къ разрѣшенію этого грознаго вопроса. Въ 1894 г. началось новое царствованіе, но у власти остались тѣ же министры, которые хотя и съ меньшей настойчивостью и послѣдовательностью, но склонны были по прежнему проводить или, по крайней мѣрѣ, поддерживать идеи политики, завѣщанной гр. Толстымъ. Между правительствомъ и обществомъ въ это время развивался все большій и большій разладъ, поддерживаемый репрессивными мѣрами и той системой недовѣрія ко всякому общественному почину, которая выражалась особенно рѣзко въ явномъ стремленіи подавить и уничтожить всякую самостоятельность и независимость земства и достигла крайняго своего развитія уже на нашихъ глазахъ въ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве.

Изъ паліативовъ, направленныхъ въ это время къ смягченію все обострявшагося экономическаго положенія крестьянства, самымъ существеннымъ было развитіе правительственныхъ мѣръ по упорядоченію переселенческаго движенія. Движеніе это развивалось, какъ мы видѣли выше, главнымъ образомъ, стихійно, и правительство тщетно стремилось въ семидесятыхъ и особенно въ восьмидесятыхъ годахъ взять его въ свои руки. Въ девяностыхъ годахъ могущественнымъ факторомъ, способствовавшимъ усиленію и упорядоченію этого движенія, явилась постройка Сибирской желѣзной до-

роги. Главное руководительство въ этомъ дѣлѣ возложено было на особый комитетъ, образованный еще въ 1893 году, причемъ предсѣдателемъ этого комитета назначенъ былъ наслѣдникъ—цесаревичъ, нынѣ царствующій Императоръ Николай Александровичъ. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1894 г. Императоръ Николай сохранилъ за собой предсѣдательствованіе въ этомъ комитетѣ, признавая за дѣломъ проведенія Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути особую государственную важность. Благодаря этому дѣлу и связаннымъ съ нимъ задачамъ колонизаціи длинной полосы, по которой прокладывалась эта дорога, удалось снискать себѣ особенное покровительство и переселенческому движенію, которое не далѣе какъ за два года передъ тѣмъ пытался совсѣмъ пріостановить бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново *). Попытка Дурново, мотивированная недостаткомъ приготовленныхъ для переселенцевъ участковъ въ сибирскихъ губерніяхъ, оказалась, впрочемъ, на дѣлѣ совершенно безсильной и въ годъ этой попытки (въ 1892 г.) размѣры движенія достигли 90.000 душъ, самовольно перевалившихъ Уралъ. Командированному въ это время въ западно-сибирскія губерніи съ правами генералъ-губернатора сенатору кн. Голицыну ничего не осталось, какъ просить разрѣшенія устроить этихъ самовольныхъ переселенцевъ въ мѣстахъ ихъ водворенія. Также было поступлено и съ самовольными переселенцами слѣдующихъ двухъ лѣтъ, пока наконецъ циркуляръ И. Н. Дурново не былъ отмѣненъ **). Между тѣмъ нужда въ упорядоченіи этого движенія сказывалась все сильнѣе: благодаря массовому скопленію переселенцевъ въ мѣстахъ посадки ихъ на плоты и пароходы, на которыхъ они двигались по рѣкамъ западной Сибири, и недо-

---

*) 6 мая 1892 г. онъ издалъ циркуляръ за № 11, которымъ предписывалъ губернаторамъ пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе, въ виду отсутствія въ Сибири приготовленныхъ переселенческихъ участковъ.

**) Отмѣна его состоялась въ 1894 г.

статку перевозочныхъ средствъ на этихъ рѣкахъ, между переселенцами развивались повальныя болѣзни, и смертность ихъ въ пути достигала значительныхъ размѣровъ. Съ другой стороны интересы строющейся желѣзной дороги требовали направленія переселенческой колонизаціи въ районъ той полосы, по которой проводилась дорога. До начала постройки Сибирской желѣзной дороги средства, отпускавшіяся изъ казны на воспособленіе переселенцамъ, были сравнительно съ нуждами этого движенія совершенно ничтожны: они выражались въ десяткахъ тысячъ рублей. Съ началомъ же постройки въ первыхъ же засѣданіяхъ комитета по сооруженію дороги признано было необходимымъ образовать особый фондъ на содержаніе различныхъ вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкой желѣзной дороги. Въ 1894 г. расходы на такія предпріятія достигли уже 1.700.000 руб., въ слѣдующемъ году они превысили 2 мил., въ 1896 г. дошли почти до 2,5 мил. рубл. и затѣмъ, увеличиваясь каждогодно, превышали въ 1898 и 1899 годахъ 3.700.000 руб. Въ числѣ этихъ расходовъ были и суммы, назначенныя на образованіе переселенческихъ участковъ въ районѣ строющейся дороги и на воспособленіе переселенцамъ въ пути и при водвореніи ихъ въ сибирскихъ губерніяхъ. Для образованія изъ свободныхъ казенныхъ земель переселенческихъ участковъ на средства этого фонда содержались особыя межевыя партіи вѣдомства мин. земл. и госуд. имуществъ, при чемъ расходъ на ихъ содержаніе въ 1899 г. достигалъ уже почти полмилліона рублей. На выдачу ссудъ переселенцамъ въ пути и на мѣстахъ водворенія въ 1894 г. было израсходовано 187.519 руб., въ 1894—456.000 въ 1896—800.000 руб., въ 1897—1.400.000 руб. При составленіи смѣты на 1899 г. министерство внутреннихъ дѣлъ испрашивало на нужды переселенческаго дѣла уже свыше 2 милл. рублей.

Размѣры движенія къ серединѣ девяностыхъ годовъ достигли уже почтенной цифры 100.000 душъ въ годъ и скоро превысили и эту норму. За послѣднее десятилѣтіе XIX сто-

лѣтія въ Сибирь переселилось всего 1.091.767 душъ обоего пола; за первые 4 года нынѣшняго вѣка 263.777*).

Въ послѣдніе годы прошлаго вѣка движеніе шло такъ интенсивно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исчерпанъ былъ весь огромный запасъ удобныхъ свободныхъ земель въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ и для отвода участковъ переселенцамъ правительство стало мало по малу стѣснять привольное до тѣхъ поръ землепользованіе старожилаго крестьянскаго населенія Сибири, съ цѣлью ограниченія котораго предпринято было окончательное поземельное устройство крестьянъ и инородцевъ 4-хъ сибирскихъ губерній, причемъ по закону 23 мая 1896 г. установлена была предѣльная норма надѣла не свыше 15 десятинъ на душу (ст. 5). Излишнія земли должны быть или отграничены, причемъ изъ нихъ могутъ быть образуемы и переселенческіе участки, или могутъ быть оставляемы во владѣніи крестьянскихъ обществъ съ обязательствомъ допринять недостающее число членовъ. (ст. 9) Исчерпавъ запасъ свободныхъ земель, удобныхъ для сельско-хозяйственной культуры, правительство стало отводить участки въ таежныхъ мѣстностяхъ, давая водворяющимся тамъ переселенцамъ усиленныя льготы. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются попытки водворенія переселенцевъ среди кочевыхъ инородцевъ въ степяхъ Тургайской и Акмолинской областей и въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ. Попытки эти встрѣчаютъ, однако же, значительныя препятствія. Въ послѣдніе годы усиленно поощрялось переселеніе въ Амурскую область и Уссурійскій край; но отдаленность этого края и весьма своеобразныя климатическія и почвенныя условія, почти полное отсутствіе тамъ удобныхъ путей сообщенія, а въ послѣднее время необезпеченность вслѣдствіе близости театра военныхъ

*) Цифры за 10 лѣтъ прошлаго столѣтія подсчитаны мною по матеріаламъ Коммиссіи по изслѣдованію причинъ „оскудѣнія центра", (Часть I, стр. 22); цифры четырехъ первыхъ лѣтъ нынѣшняго вѣка мнѣ любезно сообщены А. А. Кауфманомъ.

дѣйствій дѣлаютъ вопросъ о колонизаціи этого края въ высшей степени труднымъ, если не вполнѣ безнадежнымъ.

Нельзя отрицать, что благодаря главнымъ образомъ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ сыграло крупную роль въ дѣлѣ удовлетворенія крестьянскаго населенія новыми свободными землями. Но рессурсъ этотъ слѣдуетъ въ настоящее время признать почти исчерпаннымъ. Всѣ болѣе или менѣе удобныя земли въ Сибири уже заняты; разселеніе же въ тайгѣ доступно лишь отдѣльнымъ наиболѣе сильнымъ и предпріимчивымъ колонизаторамъ, такъ какъ расчистка таежныхъ пространствъ обходится такъ дорого, что стоимость каждой расчищенной десятины почти равняется стоимости удобной земли въ густо населенныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Такимъ образомъ, роль переселенческаго движенія, какъ крупнаго фактора въ дѣлѣ смягченія земельной нужды для крестьянскаго населенія Европейской Россіи, уже сыграна, не говоря о томъ, что и въ прошломъ роль эта, какъ она ни была крупна, въ общемъ аграрномъ вопросѣ являлась все-таки паліативомъ. Чтобы понять это, достаточно принять во вниманіе, что въ годъ наибольшаго развитія переселенческаго движенія вся масса переселявшихся крестьянъ не превышала одной восьмой части ежегоднаго естественнаго прироста крестьянскаго населенія. Вотъ почему въ итогѣ переселенческое движеніе лишь въ очень умѣренной долѣ могло вліять на смягченіе все растущей нужды крестьянскаго населенія въ землѣ и отнюдь не можетъ помочь въ рѣшеніи обостряющагося съ каждымъ годомъ аграрнаго вопроса *).

Голодъ 1891—1893 гг. не только пробудилъ наше общество и вызвалъ въ немъ сознаніе необходимости кореннаго преобразованія нашего общественнаго и государственнаго

*) Истинное значеніе переселенческаго движенія въ этомъ отношеніи въ послѣднее время прекрасно выяснено А. А. Кауфманомъ въ докладахъ его въ географическомъ обществѣ въ Петербургѣ и на аграрномъ съѣздѣ въ Москвѣ.

строя, но заставилъ призадуматься и само правительство. Уже при обсужденіи въ государственомъ совѣтѣ въ 1893 г. законопроекта о неотчуждаемости крестьянской земли, соединенные департаменты признали, что правительству предстоитъ изысканіе способовъ „къ прочному улучшенію земельнаго хозяйства и вообще экономическаго благосостоянія крестьянъ“, и что „для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо значительное расширеніе задачи того законодательнаго труда, который намѣченъ министерствомъ“ *). Департаменты предусматривали поэтому необходимость въ ближайшемъ будущемъ коренного пересмотра положеній 19 февраля и для этой цѣли предлагали учредить особую внѣвѣдомственную комиссію по образцу редакціонныхъ комиссій 1859 г. Сужденія свои по этому вопросу они, впрочемъ, находили нужнымъ сохранить въ тайнѣ, опасаясь, что оглашеніе ихъ во всеобщее свѣдѣніе можетъ „породить въ крестьянской средѣ напрасныя опасенія и ожиданія, предупредить которыя представляется безусловно желательнымъ“ **). Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, также присоединился тогда „къ единогласному заключенію соединенныхъ департаментовъ о необходимости законодательнаго пересмотра дѣйствующихъ о крестьянахъ законоположеній“ ***). Но единственнымъ послѣдствіемъ этихъ сужденій явился циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 7 іюня 1894 г. за № 29, которымъ затребованы были черезъ губернаторовъ заключенія отъ крестьянскихъ учрежденій и земскихъ управъ по цѣлому списку вопросовъ, составленному въ земскомъ отдѣлѣ относительно неудобствъ, встрѣчаемыхъ на практикѣ при примѣненіи на мѣстахъ различныхъ частей дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ. По полученіи этихъ

---

*) Журналъ соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта 20, 24 и 28 апрѣля 1893 г.

**) Тамъ-же.

***) Высоч. утв. мнѣніе Госуд. Совѣта 14 декабря 1893 г.

заключеній, въ которыхъ не было особенно яркихъ и жизненныхъ указаній, изъ нихъ составленъ былъ въ земскомъ отдѣлѣ сводъ, который и изданъ былъ въ 1896 — 1897 гг. въ четырехъ томахъ. Между тѣмъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера за 1896 г. выражена была мысль, что не смотря на благопріятное поступленіе податей и сборовъ въ отчетномъ году, платежныя силы сельскаго населенія, находятся, по мнѣнію государственнаго контроля, „въ чрезмѣрномъ напряженіи, особенно въ центральныхъ губерніяхъ“. Это заявленіе вызвало отмѣтку Государя: „Мнѣ тоже кажется“. Тогда министръ финансовъ С. Ю. Витте, давая свое объясненіе по этому поводу, напомнилъ сужденія государственнаго совѣта, выраженныя въ 1893 году, и съ своей стороны предлагалъ учредить особую внѣвѣдомственную комиссію „для всесторонняго выясненія современныхъ нуждъ сельскаго населенія и для пересмотра тѣхъ положеній, которыя регулируютъ личныя, имущественныя и общественныя права крестьянъ“.

Вопросъ этотъ подробно обсуждался затѣмъ въ комитетѣ министровъ, гдѣ С. Ю. Витте призналъ, что на благосостояніе крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ вліяютъ въ сущности самыя разнообразныя причины, въ числѣ которыхъ важное мѣсто занимаютъ: быстрый ростъ государственныхъ расходовъ, главною своею тяжестью упадающихъ на эти именно губерніи; а также „чрезмѣрное ихъ обложеніе сравнительно съ обширными нашими окраинами, живущими и развивающимися въ значительной степени на счетъ остальной имперіи“... Но признавая зависимость упадка крестьянскаго благосостоянія отъ постоянныхъ крупныхъ затратъ „на такія государственныя потребности, которыя остаются съ экономической точки зрѣнія непроизводительными“, министръ финансовъ указалъ, что „подобные обширные экономическіе и финансовые вопросы“, составляя постоянный предметъ соображеній министерства финансовъ и высшаго правительства, въ значительной степени усложнили бы задачу ближайшаго

изысканія средствъ къ подъему экономическаго благосостоянія собственно крестьянскаго населенія и развитію его производительныхъ силъ"; а потому С. Ю. Витте заранѣе предусматривалъ необходимость изъять всѣ такіе вопросы изъ компетенціи проектируемой имъ комиссіи, задачи которой онъ желалъ ограничить пересмотромъ крестьянскаго законодательства въ видахъ устраненія изъ сельскаго быта такихъ условій, которыя тормазятъ правильное развитіе сельскохозяйственной промышленности.

Позднѣе онъ повторилъ ту же мысль въ докладѣ о государственной росписи на 1899 г., при чемъ высказалъ, что главная причина, задерживающая упроченіе хозяйства крестьянъ, кроется, по его мнѣнію, въ отсутствіи въ деревнѣ „прочнаго правопорядка".

Въ комитетѣ министровъ почти всѣ его члены въ разныхъ выраженіяхъ признавали, однако-же, что причины упадка крестьянскаго благосостоянія не ограничиваются тѣми условіями крестьянскаго быта, которыя регулируются общимъ крестьянскимъ законодательствомъ. Такъ напримѣръ, К. П. Побѣдоносцевъ указывалъ, что „вопросъ о причинахъ упадка матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, особливо въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, есть вопросъ великой важности и великой сложности" и что „для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса пришлось бы входить въ подробное изслѣдованіе всѣхъ причинъ этого упадка, и тогда надлежало бы разсмотрѣть не только всѣ потребности и явленія экономическаго быта крестьянъ разныхъ мѣстностей, но и коснуться до всѣхъ отраслей мѣстнаго и финансоваго управленія"; а такъ какъ это представлялось статсъ-секретарю Побѣдоносцеву совершенно нежелательнымъ и черезчуръ опаснымъ, то онъ былъ противъ образованія и внѣвѣдомственной комиссіи, которая, какъ ему казалось, „возбудитъ ожиданія, можетъ быть, преувеличенныя, и безпорядочные въ публикѣ толки, могущіе произвесть смуту въ мысляхъ населенія". В. К. Плеве,—тогда еще государственный секре-

тарь — понимая очень хорошо, что „паденіе прибыльности земледѣльческаго промысла и несоотвѣтствіе доходовъ сельскаго населенія съ лежащею на немъ податною тягостью составляютъ главную причину обѣдненія крестьянъ", заявилъ, однако-же, что, по его мнѣнію, „осторожнѣе не касаться общаго вопроса о причинахъ тяжелаго положенія населенія а разсматривать предпринимаемыя работы лишь какъ необходимое продолженіе мѣръ по исправленію крестьянскаго законодательства". При этомъ онъ пытался увѣрить комитетъ министровъ, что отличительныя черты законодательства о крестьянахъ, которыя необходимо оставить неприкосновенными, заключаются въ неотчуждаемости крестьянскихъ земель, въ сословномъ устройствѣ волостного и сельскаго управленія и вообще въ обособленности всего крестьянскаго строя. Въ комитетѣ министровъ только одинъ М. Н. Островскій заявилъ, что всякая отсрочка въ принятіи мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ поведетъ лишь къ дальнѣйшему ухудшенію положенія крестьянства. Въ результатѣ этихъ сужденій комитетъ принялъ мысль С. Ю. Витте о желательности образованія внѣвѣдомственной комиссіи съ тою, напередъ ограниченною, компетенціею, какою онъ же проектировалъ ее снабдить. Но и эта мысль, хотя журналъ комитета и былъ высочайше утвержденъ 27 мая 1898 г., осталась тогда безъ осуществленія, подъ вліяніемъ, повидимому, тѣхъ опасеній, которыя были высказаны К. П. Побѣдоносцевымъ. Вмѣсто внѣвѣдомственной комиссіи рѣшено было уже въ январѣ 1902 г., по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, учредить особое совѣщаніе въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Сипягина и съ членами по его назначенію. При этомъ совѣщаніи образована была особая редакціонная комиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра Стишинскаго, которой и было поручено выработать проектъ такихъ законоположеній, которыя завершили бы работы, не доведенныя до конца въ 1861 году, но основыва-

лись бы при этомъ на тѣхъ же главныхъ принципахъ, какіе легли въ основаніе положеній 19 февраля.

Вступившій въ 1902 году на постъ министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Плеве утверждалъ вновь въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ по окончаніи работъ этой редакціонной комиссіи 26 октября 1903 г., что такихъ главныхъ принциповъ три. „Первымъ и самымъ основнымъ началомъ положеній 19 февраля 1861 г.—по мнѣнію комиссіи г. Стишинскаго, согласному съ мнѣніемъ самого министра — является сословная обособленность крестьянъ и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія ими“. Вторымъ „незыблемымъ началомъ“ признанъ былъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (хотя онъ изданъ былъ лишь 14 декабря 1893 г.) и, наконецъ, третьимъ—неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія отъ всякаго ихъ насильственнаго, велѣніемъ закона, измѣненія.

Тутъ разумѣлся принципъ, выставленный передъ тѣмъ въ манифестѣ 26 февраля 1903 г., о неприкосновенности общиннаго землевладѣнія. На этихъ главныхъ основаніяхъ редакціонною комиссіею г. Стишинскаго выработаны были предположенія объ измѣненіи и дополненіи положеній 19 февраля 1861 г. новыми уставами, которые рѣшено было подвергнуть обсужденію въ губернскихъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу, созданныхъ будто-бы по примѣру губернскихъ комитетовъ 1858 и 1859 годовъ, но на самомъ дѣлѣ сильно отличавшихся отъ нихъ по своему составу. Тѣ комитеты составлены были, какъ извѣстно, изъ лицъ, свободно избранныхъ дворянствомъ, эти же находились подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и состояли частью изъ различныхъ губернскихъ чиновниковъ, частью изъ земскихъ начальниковъ, земскихъ гласныхъ и иныхъ лицъ, приглашенныхъ губернаторами по собственному ихъ усмотрѣнію.

Статсъ-секретарь Витте не помирился, однако же, съ сосредоточеніемъ всего этого дѣла въ министерствѣ внутрен-

нихъ дѣлъ. Еще въ 1899 г. онъ образовалъ при министерствѣ финансовъ особую комиссію по изслѣдованію вопроса объ оскудѣніи центра подъ предсѣдательствомъ В. И. Ковалевскаго *). Послѣ двухлѣтнихъ занятій результаты работъ этой важной по своимъ задачамъ комиссіи появились сперва въ частномъ изслѣдованіи одного изъ ея членовъ А. Д. Полѣнова, а затѣмъ изданы были въ свѣтъ и офиціально. Для выясненія поставленнаго вопроса комиссія спеціальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій не производила, а воспользовалась готовымъ матеріаломъ печатнымъ и рукописнымъ, имѣвшимся въ распоряженіи департамента окладныхъ сборовъ. На основаніи этого матеріала она выяснила, что „оскудѣніе" центрально-черноземныхъ губерній есть несомнѣнный фактъ, наличность котораго констатируется прежде всего чрезвычайнымъ накопленіемъ недоимокъ окладныхъ сборовъ. Оказалось, что, несмотря на естественное плодородіе почвы этого района, недоимки неуклонно возрастали начиная съ 1871 г. Недоимки, составлявшія въ началѣ этого періода лишь 1/10 годоваго оклада, достигли теперь суммы, превышающей годовой окладъ вдвое. Особенный ростъ недоимокъ проявился въ пятилѣтіе 1891—1895 г.г., ознаменованное неурожаями, но и въ слѣдующіе урожайные годы недоимки продолжали рости.

Изслѣдованіе посѣвовъ и урожаевъ обнаружило, что въ количествѣ высѣваемыхъ хлѣбовъ сравнительно съ ростомъ населенія вездѣ въ Россіи произошла убыль: въ среднемъ на каждаго ѣдока крестьянскаго населенія пятидесяти губерній Европ. Россіи высѣяно въ пятилѣтіе 1891—1895 г.г. лишь 65% того, что высѣвалось на каждаго ѣдока въ 1861—1865 г.г. Это явленіе объясняется приростомъ населенія и расширеніемъ площади культуры картофеля за счетъ хлѣбовъ. Самыхъ зна-

*) Подъ именемъ черноземнаго „центра" здѣсь разумѣлись губерніи: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Симбирская и Саратовская.

чительныхъ размѣровъ пониженіе относительнаго количества посѣвовъ достигло именно въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ оно понизилось на 44%. Еще сильнѣе по даннымъ комиссіи оказалось пониженіе сбора хлѣбовъ. Оно достигло за тотъ же періодъ времени въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ 27%, а вообще въ Европ. Россіи—12%. Замѣна злаковъ картофелемъ, по даннымъ комиссіи, произошла, повидимому, главнымъ образомъ за счетъ овса, что въ свою очередь вызвало сокращеніе коневодства,—подтвердившееся и другими изслѣдованіями,—а сокращеніе коневодства и увеличеніе числа безлошадныхъ дворовъ, разумѣется, въ конецъ подрываетъ хозяйственную силу крестьянства. Питаніе населенія также соотвѣтственно ухудшилось.

Установивъ эти факты, комиссія выяснила, что „оскудѣніе" это не особенно давняго происхожденія, такъ какъ въ 70-хъ и даже въ началѣ 80-хъ годовъ не только не замѣчалось пониженія уровня благосостоянія въ этомъ районѣ, но, напротивъ, онъ находился въ положеніи или равномъ, или лучшемъ сравнительно съ другими.

Признавъ важнымъ факторомъ этого упадка неурожай 1891—1892 г.г., комиссія особенное значеніе приписала, однако, паденію хлѣбныхъ цѣнъ, опираясь при этомъ на многолѣтнія данныя, указывающія, что съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ ростъ задолженности частнаго землевладѣнія ослабѣваетъ, а съ пониженіемъ ихъ значительно усиливается *). Весьма важнымъ факторомъ „оскудѣнія" центра комиссія признала неблагопріятное положеніе его въ отношеніи общегосударственнаго бюджета. Оказалось, что съ этого района государственныхъ налоговъ взимается гораздо больше, не-

*) Между прочимъ, комиссія признала, что высокія хлѣбныя цѣны представляютъ несомнѣнную выгоду и для значительной части русскаго крестьянскаго населенія. Этотъ выводъ комиссіи прямо противорѣчитъ заявленію министра финансовъ въ докладѣ по росписи на 1899 г., гдѣ С. Ю. Витте указывалъ, что въ Россіи крестьянское населеніе не заинтересовано въ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ.

жели расходуется на удовлетвореніе нуждъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. По даннымъ комиссіи цѣлый рядъ областей россійской имперіи хронически даетъ значительный дефицитъ, особенно восточныя окраины, а также столичныя губерніи и отчасти Юго-Западный край, Малороссія и Прибалтійскій край. Покрываютъ же все это превышеніе расходовъ надъ доходами центрально-черноземная полоса и промышленныя губерніи. Это высасываніе соковъ изъ центрально-черноземныхъ губерній вліяетъ на нихъ особенно пагубно, потому что губерніи эти чисто земледѣльческія, торговля и промышленность въ нихъ развиты чрезвычайно слабо, вслѣдствіе поглощенія всей рабочей дѣятельности населенія однимъ земледѣліемъ и отсутствія въ этомъ районѣ денежныхъ капиталовъ. Въ числѣ бытовыхъ причинъ, неблагопріятно вліявшихъ на благосостояніе центра, комиссія указала и на неустройство крестьянскихъ правовыхъ отношеній, т. е. на отсутствіе того правопорядка въ деревнѣ, о которомъ упоминалъ въ своемъ докладѣ министръ финансовъ. Но данныя, собранныя комиссіей рѣзче всего освѣщали несоотвѣтствіе нуждамъ крестьянскаго населенія той общей экономической и финансовой политики, сужденіе о которой С. Ю. Витте находилъ возможнымъ предоставить лишь высшему правительству. Какъ бы то ни было, изслѣдованія этой комиссіи при всей существенности выясненныхъ имъ данныхъ до настоящаго времени не получили никакого практическаго значенія.

Въ 1902 г. осуществилась много разъ выраженная мысль С. Ю. Витте объ учрежденіи внѣвѣдомственной комиссіи, которая была наконецъ образована подъ его предсѣдательствомъ спустя недѣлю послѣ образованія Сипягинской комиссіи, подъ именемъ „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Хотя, какъ мы видѣли, пересмотръ положеній 19 февраля былъ возложенъ на особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, однако же, въ программу „Особаго совѣщанія о

нуждахъ сельскохозяйственной промышленности", какъ теперь оказывается, были включены пункты (30 и 31), уполномачивавшіе и это совѣщаніе „войти въ обсужденіе тѣхъ препятствій къ успѣшному развитію сельскаго хозяйства, которыя заключаются въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія и правопорядка" *).

Въ то время, какъ работы по пересмотру положеній 19 февраля, сосредоточенныя въ редакціонной комиссіи Стишинскаго, шли чисто бюрократическимъ путемъ, „Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности" вынесло порученную ему задачу на широкую общественную арену. Для обсужденія этихъ нуждъ образованы были въ уѣздахъ и губерніяхъ сельско-хозяйственные комитеты, къ участію въ которыхъ были допущены всѣ мѣстные общественные дѣятели (въ числѣ 11.000 лицъ). Хотя въ спискѣ поставленныхъ на ихъ обсужденіе вопросовъ крестьянскій вопросъ прямо не значился, однако же, они вошли въ его обсужденіе „по своему почину", и, какъ справедливо указалъ С. Ю. Витте въ своей „Запискѣ по крестьянскомъ дѣлу", съ замѣчательнымъ единодушіемъ признали, что „преуспѣяніе сельскохозяйственной промышленности ближайшимъ образомъ зависитъ отъ такого улучшенія правового положенія нашего крестьянства, которое содѣйствовало бы развитію въ немъ духа хозяйственной предпріимчивости и самодѣятельности; внѣ этого, а также просвѣщенія крестьянской среды, всевозможныя мѣры въ области экономики и техники сельскаго хозяйства принесутъ, по мнѣнію комитетовъ, лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительныхъ затратъ, которыя потребуются съ этой цѣлью изъ народныхъ же средствъ" **).

Съ этимъ взглядомъ вполнѣ соглашается и предсѣдатель

---

*) *С. Ю. Витте* „Записка по крестьянскому дѣлу". изд. „Общ. пользы". Спб. 1905 г. *стр.* 3.

**) *С. Ю. Витте* „Записка по крестьянскому дѣлу" стр. 4.

„особаго совѣщанія“ С. Ю. Витте, подробно развившій его въ своей запискѣ по крестьянскому дѣлу. Но члены сельско-хозяйственныхъ комитетовъ этимъ не ограничились. „Культурно-правовыя реформы—по единодушному представленію комитетовъ—необходимы для подъема сельско-хозяйственной промышленности, но однѣ онѣ не могутъ обезпечить ея прогресса. Необходимы еще коренныя измѣненія въ финансовой политикѣ государства, потому что для прогресса крестьянскаго хозяйства необходимы не только образованіе, личная предпріимчивость и общественная самодѣятельность, но и средства. Пока не будетъ улучшено матеріальное положеніе крестьянъ, пока они не получатъ возможности накоплять сбереженія и затрачивать ихъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, до тѣхъ поръ они будутъ „ковырять“ землю, а не хозяйничать на ней“ *) Поэтому многіе комитеты признавали вопросъ о коренномъ измѣненіи финансовой политики государства самымъ существеннымъ въ этомъ дѣлѣ. С. Н. Прокоповичъ насчитываетъ 90 уѣздныхъ и 10 губернскихъ комитетовъ, высказавшихся за введеніе подоходнаго налога и замѣну имъ косвеннаго обложенія, изнурившаго народъ **). По его же подсчету 39 уѣздныхъ и 5 губернскихъ комитетовъ, высказались за отмѣну выкупныхъ платежей ***). Наконецъ 8 уѣздныхъ комитетовъ высказались за сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ правительства и за установленіе контроля надъ расходованіемъ правительствомъ народныхъ средствъ ****). О всѣхъ такихъ постановленіяхъ комитетовъ С. Ю. Витте въ своей „Запискѣ“ не упоминаетъ ни слова.

Исходя изъ тѣхъ-же соображеній, значительная часть коми-

---

*) *С. Н. Прокоповичъ* „Мѣстные люди о нуждахъ Россіи“, стр. 145. Срав. ст. *Н. Ф. Анненскаго* во II т. Сборника „Нужды Деревни“, стр. 552 и слѣд.

**) *С. Н. Прокоповичъ*, стр. 161.

***) Тамъ-же, стр. 164.

****) Тамъ-же, стр. 165.

тетовъ признала кореннымъ вопросомъ крестьянскаго хозяйства устраненіе малоземелья. Предложенныя въ этомъ смыслѣ различными комитетами мѣры сводились: къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла (95 уѣздныхъ и 16 губернскихъ); къ надѣленію крестьянъ государственными и частью удѣльными, церковными и вакуфными (въ Крыму) землями (45 уѣздныхъ и 6 губернскихъ); къ направленію дѣятельности крестьянскаго банка на борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ (133 уѣздныхъ и 26 губернскихъ). Наконецъ 14 уѣздныхъ комитетовъ и 2 губернскихъ высказались за экспропріацію части владѣльческой земли въ пользу крестьянъ *).

Вѣрный усвоенной имъ тактикѣ, С. Ю. Витте не касается этихъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ въ своей „Запискѣ по крестьянскому дѣлу“, полагая вѣроятно, что вопросы эти могутъ подлежать лишь келейному обсужденію высшаго правительства. Между тѣмъ, въ дѣйствительной жизни именно эти вопросы не только выдвинуты на первый планъ, но выдвинуты въ очень острой формѣ. Крестьянство наше во многихъ губерніяхъ находится уже давно въ крайне тревожномъ настроеніи. Настроеніе это, очень напоминающее то настроеніе, въ которомъ находились крѣпостные крестьяне въ эпоху Крымской войны, выразилось въ послѣдніе годы въ цѣломъ рядѣ аграрныхъ волненій и безпорядковъ, принимающихъ во многихъ губерніяхъ все болѣе и болѣе грозный характеръ. Какъ въ эпоху Крымской кампаніи, такъ и теперь представители крупнаго землевладѣнія настойчиво заявляютъ о необходимости соотвѣтственныхъ преобразованій. Земскіе дѣятели всѣхъ земскихъ губерній Европейской Россіи послѣ цѣлаго рѣда совѣщаній и съѣздовъ высказались недавно (въ февралѣ 1905 г.) за аграрную реформу, построенную на слѣдующихъ началахъ: „I. Улучшеніе экономиче-

---

*) Тамъ-же, стр. 195 — 207. Срав. въ сборникѣ „Нужды деревни“, т. II, статью *А. В. Пѣшехонова.*

скаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частно-владѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій. II. Признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель; увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель, и эксплоатація его въ интересахъ трудящагося населенія. III. Упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія. IV. Образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій согласно вышеуказаннымъ началамъ. V. Правильная постановка на широкихъ началахъ переселенія и разселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа крестьянскаго банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ. VI. Коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель, уничтоженія чрезполосицы частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель, обмѣна участковъ и т. д.“ *).

Программа эта однако же, повидимому, не имѣетъ шансовъ на сочувствіе правительственныхъ сферъ. По крайней мѣрѣ въ рескриптѣ на имя члена государственнаго совѣта И. Л. Горемыкина, данномъ 30 марта 1905 года, по случаю образованія подъ его предсѣдательствомъ новаго „Особаго совѣщанія“ для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія“, сказано, что задача эта должна быть осуществлена „при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. Для вящшаго утвержденія въ народномъ сознаніи убѣжденія въ неприкосновенности всякой частной собственности въ рескриптѣ предлагается „приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ

*) „Экономическая Газета“, № 1.

земель прочихъ владѣльцевъ", для облегченія же крестьянамъ ихъ тяжелаго экономическаго положенія „должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка").

Одновременно съ этимъ закрыто „Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", при чемъ всѣ матеріалы, имъ собранные, указано передать въ совѣщаніе И. Л. Горемыкина. Что касается работъ по пересмотру положеній 19 февраля, то эти работы оставлены по прежнему въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Предположенія, выработанныя комиссіей Стишинскаго, были переданы указомъ 8 января 1904 г. на заключеніе губернскихъ комитетовъ, причемъ еще разъ было подтверждено, что пересмотръ законоположеній, опредѣляющихъ административное устройство и правовое положеніе крестьянъ, долженъ быть произведенъ на почвѣ главныхъ началъ положеній 19 февраля 1861 г.; начала же эти были истолкованы въ смыслѣ вышеприведеннаго доклада В. К. Плеве. Послѣ смерти Плеве, послѣдовавшей 15 іюля 1904 г., въ высшихъ правительственныхъ сферахъ наступила перемѣна курса, выразившаяся въ либеральныхъ вѣяніяхъ министерства кн. Святополкъ-Мирскаго, пытавшагося сблизить правительство съ передовыми земскими элементами страны. Новый курсъ развивался безъ опредѣленнаго плана и съ очень большими колебаніями. 12 декабря 1904 г. послѣдовалъ извѣстный указъ, возвѣщавшій цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій различныхъ сторонъ русской жизни. По крестьянскому дѣлу указомъ этимъ повелѣвалось, чтобы работы по пересмотру крестьянскихъ законоположеній „привели оныя къ объединенію съ общимъ законо-

дательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ свободныхъ обывателей". Тѣмъ же указомъ повелѣвалось „въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность". Эти предначертанія указа въ связи съ толкованіями, приведенными въ „Запискѣ" предсѣдателя комитета министровъ С. Ю. Витте, въ глазахъ всѣхъ настолько измѣняли направленіе, данное работамъ по пересмотру крестьянскихъ законоположеній при Плеве, что во многихъ губерніяхъ губернскіе комитеты не находили уже возможнымъ продолжать начатыя ими занятія до полученія новыхъ указаній, согласованныхъ съ новыми вѣяніями. Но надежды на измѣненіе въ направленіи этихъ работъ оказались неосновательными: министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій разослалъ 31 декабря 1904 г. губернаторамъ циркулярное письмо, въ которомъ приглашалъ губернскіе комитеты продолжать начатыя работы на прежнихъ основаніяхъ. При этомъ кн. Святополкъ-Мирскій пытался доказать, что между указами 8 января и 12 декабря 1904 г. нѣтъ противорѣчія. Губернскіе комитеты во многихъ мѣстахъ возобновили свои занятія; но русское общество несомнѣнно осталось при убѣжденіи, что между указами 8 января и 12 декабря легла цѣлая пропасть, а на толкованія кн. Святополкъ-Мирскаго посмотрѣло, какъ на неожиданную реакціонную попытку.

Въ настоящее время мы стоимъ, такимъ образомъ, въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ русской жизни, на распутьѣ. Передъ нами прошелъ цѣлый калейдоскопъ мѣропріятій или, точнѣе говоря, предначертаній, которыя остаются, однако же, не согласованными ни между собой, ни съ тѣми требованіями жизни, которыя были заяв-

лены въ послѣднее время десятками тысячъ сознательныхъ представителей русскаго общества. Надо думать, что крестьянскій вопросъ получитъ свое окончательное и полное рѣшеніе вмѣстѣ со всѣми другими насущными вопросами русской жизни, какъ только управленіе судьбами русскаго народа попадетъ въ руки законно-избранныхъ его представителей.
